

ВЕКТОР НАУКИ

Тольяттинского
государственного
университета
Серия: Юридические науки

Основан в 2010 г.

№ 3 (54)

2023

16+

Ежеквартальный
научный журнал

Учредитель – Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего образования
«Тольяттинский государственный университет»

Главный редактор

Кристал Михаил Михайлович, доктор физико-математических наук,
профессор

Заместитель главного редактора

Вершинина Светлана Ивановна, доктор юридических наук, доцент

Редакционная коллегия:

Азарёнок Николай Васильевич, доктор юридических наук, доцент
Дежнев Александр Сергеевич, доктор юридических наук, доцент
Дуюнов Владимир Кузьмич, доктор юридических наук, профессор
Ирошников Денис Владимирович, доктор юридических наук, доцент
Кленова Татьяна Владимировна, доктор юридических наук, профессор
Лазарева Валентина Александровна, доктор юридических наук, профессор
Ланг Петр Петрович, доктор юридических наук, доцент
Муравьев Кирилл Владимирович, доктор юридических наук, доцент
Насонова Ирина Александровна, доктор юридических наук, профессор
Некрасов Александр Петрович, доктор юридических наук, профессор
Россинский Сергей Борисович, доктор юридических наук, доцент
Рябинина Татьяна Кимовна, доктор юридических наук, профессор
Субочев Виталий Викторович, доктор юридических наук, профессор
Суменков Сергей Юрьевич, доктор юридических наук, доцент
Трофимов Василий Владиславович, доктор юридических наук, доцент
Хужин Альфир Мисхатович, доктор юридических наук, доцент

Входит в перечень рецензируемых научных журналов, зарегистрированных в системе «Российский индекс научного цитирования», в перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук.

Зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-76950 от 09 октября 2019 г.).

Компьютерная верстка:
Н.А. Никитенко

Ответственный/технический редактор:
Н.А. Никитенко

Адрес редакции: 445020, Россия,
Самарская область, г. Тольятти,
ул. Белорусская, 14

Тел.: (8482) 44-91-74

E-mail: vektornaukitgu@yandex.ru

Сайт: <https://vektornaukipravo.ru>

Подписано в печать 29.09.2023.
Выход в свет 15.12.2023.
Формат 60×84 1/8.
Печать цифровая.
Усл. п. л. 6,2.
Тираж 25 экз. Заказ 3-404-23.
Цена свободная.

Издательство Тольяттинского
государственного университета
445020, г. Тольятти,
ул. Белорусская, 14

СВЕДЕНИЯ О ЧЛЕНАХ РЕДКОЛЛЕГИИ

Главный редактор

Кристал Михаил Михайлович, доктор физико-математических наук, профессор, ректор (Тольяттинский государственный университет, Тольятти, Россия).

Заместитель главного редактора

Вершинина Светлана Ивановна, доктор юридических наук, доцент, директор Института права (Тольяттинский государственный университет, Тольятти, Россия).

Редакционная коллегия:

Азарёнок Николай Васильевич, доктор юридических наук, доцент, директор Института юстиции, профессор кафедры судебной деятельности и уголовного процесса (Уральский государственный юридический университет им. В.Ф. Яковлева, Екатеринбург, Россия).

Дежнев Александр Сергеевич, доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры уголовного процесса (Омская академия МВД Российской Федерации, Омск, Россия).

Дуюнов Владимир Кузьмич, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры «Уголовное право и процесс» (Тольяттинский государственный университет, Тольятти, Россия).

Ирошников Денис Владимирович, доктор юридических наук, доцент, заведующий кафедрой правового обеспечения национальной безопасности (Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Москва, Россия).

Кленова Татьяна Владимировна, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой уголовного права и криминологии (Самарский национально-исследовательский университет имени академика С.П. Королева, Самара, Россия).

Лазарева Валентина Александровна, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного процесса и криминалистики (Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, Самара, Россия).

Ланг Петр Петрович, доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры гражданского и арбитражного процесса (Самарский государственный экономический университет, Самара, Россия), судья (Арбитражный суд города Москвы, Москва, Россия).

Муравьев Кирилл Владимирович, доктор юридических наук, доцент, заместитель начальника по научной работе (Орловский юридический институт МВД России им. В.В. Лукьянова, Орел, Россия).

Насонова Ирина Александровна, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного процесса (Воронежский институт МВД России, Воронеж, Россия).

Некрасов Александр Петрович, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного и уголовно-исполнительного права (Самарский юридический институт ФСИН России, Самара, Россия).

Росинский Сергей Борисович, доктор юридических наук, доцент, главный научный сотрудник Сектора уголовного права, уголовного процесса и криминологии (Институт государства и права Российской академии наук, Москва, Россия).

Рябинина Татьяна Кимовна, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой уголовного процесса и криминалистики (Юго-Западный государственный университет, Курск, Россия).

Субочев Виталий Викторович, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой государственного регулирования (Московский государственный институт международных отношений МИД Российской Федерации, Москва, Россия).

Суменков Сергей Юрьевич, доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры «Государственно-правовые дисциплины» (Пензенский государственный университет, Пенза, Россия).

Трофимов Василий Владиславович, доктор юридических наук, доцент, директор Научно-исследовательского института государственно-правовых исследований, профессор кафедры теории и истории государства и права (Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина, Тамбов, Россия).

Хужин Альфир Мисхатович, доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры гражданского права и процесса (Нижегородская академия МВД России, Нижний Новгород, Россия).

СОДЕРЖАНИЕ

Злоупотребление иностранными терминами и иные негативные тенденции в науке конституционного права Боброва Н.А.	5
Изъятие цифровых следов из сети Интернет и использование их в доказывании: уголовно-процессуальные аспекты Гамбарова Е.А.	13
Досудебное производство в уголовном процессе России: место, роль, значение и перспективы развития Лазарева В.А.	20
Отказ от осуществления прав по договору на основании положений Гражданского кодекса Российской Федерации Маштаков И.В.	28
Обвинительное заключение: процессуальное предназначение Россинский С.Б.	35
Занятие высшего положения в преступной иерархии: типовые тактические операции в расследовании Юношев С.В., Моисеев А.М., Кондратюк С.В.	42
НАШИ АВТОРЫ	52

CONTENT

The excessive use of foreign terms and other negative trends in the constitutional law science Bobrova N.A.	5
Seizure of digital footprints from the Internet and their use in evidence: criminal procedural aspects Gambarova E.A.	13
Pre-trial proceedings in the criminal procedure of Russia: place, role, significance, and development prospects Lazareva V.A.	20
A waiver based on the provisions of the Civil Code of the Russian Federation Mashtakov I.V.	28
Indictment: procedural purpose Rossinskiy S.B.	35
Occupation of the highest position in the criminal hierarchy: standard tactical operations in the investigation Yunoshev S.V., Moiseev A.M., Kondratyuk S.V.	42
OUR AUTHORS	52

Злоупотребление иностранными терминами и иные негативные тенденции в науке конституционного права

© 2023

Боброва Наталья Алексеевна, доктор юридических наук, профессор,
профессор кафедры «Конституционное и административное право», заслуженный юрист РФ
Тольяттинский государственный университет, Тольятти (Россия)

E-mail: bobrovana@mail.ru,
BobrovaNA@samgd.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1880-4248>

Аннотация: Статья посвящена анализу и систематизации негативных тенденций, относящихся к методологии и категориальному аппарату научных исследований в сфере науки конституционного права. Подобных исследований на современном этапе юридической науки очень мало, а в науке конституционного права практически нет. Цель статьи заключается в анализе, систематизации и классификации негативных тенденций в научных исследованиях в сфере конституционного права с точки зрения методологии, понятийно-категориального аппарата научных исследований и их взаимосвязи с практикой правоприменения, а также корректности языка научных публикаций. Автор применяет исторический, социологический, логический, формально-юридический, системный и компаративистский методы, а также методы наблюдения и описания. Сделаны следующие выводы: 1) применение иноязычных терминов в научных исследованиях может быть оправданным и неоправданным; 2) авторы, вводящие и применяющие иностранные термины, зачастую руководствуются не сущностью науки как приращения нового научного знания, а различными околонучными мотивами; 3) рост частоты использования иностранных терминов перерастает в негативную тенденцию, засоряющую понятийно-категориальный аппарат науки; 4) злоупотребление иностранными терминами – часть общей проблемы состояния понятийно-категориального аппарата науки конституционного права; 5) негативные тенденции в методологии науки конституционного права отрицательно сказываются не только на ее понятийно-категориальном аппарате, но и на взаимосвязи между наукой и практикой, отношении законодателей и правоприменителей к научным исследованиям и науке в целом.

Ключевые слова: конституционное право; понятийно-категориальный аппарат; иностранные термины; наукообразия; Приказ Минобрнауки № 1324.

Для цитирования: Боброва Н.А. Злоупотребление иностранными терминами и иные негативные тенденции в науке конституционного права // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Серия: Юридические науки. 2023. № 3. С. 5–12. DOI: 10.18323/2220-7457-2023-3-5-12.

ВВЕДЕНИЕ

Профессор С.А. Авакьян в своей монографии «Представительство в конституционном праве» пишет, что его «беспокоит одно обстоятельство: современные, особенно молодые авторы блистают тем, что, читая и цитируя доступные им иностранные издания, они снабжают подстрочники ссылками на такие работы, совсем не заботясь о том, в какой мере такие публикации доступны российскому читателю. <...> Пусть читатель не упрекает автора в том, что страницы книги не испещрены ссылками на чужие работы. Я не любитель этой манеры научного сочинительства. Имея своим позывом доказывание добросовестности автора, нередко она превращается в самолюбование» [1, с. 13–14]. В этом высказывании корифей науки конституционного права, профессор С.А. Авакьян затронул проблему околонучной мотивации некоторых авторов, чрезмерно оперирующих иностранными источниками и терминами.

Оперирование иностранными источниками и цитирование зарубежных авторов всегда приветствовалось научным сообществом, Высшей аттестационной комиссией Министерства науки и высшего образования РФ, редакциями журналов и научными издательствами, так как придает весомость научным исследованиям, повышает шансы успешной защиты диссертации. Кроме

того, в гуманитарных науках, в том числе в юриспруденции, наблюдается тенденция победы в конкурсах на гранты заявок, изобилующих иностранной терминологией и своеобразным юридическим новоязом: делиберативная демократия, юстициабельность, юридическая аномия, демокурия, компрехендная теория права, демаркация понятий и т. д.

Таким образом, в юридической науке вообще и в науке конституционного права в частности возникает проблема меры в использовании иностранных терминов, особенно в тех случаях, когда существуют вполне привычные и удобные русскоязычные аналоги. Иными словами, происходит переход количества в качество, в данном случае со знаком минус, что есть не что иное, как злоупотребление иностранными терминами. Подобное злоупотребление чревато заменой подлинной науки (как приращения нового знания) неким наукообразным подобием, когда приращения нового знания не происходит, а наблюдаются лишь новые терминологические формы прежнего содержания. По сути, речь идет о «зашлаковывании» научных работ псевдонаучным и пустым содержанием, скрываемым красивыми наукообразными формами.

Отмеченное явление представляет собой весьма существенную (хотя и не единственную) негативную тенденцию современной науки конституционного права.

Другой негативной тенденцией является небрежность, некорректность использования тех или иных юридических терминов, а также использование в юриспруденции категорий иных наук (философии, психологии, социологии и даже негуманитарных наук) в смысловых значениях, размывающих собственно юридический категориальный аппарат.

В данном исследовании в качестве методов научного анализа использовались такие парные категории диалектики, как сущность и явление, качество и количество, содержание и форма, часть и целое, конкретное и общее, случайность и закономерность, субъект и объект. Так, сущность науки состоит в приращении нового знания, а проявляется это приращение в новых фактах, терминах, категориях, смыслах, понятиях, определениях и т. д. Каждое научное знание содержательно, однако одно и то же содержание может иметь разные формы выражения, как, например, одно и то же понятие может иметь множество дефиниций (определений). Это же обстоятельство лежит в основе образования множества терминов, в том числе иностранных, обозначающих одно и то же содержание. Тенденция злоупотребления иностранными терминами отражает философский закон перехода количества в качество, в данном случае негативное качество.

В свою очередь, выявленные посредством систематизации множества конкретных фактов и примеров негативные тенденции в науке подтверждают и иллюстрируют такие парные категории, как случайность и закономерность.

Злоупотребление иностранными терминами является лишь конкретным и частным проявлением более общего и целого явления – наукообразия и псевдонаучного знания, т. е. компиляции чужих и собственных научных исследований в виде новых словесных оборотов, терминов и словосочетаний; размывания предмета юриспруденции инструментарием иных наук под видом междисциплинарного исследования; небрежности в применении терминов и категорий; подмены новизны и актуальности исследования соображениями конъюнктуры и моды.

Цель исследования – анализ, систематизация и классификация негативных тенденций в научных исследованиях в сфере конституционного права с точки зрения методологии, понятийно-категориального аппарата научных исследований и их взаимосвязи с практикой правоприменения, а также корректности языка научных публикаций.

МЕТОДИКА ПРОВЕДЕНИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ

В исследовании применялись исторический, социологический, логический, формально-юридический, системный и компаративистский методы, а также методы наблюдения и описания. Кроме того, использовались парные категории диалектики, указанные во введении.

Исследование проводилось в несколько этапов: анализ большого массива научных публикаций по конституционному праву, в том числе монографий, диссертаций и авторефератов диссертаций; выявление негативных тенденций в исследованиях в сфере науки конституционного права; систематизация обнаруженных негативных тенденций в науке конституционного права.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

О влиянии официальных наукометрических показателей на качество гуманитарной и, в частности, юридической науки

Постановление Правительства РФ от 19 марта 2022 г. № 414 «О некоторых вопросах применения требований и целевых значений показателей, связанных с публикационной активностью»¹ (далее – Постановление) было поистине долгожданным для всей российской науки. Однако название постановления отличается от названия его проекта, опубликованного 16 марта 2022 г. и звучавшего так: «О публикациях, индексируемых в международных базах данных (Web of Science, Scopus)»². Это обстоятельство наводит на некоторые размышления, обусловленные не только причинами завуалированности в названии его основного содержания, связанного с Web of Science и Scopus, но и смягчением, по сравнению с проектом, отношения к названным международным базам данных. Появился пункт, как усиливающий временный характер «отмены» приоритета публикаций в этих базах цитирования (лишь до 31 декабря 2022 г.), так и сохраняющий учет этих наукометрических критериев применительно к правоотношениям, имевшим место до принятия данного Постановления. Ясно одно: Постановление ознаменовало начало периода разработки новых критериев оценки научной деятельности, ориентированных на приоритет отечественных журналов как минимум для гуманитарных наук, тем более для юриспруденции, предметом которой является суверенное российское право.

Многие ученые писали о том, что приоритет публикаций в изданиях, относящихся к международным базам цитирования, над публикациями в российских журналах, в том числе рецензируемых ведущих журналах, входящих в перечень Высшей аттестационной комиссии Министерства науки и высшего образования РФ, есть подмена цели науки (приращение нового знания) псевдонаучным средством вхождения российской науки в мировое научное сообщество с помощью ложно понятых мировых научных стандартов, как будто российская наука не способна вырабатывать эти самые мировые стандарты [2; 3].

Даже монография как итог многолетнего научного труда ученого воспринималась не столь значимой, как статья, опубликованная в Scopus и Web of Science. По большому счету, критерии оценки научной деятельности, установленные в приложении к Приказу Минобрнауки

¹ Постановление Правительства РФ № 414 от 19 марта 2022 года «О некоторых вопросах применения требований и целевых значений показателей, связанных с публикационной активностью» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202203210040>.

² Проект постановления Правительства РФ от 16 марта 2022 года «О публикациях, индексируемых в международных базах данных (Web of Science, Scopus)» // Фонд развития лучевой диагностики. URL: <https://unionrad.ru/news/proekt-postanovleniya-o-publikatsiyakh-indeksiruemymkh-v-mezhdunarodnykh-bazakh-danymkh-web-of-scienc/>.

РФ от 10 декабря 2013 г.³, вредили не только российской науке и отечественному образованию, но и национальным интересам России, ее безопасности как суверенного государства.

Есть некоторая надежда на то, что международные базы данных больше не будут оцениваться как безусловно приоритетные по сравнению с российскими рецензируемыми журналами [4]. Но многие ученые, к сожалению, не дождалась этого момента переоценки научных ценностей. За месяц до принятия названного Постановления умер доктор филологических наук И.А. Стернин, который одним из первых пытался объяснить властям абсурдность и вред критериев оценки научной деятельности, установленных Минобрнауки РФ⁴.

На наш взгляд, прежние критерии оценки научной деятельности, установленные приложением к Приказу Минобрнауки № 1324, способствовали не только приоритету статей в международных базах цитирования, но и процветанию такого заметного явления в российской науке, как чрезмерное оперирование англоязычной терминологией.

Бизнесмены от науки, вдохновленные приложением к Приказу Минобрнауки РФ от 10 декабря 2013 г., зарегистрировали журналы за рубежом (или поспособствовали переориентации некоторых существующих журналов) исключительно для зарабатывания денег. Идея бизнеса абсолютно прозрачна: зарубежный журнал (Scopus и Web of Science) оказывает так называемые публикационные услуги, авторы, а иногда объединения авторов (вкладчину) оплачивают публикационные услуги, получая за опубликованную статью преференции на родине, которые окупают вложения. Со своей стороны, Scopus и Web of Science поддержали данный бизнес политикой продвижения журналов из наименее развитых стран, объясняя свою позицию приобщением к науке большего числа исследователей из разных стран. На самом деле огромное количество таких журналов имеют чрезвычайно низкое качество. Существуют журналы, зарегистрированные в наименее развитых странах, входящие в Scopus и Web of Science и специализирующиеся исключительно на статьях авторов из

России и СНГ. В данных журналах без какого-либо научного рецензирования за установленную плату возможно опубликовать совершенно любой текст. В какой-то момент не замечать происходящее стало невозможно, и тогда Комиссия РАН по противодействию фальсификации научных исследований опубликовала доклад «Иностранные хищные журналы в Scopus и WoS: переводной плагиат и российские недобросовестные авторы»⁵. Но это не остановило вал публикаций в мусорных журналах Scopus и Web of Science.

Описанный феномен был искусственно создан вводом критериев оценки научной деятельности, установленных приложением к Приказу Минобрнауки № 1324.

Злоупотребление иностранной терминологией

Применение англоязычных терминов даже при наличии аналогов в русском языке стало весьма модным явлением, повышающим диссертателность кандидатских и докторских диссертаций, придающим дополнительной весомости любым научным текстам и докладам.

Приведем примеры излишней, на наш взгляд, увлеченности иностранной терминологией. Недавно вышла замечательная монография двух профессоров Д.С. Веллиевой и М.В. Преснякова «Правовая определенность и права человека» [5]. И хотя, как пишут сами авторы в предисловии, в книге «довольно много философии и "околофилософских" рассуждений» [5, с. 6], обилие иностранных слов и терминов в этой, вне всякого сомнения, интересной книге обращает на себя внимание. Приведем заголовки некоторых параграфов: «Rule of Law» [5, с. 190]; «Интеллектуальность закона как необходимое условие правовой определенности» [5, с. 124]; «Rechtsstaat» [5, с. 194]; «Парадигмальность конституционного развития» [5, с. 207]; «Антиномия непоколебимости и эволютивности основных прав» [5, с. 351].

При ближайшем рассмотрении обнаруживается, что всем этим иностранным терминам вполне может соответствовать русский аналог или хотя бы русскоязычное пояснение термина в двух словах. Так, термин «юстициальность», чужеродный, на наш взгляд, по своему звучанию, есть «гарантированность судом», «судебная гарантированность». Неслучайно термин «юстициальность», впервые употребленный иностранными учеными более столетия назад, например английским ученым А.В. Дэйси [6, с. 225; 7, с. 112–113], так и не прижился в отечественной науке. Хватало русских слов, категорий и понятий. Но теперь вдруг его начали активно употреблять, причем вслед за маститыми учеными его стали применять и молодые ученые.

Приведем другой пример с иностранным термином. После того как была переведена на русский язык книга философа Ю. Хабермаса «Демократия, разум, нравственность» [8], а затем была оцифрована⁶, появилась целая волна публикаций с терминами «делиберативный принцип», «делиберативная демократия», «делибера-

³ Приложение к Приказу Министерства науки и образования РФ № 1324 от 10 декабря 2013 г. «Об утверждении показателей деятельности образовательной организации, подлежащей самообследованию» // Контур Норматив: справочно-правовая систем. URL: <https://normativ.kontur.ru/document?moduleId=1&documentId=295062>.

⁴ Стернин И.А. Почему мы так не уважаем себя и собственную российскую науку? // Литературная Россия. 2017. № 2017.

Стернин И.А. Письмо Стернина об оценке научных работ в Комитет по науке и образованию Думы. Ответ Комитета. Ответ из Думы. Комментарии // Стернин И.А. Профессор, заслуженный деятель науки РФ: личный сайт. URL: <http://sterninia.ru/index.php/publitsistika/item/424-pismo-sterninia-ob-otsenke-nauchnykh-rabot-v-komitete-po-nauke-i-obrazovaniyu-dumy-i-otvet-iz-dumy>.

Стернин И.А. Предложения В.В. Путину о науке и образовании, ответ Администрации Президента и Министерства науки и образования РФ // Стернин И.А. Профессор, заслуженный деятель науки РФ: личный сайт. URL: <http://sterninia.ru/index.php/sobytiya-i-kommentarii/item/417-predlozheniya-v-v-putinu-o-nauke-i-obrazovani-i-otvet-administratsii-prezidenta>.

⁵ Иностранные хищные журналы в Scopus и WoS: переводной плагиат и российские недобросовестные авторы. М., 2020. 64 с. URL: <https://kpfiran.ru/wp-content/uploads/plagiarism-by-translation-2.pdf>.

⁶ Хабермас Ю. Демократия. Разум. Нравственность. Московские лекции и интервью. М.: Academia, 1995. 252 с.

тивное народовластие» [9; 10], хотя преимущественно философов и политологов. Прошло более двух десятков лет с момента появления этого термина в русскоязычных публикациях, но он по-прежнему не является общеупотребительным даже в научном сообществе.

По сути, слово «делиберативный» в переводе есть «совещательный», «коммуникативный», «общественный» и в аспекте демократии означает использование государством совещательных (коммуникативных) процедур с институтами гражданского общества. Все это вполне можно выразить русскими словами. Богатый русский язык вполне способен отразить то, что элементарно означает учет общественного мнения законодателем в процессе законотворчества. Можно назвать это «государственно-общественным диалогическим взаимодействием» [11, с. 223], «диффузией государственных и общественных функций», «диффузией власти через самоуправление» [12, с. 21]. Это и есть совещательные (коммуникативные) формы демократии. Их называют также консультативными институтами демократии [13], в отличие от императивных форм демократии (таких как выборы и референдум).

Консультативные формы демократии вряд ли становятся привлекательнее от того, что ученым нравится называть их «делиберативной демократией». Традиционно употребляемые слова «совещательный» или «консультативный» ничуть не хуже непривычного слова «делиберативный», даже если кому-то это слово представляется более научным и диссертательным. Ученые уже размышляют о негативных последствиях названного явления [11].

Некоторые молодые ученые увлекаются наукообразными терминами, полагая, видимо, что наукообразие и научность – это одно и то же. Однако увлеченность наукообразными терминами и даже изобретение новых иноязычных категорий характерна и для зрелых ученых. Так, С.Э. Либанова много лет популяризирует и пытается внедрить в научный оборот российского конституционализма и категориальный аппарат юриспруденции в целом термин «демокурия» и даже издала монографию с таким названием [14]. Однако, несмотря на то что С.Э. Либанова уже более десятилетия оперирует этим термином, он так и не вошел в понятийно-категориальный аппарат отечественной юриспруденции и воспринимается как чужой, чужеродный, непривычный. И если термин «имплементация» как аналог русскому термину «заимствование» все же вошел в научный оборот сначала международного права, а затем и конституционного права и других отраслевых наук, а также признан на уровне общей теории государства и права [15], то категория «демокурия», на наш взгляд, имеет не столь успешную «категориальную судьбу».

С.Э. Либанова пишет, что термин «демокурия» образован от латинского слова “*curia*”, означающего «надзор», «контроль», «народ» [16, с. 74]. Нам не удалось обнаружить в словарях именно такого перевода слова “*curia*”⁷. Есть и другой перевод слова «курия»:

от лат. “*curia*”, от “*co*” (вместе) и “*vir*” («муж», «взрослый мужчина», т. е. «обладающий правом избирать»)»⁸.

Совершенно другую судьбу имело слово «куратор», произошедшее сначала от латинского слова “*curator*” («надзиратель», «смотритель», «опекун») и глагола “*curare*”, означавшего «заботиться, ухаживать, лечить, опекать», а затем пришедшее в русский язык от слова “*kurator*” – «попечитель»⁹. И если слово «куратор» прижилось в русской среде, особенно в образовательной, то слово «демокурия», как новоизобретенное слово, произвольно отторгалось отечественной научной общественностью. Да и сама С.Э. Либанова, будучи автором понятия демокурии как контроля гражданского общества над властью, частью которого является адвокатура, несколько путается в его содержании, когда формулирует название своей статьи следующим образом: «Демокурия как способ обеспечения эффективности государственного управления гражданским обществом» [16]. Получается, что демокурия служит не гражданскому обществу, способствуя его контролю над властью, а государству для обеспечения эффективности его управления гражданским обществом. Выходит, не гражданское общество контролирует власть, а государство управляет гражданским обществом.

Разница между «просто обществом» как неинституционализированным населением страны и «гражданским обществом» начисто стирается. Гражданское общество – это институционализированное общество, способное влиять на власть в установленных законом формах, в том числе с помощью института адвокатуры, и в этом смысле контролировать власть. Но вышеприведенное название статьи как бы стирает признаки гражданского общества, ведь просто обществом как населением можно только управлять. Между тем сама С.Э. Либанова цитирует положение своих коллег-конституционалистов, в котором они отмечают, что «способность общества к контролю над властью есть признак гражданского общества. Только контроль, приобретая правовые формы, способен подчинить власть праву, и только при условии существования гражданского общества государство оказывается «под правом», становится правовым» [17, с. 27].

Тяжеловесные языковые конструкции как недостаток научных публикаций по конституционному праву

Если одни ученые вводят новые термины с целью сокращения терминов, заменяя словосочетание или целый словесный оборот одним словом, как это видно на примере «демокурии», то другие ученые, наоборот, простейшие термины и слова заменяют множеством тяжеловесных словесных конструкций, впадая в другую крайность.

Достаточно тяжеловесно, используя слова «транспарентность», «стигматизировать» и т. п., выразил свою критику законов, ограничивающих конституционные права граждан, профессор А.А. Кондрашев. По его мнению, «целью вводимых государством ограничений

⁸ Курия // Словари онлайн. URL: <https://rus-history-prav-terms.slovaronline.com/search?s=curia>.

⁹ Куратор // Словари онлайн. URL: <https://rus-history-prav-terms.slovaronline.com/search?s=куратор>.

⁷ Курия // Словари онлайн. URL: <https://rus-history-prav-terms.slovaronline.com/431-курия>.

было отнюдь не желание обеспечить прозрачность и открытость для общества и государства в рамках доступа к информации об иностранном финансировании НКО (некоммерческих организаций), а возможность политически стигматизировать НКО и наложить дополнительные организационно-финансовые обременения на те из них, которые позволяют себе критику органов государственной власти» [18, с. 101]. Даже если и так, все-таки критерием в этой проблеме должны быть национальные интересы, а именно стабильность конституционного строя и национальный суверенитет. Поэтому в полной мере с А.А. Кондрашевым вряд ли можно согласиться, не говоря уже о вычурной форме преподнесения мысли.

Некоторые ученые склонны к употреблению сложных терминов, искусственно утяжеляя язык, подменяя подлинную научность тяжеловесным наукообразием. Простые, привычные и понятные слова заменяются на русскоязычные синонимы или иностранные слова, редко употребляемые даже в научном сообществе. При этом искажается смысл первоначального понятия, возникает путаница, утяжеляется и засоряется понятийно-категориальный аппарат. Стало модным заимствовать термины военной науки, физики, математики, не подходящие для юриспруденции. Все реже встречаются короткие и емкие определения и все чаще – неоправданно громоздкие дефиниции, содержащие многочисленные причастные и деепричастные обороты, трудные не только для запоминания, но и для восприятия. Похоже, авторы полагают, что именно в жонглировании словами и заключается наука. Однако верх профессионализма не только практика, но и ученого-юриста – это умение излагать мысли и законы простым, четким и понятным языком.

Так, С.М. Арзуманова пишет, что ею «осуществлена демаркация понятий формы, институты, процедуры и форматы муниципальной демократии»¹⁰. Однако «demarcatio» (разграничение) не применительно к военной науке или разграничению территорий применяется как поиск критерия, по которому можно отделить теории, являющиеся научными с точки зрения эмпирической науки, от ненаучных предположений и утверждений, метафизики и формальных наук (логики, математики). Более удачным в данном случае мог бы быть термин «разграничение», «соотношение», тем более что автор пишет о том, что ею «предложено соотношение категорий форма, институт, процедура и формат муниципальной демократии»¹¹. Кроме того, соотношение между понятиями может быть не только «демаркационным», но и пересекающимся, тождественным, частью и целым и т. д.

Комплексная теория права и ее значение в конституционном праве

Не только диссертанты, но и маститые авторы являются основоположниками новых терминов, понятий, теорий и доктрин. Так, профессор С.И. Захарцев и про-

фессор В.П. Сальников создали новую теорию понимания под интересным иноязычным названием – комплексная теория права. Сначала С.И. Захарцев, как автор термина «комплексная теория», еще не выносит данный термин в заголовок, посвящая комплексной теории лишь один параграф своей монографии [19]. Но затем появляется целая серия публикаций С.И. Захарцева и В.П. Сальникова, в заголовок которых выносятся термины «комплексный подход», «комплексная теория»¹² [20; 21]. Эти ученые продолжают отстаивать данную теорию даже с помощью афоризмов¹³. В своей новой монографии С.И. Захарцев также обосновывает значимость и актуальность комплексной теории права¹⁴.

Право рассматривается С.И. Захарцевым и В.П. Сальниковым как сложное, противоречивое, многоаспектное, динамично меняющееся социальное явление, оцениваемое без господства какой-либо правовой концепции. Комплексная (интегративная) теория вызвала интерес в научном сообществе, особенно после издания книги о комплексной теории в Кембридже и Риме¹⁵. На эту книгу опубликовано семь рецензий. Можно сказать, что комплексная теория набирает все большую популярность в мире.

И все же, на наш взгляд, лучше бы назвать данную теорию права интегративной теорией, не применяя непривычный термин, который вряд ли приживется в науке. Практики вообще воспринимают данный термин с определенным недоумением.

ОБСУЖДЕНИЕ РЕЗУЛЬТАТОВ

Между тем С.И. Захарцев и В.П. Сальников, как авторы комплексной теории права, категорически против отождествления интегративной теории права и комплексной. Они уже полемизировали по этому поводу с таким маститым ученым, как профессор В.В. Лазарев. В посвященной этой полемике статье¹⁶ они доказывают, что это не два названия одной теории, а две разные теории. Возможно, непривычное на данный момент название «комплексная теория» когда-нибудь и войдет в учебники по теории права.

¹² Захарцев С.И., Сальников В.П. Для познания права предлагается комплексный подход // *Российский журнал правовых исследований*. 2017. № 1. С. 77–87.

Захарцев С.И., Сальников В.П. Комплексная теория познания права // *Мониторинг правоприменения*. 2019. № 4. С. 4–13.

Захарцев С.И., Сальников В.П. Комплексная теория права как наиболее точный путь его познания // *Юридическая гносеология*. 2017. № 1. С. 18–33.

¹³ Захарцев С.И., Сальников В.П. Познание права через комплексный подход с помощью афоризмов // *Вестник Института права Башкирского государственного университета*. 2020. № 1. С. 5–12.

¹⁴ Захарцев С.И. *Право: новые идеи и прочтения*. М.: Юрлитинформ, 2021. 440 с.

¹⁵ Zakhartsev S.I., Salnikov V.P. *The Philosophy of Law and Legal Science*. Newcastle upon Tyne: Cambridge Scholars Publishing, 2018. 270 p.

¹⁶ Захарцев С.И., Сальников В.П. Комплексная теория права заметно отличается от интегральной (интегративной) теории // *Юридическая наука: история и современность*. 2021. № 7. С. 187–192.

¹⁰ Арзуманова С.М. *Консультативные институты муниципальной демократии в Российской Федерации: конституционно-правовое исследование: автореф. дис. ... канд. юрид. наук*. Казань, 2023. 29 с. С. 7. URL: https://kpfu.ru/dis_card?p_id=3613.

¹¹ Там же. С. 13.

Трудно не согласиться с В.В. Шаховым, по мнению которого «юридическая картина мира испытывает кризис самоидентификации» [20, с. 392].

Профессор А.Ф. Малый обратил внимание на то обстоятельство, что даже наименование научной работы зачастую не опирается на теоретически обоснованные и устоявшиеся доктринальные положения [21, с. 21]. Так, согласно устоявшейся правовой доктрине, элементами правового статуса являются права, обязанности, ответственность субъекта права, а также компетенция, если речь идет о должностных лицах, юридических лицах. Между тем появляется целый веер публикаций под названиями «статус земельного участка», «статус особой территории», «статус апартментов» и т. п. Земля, земельный участок, особая территория, апартменты и т. п. являются объектами, а не субъектами права, поэтому не могут обозначаться или характеризоваться через категорию правового статуса. Для правовой характеристики этих объектов используется термин «правовой режим». Поэтому, подчеркивает А.Ф. Малый, «формулируя тему статьи с некорректным с точки зрения теории права названием, автор изначально обрекает свой труд на соответствующее восприятие и недоверие к содержанию труда» [21, с. 23].

Недостатки научных исследований, в частности злоупотребление иностранными терминами, характерны не только для диссертантов, но и для публикаций вне зависимости от возраста их авторов. Проведенный анализ некоторых недостатков научных публикаций по конституционному праву призван способствовать повышению их качества и юриспруденции в целом, ее оптимальному развитию и практической значимости.

В статье приведены лишь некоторые примеры избыточного, на наш взгляд, оперирования англоязычными терминами. Борьба с данным явлением бесперспективно, ибо никто не знает в итоге, приживется ли тот или иной термин в научном обороте или не приживется. Но, думается, принятие постановления Правительства № 414 принесет некоторое переосмысление ценностей в научной среде и будет способствовать более взвешенному отношению к иностранным источникам и более осторожному внедрению в категориальный аппарат отечественной юриспруденции чужеродной терминологии.

ВЫВОДЫ

1. Применение иноязычных терминов в научных исследованиях может быть оправданным и неоправданным.

2. Авторы, вводящие или применяющие иностранные термины, зачастую руководствуются не сущностью науки как приращения нового научного знания, а различными околонучными соображениями.

3. Нарращивание фактов использования иностранных терминов перерастает в негативную тенденцию, засоряющую понятийно-категориальный аппарат науки.

4. Злоупотребление иностранными терминами – часть общей проблемы состояния понятийно-категориального аппарата науки конституционного права.

5. Небрежное оперирование юридическими терминами и категориями (например, категорией «правовой

статус»), в том числе в наименованиях публикаций, вызывает недоверие к содержанию таких публикаций у представителей научного сообщества.

6. Негативные тенденции в методологии науки конституционного права отрицательно сказываются не только на ее понятийно-категориальном аппарате, но и на взаимосвязи между наукой и практикой, отношении законодателей и правоприменителей к научным исследованиям и науке в целом.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Авакьян С.А. Представительство в конституционном праве: вопросы теории и практики. М.: Юстицинформ, 2022. 487 с.
2. Боброва Н.А. О неконституционности критериев оценки научной деятельности вузов, установленных в 2013 году // Конституционное и муниципальное право. 2018. № 6. С. 42–46. EDN: [XQXZAL](#).
3. Толстик В.А. Проблема оценивая результатов научной деятельности: фетишизация библиометрии или здравый смысл // Государство и право. 2019. № 1. С. 65–74. DOI: [10.31857/S013207690003650-7](#).
4. Боброва Н.А. Семь лет под прицелом мнимых мировых стандартов наукометрии // Конституционное и муниципальное право. 2022. № 4. С. 74–80. EDN: [OYXUHO](#).
5. Велиева Д.С., Пресняков М.В. Правовая определенность. Саратов: Саратовский источник, 2021. 401 с.
6. Дайси А.В. Основы государственного права Англии. Введение в изучение английской конституции. 2-е изд. СПб.: Л.Ф. Пантелеев, 1891. 370 с.
7. Railway Express Agency Inc. v. New York. 1949. 336 p.
8. Хабермас Ю. Демократия. Разум. Нравственность. Московские лекции и интервью. М.: Academia, 1995. 252 с.
9. Посконин В.В., Посконина О.В. Значимость понятия «дискурс» в модели делиберативной демократии // Вестник Удмуртского университета. Правоведение. 2007. № 3. С. 41–56. EDN: [IAQAPF](#).
10. Тушков А.А. Делиберативный принцип в теории практике // Территория новых возможностей. Вестник Владивостокского государственного университета экономики и сервиса. 2012. № 3. С. 161–169. EDN: [PNCSAV](#).
11. Купцова О.Б. Правовые последствия использования иноязычной лексики в актах правотворчества // Тринадцатые Бабаевские чтения: сборник статей по материалам Международной научно-практической конференции. Нижний Новгород: Нижегородская академия Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2022. С. 222–226. EDN: [QOXVQE](#).
12. Пашенцев Д.А., Залоило М.В., Иванюк О.А., Головина А.А. Цифровизация правотворчества: поиск новых решений. М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ, 2019. 312 с.
13. Арзуманова С.М. К вопросу о консультативных институтах муниципальной демократии в призме реформировании законодательства о местном самоуправлении // Вопросы российского и международного права. 2023. Т. 13. № 1-2-1. С. 128–134. EDN: [ZHVOGI](#).

14. Либанова С.Э. Демокурия. Курган: Курганский государственный университет, 2014. 256 с.
15. Лазарев В.В. Философские основы имплементационной деятельности // Журнал российского права. 2020. № 9. С. 5–18. DOI: [10.12737/jrl.2020.102](https://doi.org/10.12737/jrl.2020.102).
16. Либанова С.Э. Демокурия как способ обеспечения эффективности государственного управления гражданским обществом // Вестник Курганского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2017. № 1. С. 74–78. EDN: [ZGVZOD](https://elibrary.ru/zgvzod).
17. Лучин В.О., Боброва Н.А. Конституционный строй России: основные политико-правовые характеристики // Право и политика. 2003. № 10. С. 17–30. EDN: [YOLJZR](https://elibrary.ru/yoljzr).
18. Кондрашев А.А. Иностранные агенты в России: как заимствованный американский правовой институт приобрёл иной смысл в российском законодательстве и правоприменительной практике // Сравнительное конституционное обозрение. 2021. № 4. С. 97–121. DOI: [10.21128/1812-7126-2021-4-97-121](https://doi.org/10.21128/1812-7126-2021-4-97-121).
19. Захарцев С.И. Некоторые проблемы теории и философии права. М.: Норма, 2014. 208 с.
20. Шахов В.В. Метагеоретические основания правотворческой экспертологии // Юридическая техника. 2022. № 16. С. 390–393. EDN: [HHCESF](https://elibrary.ru/hhcesf).
21. Малый А.Ф. Об использовании юридических понятий в конституционно-правовом научном исследовании // Конституционное и муниципальное право. 2022. № 6. С. 21–24. EDN: [MPYHDI](https://elibrary.ru/mpyhdi).
8. Khabermas Yu. *Demokratiya. Razum. Nравstvennost. Moskovskie leksii i intervyyu* [Democracy. Reason. Morality. Moscow lectures and interviews]. Moscow, Academia Publ., 1995. 252 p.
9. Poskonin V.V., Poskonina O.V. The importance of concept “discourse” in model of deliberative democracy. *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Pravovedenie*, 2007, no. 3, pp. 41–56. EDN: [IAQAPE](https://elibrary.ru/iaqape).
10. Tushkov A.A. Deliberative principle in the theory and practice of political modernization. *Territoriya novykh vozmozhnostey. Vestnik Vladivostokskogo gosudarstvennogo universiteta ekonomiki i servisa*, 2012, no. 3, pp. 161–169. EDN: [PNC SAV](https://elibrary.ru/pncsav).
11. Kuptsova O.B. Legal Consequences of the Use of Foreign Language Vocabulary in Acts of Lawmaking. *Trinadtsatye Babaevskie chteniya: sbornik statey po materialam Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii*. Nizhniy Novgorod, Nizhegorodskaya akademiya Ministerstva vnutrennikh del Rossiyskoy Federatsii Publ., 2022, pp. 222–226. EDN: [OOXVQE](https://elibrary.ru/ooxvqe).
12. Pashentsev D.A., Zaloilo M.V., Ivanyuk O.A., Golovina A.A. *Tsifrovizatsiya pravotvorchestva: poisk novykh resheniy* [Digitalization of lawmaking: search for new solutions]. Moscow, Institut zakonodatelstva i sravnitel'nogo pravovedeniya pri Pravitelstve RF Publ., 2019. 312 p.
13. Arzumanova S.M. To the question of advisory institutions of municipal democracy in the light of reforming the legislation on local self-government. *Voprosy rossiyskogo i mezhdunarodnogo prava*, 2023, vol. 13, no. 1-2-1, pp. 128–134. EDN: [ZHVOGI](https://elibrary.ru/zhvogi).
14. Libanova S.E. *Demokuriya* [Democuria]. Kurgan, Kurganskiy gosudarstvennyy universitet Publ., 2014. 256 p.
15. Lazarev V.V. Philosophical foundations of implementation activities. *Zhurnal rossiyskogo prava*, 2020, no. 9, pp. 5–18. DOI: [10.12737/jrl.2020.102](https://doi.org/10.12737/jrl.2020.102).
16. Libanova S.E. Demokuriya as a method of performance assurance of the government control over civil society. *Vestnik Kurganskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki*, 2017, no. 1, pp. 74–78. EDN: [ZGVZOD](https://elibrary.ru/zgvzod).
17. Luchin V.O., Bobrova N.A. The Constitutional System of Russia: the Main Political and Legal Characteristics. *Pravo i politika*, 2003, no. 10, pp. 17–30. EDN: [YOLJZR](https://elibrary.ru/yoljzr).
18. Kondrashev A.A. Foreign agents in Russia: how a borrowed American legal institute acquired a different sense in Russian legislation and law enforcement practices. *Sravnitel'noe konstitutsionnoe obozrenie*, 2021, no. 4, pp. 97–121. DOI: [10.21128/1812-7126-2021-4-97-121](https://doi.org/10.21128/1812-7126-2021-4-97-121).
19. Zakhartsev S.I. *Nekotorye problemy teorii i filosofii prava* [Some Problems of Theory and Philosophy of Law]. Moscow, Norma Publ., 2014. 208 p.
20. Shakhov V.V. Metatheoretical foundations of lawmaking expertology. *Yuridicheskaya tekhnika*, 2022, no. 16, pp. 390–393. EDN: [HHCESF](https://elibrary.ru/hhcesf).
21. Malyy A.F. On the use of legal concepts in a constitutional law study. *Konstitutsionnoe i munitsipalnoe pravo*, 2022, no. 6, pp. 21–24. EDN: [MPYHDI](https://elibrary.ru/mpyhdi).
1. Avakyan S.A. *Predstavitelstvo v konstitutsionnom prave: voprosy teorii i praktiki* [Representation in constitutional law: issues of theory and practice]. Moscow, Yustitsinform Publ., 2022. 487 p.
2. Bobrova N.A. About the unconstitutionality of the evaluation criteria of scientific activity of universities, set in the year 2013. *Konstitutsionnoe i munitsipalnoe pravo*, 2018, no. 6, pp. 42–46. EDN: [XOXZAL](https://elibrary.ru/xoxzal).
3. Tolstik V.A. The problem of evaluation of scientific results: fetishization of bibliometrics or common sense. *Gosudarstvo i pravo*, 2019, no. 1, pp. 65–74. DOI: [10.31857/S013207690003650-7](https://doi.org/10.31857/S013207690003650-7).
4. Bobrova N.A. Seven years at gunpoint of imaginary world standards of scientometrics. *Konstitutsionnoe i munitsipalnoe pravo*, 2022, no. 4, pp. 74–80. EDN: [OYXUHO](https://elibrary.ru/oyxuh0).
5. Velieva D.S., Presnyakov M.V. *Pravovaya opredelenost* [Legal certainty]. Saratov, Saratovskiy istochnik Publ., 2021. 401 p.
6. Daysi A.V. *Osnovy gosudarstvennogo prava Anglii. Vvedenie v izuchenie angliyskoy konstitutsii* [Fundamentals of state law in England. Introduction to the Study of the English Constitution]. 2nd izd. Sankt Petersburg, L.F. Panteleev Publ., 1891. 370 p.
7. *Railway Express Agency Inc. v. New York*. 1949. 336 p.

REFERENCES

The excessive use of foreign terms and other negative trends in the constitutional law science

© 2023

Natalya A. Bobrova, Doctor of Sciences (Law), Professor,
professor of Chair “Constitutional and Administrative Law”, Honored Lawyer of the Russian Federation
Togliatti State University, Togliatti (Russia)

E-mail: bobrovana@mail.ru,
BobrovaNA@samgd.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1880-4248>

Abstract: The paper covers the analysis and systematization of negative trends related to the methodology and categorical framework of scientific research in the field of constitutional law science. There are very few such studies at the present stage of legal science, and there are practically no such studies in the science of constitutional law. The purpose of the paper is to analyze, systematize, and classify negative trends in scientific research in the field of constitutional law from the point of view of methodology, the conceptual and categorical framework of scientific research and their relationship with the law enforcement practice, as well as the correctness of the language of scientific publications. The author uses historical, sociological, logical, formal legal, system, and comparative approaches, as well as the observation and description methods. The author concludes on the following: 1) the use of foreign-language terms in scientific research can be reasonable or unreasonable; 2) authors introducing and using foreign terms are often guided not by the essence of science as an increment of new scientific knowledge, but by various pseudo-scientific reasons; 3) the increase in the frequency of use of foreign terms is developing into a negative trend cluttering the conceptual and categorical framework of science; 4) the excessive use of foreign terms is a part of the general problem of the state of the conceptual-categorical framework of the constitutional law science; 5) negative trends in the methodology of the constitutional law science affect negatively both its conceptual and categorical framework and the relationship between science and practice, the attitude of legislators and law enforcers to scientific research and science in general.

Keywords: constitutional law; conceptual and categorical framework; foreign terms; scientism; Order No. 1324 of the Ministry of Education and Science.

For citation: Bobrova N.A. The excessive use of foreign terms and other negative trends in the constitutional law science. *Vektor nauki Tolyattinskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Yuridicheskie nauki*, 2023, no. 3, pp. 5–12. DOI: 10.18323/2220-7457-2023-3-5-12.

Изъятие цифровых следов из сети Интернет и использование их в доказывании: уголовно-процессуальные аспекты

© 2023

Гамбарова Евгения Александровна, магистр юриспруденции, магистр психологии, аспирант, старший преподаватель кафедры «Уголовное право и процесс»

Тольяттинский государственный университет, Тольятти (Россия)

E-mail: egambarova@yandex.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9984-2819>

Аннотация: В настоящее время увеличивается количество информации, которую пользователи сети Интернет размещают в ней и которой обмениваются друг с другом. Эта информация при определенных условиях может стать криминалистически значимой и в дальнейшем использоваться в качестве доказательств. Вопрос изъятия и процессуальной фиксации такой информации не регулируется действующим законодательством, что затрудняет использование этой информации в качестве доказательств. Цель исследования – выделить специфические признаки цифровой информации, особенности процесса доказывания с использованием цифровой информации и цифровых следов в рамках действующего уголовно-процессуального законодательства. Информация, полученная из социальных сетей, рассматривается автором в контексте цифровых следов и цифровых доказательств в уголовном процессе. Систематизированы признаки цифровых (электронных) доказательств. Проведен анализ положений ст. 74 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, а также современных научных подходов к пониманию системы и формы доказательств в уголовном процессе. Изучив правоприменительную практику, автор пришел к выводу, что существующая правовая регламентация использования цифровых (электронных) доказательств в уголовном процессе недостаточно эффективна. Анализ законодательства и правоприменительной практики в части использования цифровых следов в доказывании позволил сформулировать несколько предложений по совершенствованию норм уголовно-процессуального законодательства Российской Федерации. В частности, предложено закрепить в Уголовно-процессуальном кодексе РФ определение «цифровой документ», расширить перечень следственных действий и выделить отдельное следственное действие, направленное на обнаружение цифровых следов и фиксацию цифровой информации.

Ключевые слова: изъятие цифровых следов; ст. 74 УПК РФ; уголовный процесс; электронные доказательства; цифровые доказательства; социальные сети; собирание доказательств.

Для цитирования: Гамбарова Е.А. Изъятие цифровых следов из сети Интернет и использование их в доказывании: уголовно-процессуальные аспекты // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Серия: Юридические науки. 2023. № 3. С. 13–19. DOI: 10.18323/2220-7457-2023-3-13-19.

ВВЕДЕНИЕ

Развитие интернет-технологий дало толчок к преобразованиям во всех сферах жизни общества, в том числе в уголовном судопроизводстве. Результативность и эффективность расследования преступлений сегодня зависит не только от того, насколько участники уголовного процесса умеют пользоваться современными технологиями, но и – в большей степени – от того, насколько технологические новеллы восприняты законодателем и включены в уголовно-процессуальные нормы, насколько положения Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ) отвечают требованиям времени, научно-техническому прогрессу, в том числе в части получения, сохранения, передачи и использования информации в целях доказывания по уголовному делу.

Вопросы обращения с информацией приобретают еще большее значение в контексте современного информационного общества. Информация – один из наиболее важных элементов общественной жизни и государственного управления, а также уголовного судопроизводства, основу которого составляет процесс собирания, проверки и оценки юридически значимых сведений (доказательств).

Теория уголовного процесса исходит из того, что любое событие, явление, деяние не проходит бесследно, оно всегда оставляет следы на материальном или идеальном носителе. В свою очередь, такие следы рассматриваются в качестве источников доказательств. При осуществлении уголовно-процессуальной деятельности орган расследования или суд получает с идеальных следов личные доказательства, с материальных следов – вещественные доказательства. Появление в начале XXI в. в уголовном процессе нового, неизвестного ранее виртуального следа и цифрового источника информации обозначило новую проблему: является ли цифровой след самостоятельным и уникальным, либо его стоит рассматривать в разрезе материального или идеального?

В первую очередь обозначенная проблема связана с получением органом расследования информации из социальных сетей, широко распространенных в настоящее время. Страница пользователя в социальной сети представляет собой хранилище данных о личности, и в определенной ситуации при производстве расследования по уголовному делу хранящаяся на ней информация может стать криминалистически значимой и послужить основой для формирования уголовно-процессуальных доказательств [1]. Чтобы информация стала

доказательством, нужно соблюсти ряд процессуальных требований, в частности правильно получить (собрать) информацию и преобразовать ее в доказательство, однако из-за специфических свойств виртуальных следов и цифровых доказательств этот процесс сопровождается пробелами, которые следует устранить посредством разработки и принятия специальных норм, регламентирующих порядок собирания, проверки и оценки цифровых доказательств.

Несмотря на стремительное развитие социальных сетей, проблема использования информации из них для доказывания по уголовным делам не была должным образом изучена и проанализирована ни в отечественной, ни в мировой науке. Имеется лишь ряд работ, посвященных смежным научным проблемам. Интересной представляется работа [2], в которой рассматриваются вопросы использования данных из социальных сетей в процессе доказывания по уголовным делам. Авторы дают обзор видов доказательств, полученных с помощью социальных сетей, а также наиболее распространенных средств, которые позволяют извлекать и анализировать эти доказательства.

Отдельного внимания заслуживает работа, посвященная доказыванию в условиях цифровизации общества¹, в которой отмечается, что эпоха цифровизации предъявляет новые требования к доказыванию. С одной стороны, использование цифровых технологий позволяет обеспечить высокую надежность и достоверность доказательств, так как они могут быть представлены в виде электронных документов, аудио- и видеозаписей, которые можно проверить на наличие подделок. С другой – цифровизация создает новые возможности для подделки и искажения доказательств, поэтому необходимо разработать специальные методы и инструменты для их проверки и анализа. Автор считает, что в эпоху цифровизации важно развить новые стандарты и методологии доказывания, которые бы учитывали особенности цифровых технологий и обеспечивали надежность и достоверность доказательств. Автор [3] одним из первых начал говорить о виртуальных следах и ввел в оборот понятие «виртуальный след». Он выделил особый механизм следообразования в кибернетическом пространстве, рассмотрел особенности электронно-цифрового отображения взаимодействующих объектов в искусственной среде, сформированной на основе компьютерных систем, раскрыл принципиальные особенности механизма следообразования в компьютерных системах, рассмотрел основные криминалистические свойства возникающих следов.

Цифровые технологии привносят как позитивные, так и негативные аспекты в процесс доказывания. Использование цифровых средств для сбора, хранения и представления доказательств может существенно упростить и ускорить процесс доказывания. В то же время возникает необходимость сохранения целостности и подлинности доказательств, полученных из сети Интернет, так как подобная информация может быть легко изменена [4; 5]. На основании анализа литературы можно прийти к выводу о необходимости разработ-

ки таких специальных методов и инструментов для проверки и аутентификации цифровых доказательств, которые бы обеспечивали их достоверность. В работах [6; 7] говорится о недостаточной регламентации использования доказательств, полученных из цифровых ресурсов.

Цель исследования – выделить специфические признаки цифровой информации и особенности процесса доказывания с использованием цифрового следа в рамках действующего уголовно-процессуального законодательства.

МЕТОДИКА ПРОВЕДЕНИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ

Исследование проходило в три этапа.

1. На основании анализа литературы было установлено, какими специфическими признаками обладает цифровой след, какие специфические свойства имеют цифровые доказательства.

2. На втором этапе стояла задача определить, какие пробелы существуют в уголовно-процессуальном законодательстве в части изъятия и фиксации цифровых следов и закрепления в качестве доказательств, а также проанализировать практику и действующее уголовно-процессуальное законодательство в части правовой регламентации порядка собирания информации с цифровых источников. Было проведено анкетирование практических сотрудников с целью определения границ исследования и понимания существующих проблем использования информации из сети Интернет в доказывании. На этом этапе изучалась следственная и судебная практика.

3. На основе полученной информации и проведенного исследования были разработаны предложения по совершенствованию уголовно-процессуального механизма работы с виртуальными следами, который обеспечивает сбор информации с цифровых источников, ее проверку и оценку.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

О необходимости включения понятия «цифровое доказательство» в уголовный процесс

В условиях перехода к информационному обществу и бурной цифровизации уголовного процесса остается дискуссионным вопрос о природе цифровых доказательств, о корректности использования этого термина как такового. В научном сообществе на протяжении длительного времени ведется дискуссия о необходимости включения понятия «цифровое доказательство» в уголовный процесс. Следует признать, что в некоторых иностранных государствах уже давно признали существование электронных доказательств и выработали методику работы с цифровыми следами. В 2013 г. Генеральный секретарь ООН говорил о необходимости применения правоохранительными органами новых методов работы при расследовании преступлений [8]. В США для этой цели существуют готовые технические решения, в частности, некоторые частные компании предоставляют услуги по фиксации цифровых следов. С целью применения правоохранительными органами новых методов работы с цифровыми доказательствами предлагается дополнить ст. 74 УПК РФ понятием «цифровое доказательство» [9].

¹ Вехов В.В. *Электронные доказательства: проблемы теории и практики // Правопорядок: история, теория, практика. 2016. № 4. С. 46–50. EDN: XXXCNP.*

Признаки цифровых следов как специфической формы преобразования информации

Предложение дополнить ст. 74 УПК РФ понятием «цифровое доказательство» представляется целесообразным, так как цифровые следы, как специфическая форма преобразования компьютерной информации, обладают следующими признаками:

- 1) отражают событие преступления в информационном поле;
- 2) являются материальными по своей природе;
- 3) неочевидны по содержанию и могут содержать в себе скрытую от восприятия информацию, которая может быть обнаружена только с помощью специальных знаний и средств;
- 4) служат носителями свойств, присущих компьютерной информации;
- 5) обладают способностью к дублированию;
- 6) изменчивы (в них легко можно внести изменения, при этом без использования специальных знаний и средств трудно определить, были ли внесены изменения, когда и кем).

Отличие цифрового доказательства от доказательств, источниками которых является материальный или идеальный носитель

Если цифровое доказательство по своему содержанию полностью соответствует ч. 1 ст. 74 УПК РФ, значит, оно ничем не отличается от доказательств, источниками которых является материальный или идеальный носитель.

Учитывая, что цифровые доказательства специфичны по своей форме (ч. 2, 3 ст. 74 УПК РФ), целесообразно предложить отдельный вид доказательства в форме цифрового документа. При таком подходе речь идет не о самостоятельном цифровом доказательстве, а об отдельном виде уголовно-процессуального доказательства – цифровом документе.

Мы исходим из того, что цифровая информация должна быть введена в уголовный процесс в качестве

отдельного вида доказательства, для чего следует дополнить ч. 2 ст. 74 УПК РФ пунктом «цифровые документы». Основанием для выделения цифрового документа является его уникальность и специфичность, проявляющаяся как в источниках данного вида доказательства, так и в его следообразовании. Если доказательство в виде «иногo документа» всегда имеет материальную природу, так как непосредственно связано с материальным следом и объектом (источником), на котором он располагается, то цифровой след принципиально отличен.

Классификация следов в уголовном процессе и специфические свойства цифрового следа

Во-первых, источник цифрового документа не связан с определенным материальным объектом. Во-вторых, виртуальные следы обладают способностью сохранять свою структуру и содержание без изменений. Данное свойство особенно важно для обеспечения целостности цифровой информации при подтверждении экспертиз. В-третьих, цифровые следы могут быть уникально идентифицированы и связаны с конкретными событиями, лицами или устройствами. В-четвертых, цифровые следы обладают свойством персистентности, т. е. сохраняются в цифровой среде в течение длительного времени и могут быть восстановлены и воспроизведены после удаления и изменения.

Не является цифровой след идентичным и идеальным следам, под которыми принято понимать образы в сознании человека, возникающие в результате его когнитивных процессов. Принципиальные различия носителей материальных (материальный объект), идеальных (сознание человека) и виртуальных (цифровой ресурс) следов обуславливают необходимость выделения трех видов доказательств – вещественных, личных и цифровых, и трех процедур, обеспечивающих их собирание (рис. 1).

Если по первым двум видам доказательств законодатель разработал соответствующие процедуры, то работа

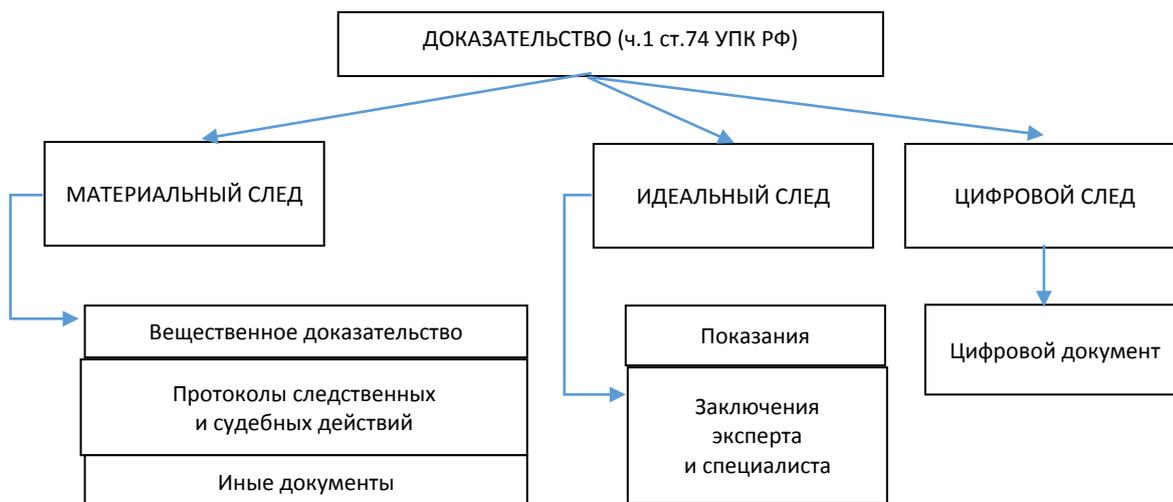

Рис. 1. Классификация следов в уголовном процессе

с цифровыми следами пока остается вне правового регулирования, и правоприменитель здесь вынужден действовать самостоятельно. Как это происходит в практической деятельности органов расследования, рассмотрим на примере получения информации из социальных сетей.

Социальные сети являются площадкой, на которой пользователи размещают большое количество информации (в том числе и криминалистически значимой), тем самым оставляя цифровые следы, которые при правильном их изъятии и оформлении смогут в дальнейшем выступить доказательствами по делу.

Социальные сети как источник информации

С помощью социальных сетей может быть осуществлен:

1) сбор информации о подозреваемых, свидетелях и потерпевших. Цифровые ресурсы, такие как страница пользователя в социальной сети, представляют собой хранилище данных о личности. В определенной ситуации эта информация может стать криминалистически значимой и послужить основой для формирования уголовно-процессуальных доказательств. С помощью цифровых ресурсов может быть осуществлен сбор информации о личности [10], установление связей, анализ поведения и составление психологического портрета;

2) установление связей между лицами, имеющими отношение к исследуемому событию;

3) анализ поведения участников уголовного процесса. Эта информация может быть полезной как для определения тактики следственных действий, так и для выбора мер пресечения.

Важной особенностью при работе с информацией из социальных сетей является то, что страница в социальной сети содержит большое количество информации за разные годы, и следователь на этапе осмотра страницы может не знать, какие данные ему могут в дальнейшем понадобиться. На практике чаще всего изымается либо переписка, либо копируются (методом скриншота) какие-либо фотографии. Далее эта информация (копии переписки, фото) переносится в протокол соответствующего следственного действия. Предметом осмотра страницы в социальной сети является криминалистически значимая информация.

Преобразование информации из социальных сетей в уголовно-процессуальные доказательства

Как правило, следователи производят осмотр страницы в сети Интернет посредством такого следственного действия, как осмотр предметов, при этом в протоколе указывают, что объектом осмотра выступает компьютер, несмотря на то что фиксированные данные находятся не в памяти компьютера [11]. Очень подробно проблемы собирания цифровых следов преступлений из социальных сетей рассмотрены в [12]. Расположение материальных носителей может быть неизвестно или находиться вне юрисдикции РФ. Помимо данного следственного действия, могут использоваться и другие формы фиксации доказательственной информации. Достаточно обстоятельно этот вопрос рассмотрен авторами [13], которые на основе анализа судебной практики выделили следующие способы оформления информации, содержащейся в сети Интернет:

1) составление протокола осмотра с приложением к нему электронных носителей информации, полученных или скопированных с других электронных носителей информации в ходе производства следственного действия;

2) составление протокола осмотра с приложением к нему материалов фото- и видеосъемки. Например, для фиксации информации с интернет-сайта следователем производилась фотосъемка страницы сайта;

3) составление протоколов допроса участников уголовного судопроизводства, которые могут подтвердить или опровергнуть наличие информации в сети Интернет;

4) составление протокола осмотра и выемки предметов, которые использовались для размещения информации в сети Интернет;

5) приобщение к материалам дела справок, выписок, заверенных копий документов, полученных в ходе официальных запросов, имеющихся в материалах уголовного дела. Например, истребованная в сотовых компаниях информация о соединениях абонентов и абонентских устройств с указанием месторасположения базовых станций, истребования информации у интернет-провайдеров, истребования информации у компаний, владеющих социальными сетями и мессенджерами. Компании, которые находятся вне юрисдикции РФ, информацию могут не предоставить;

6) назначение соответствующего вида экспертизы по изъятым электронным носителям.

Опрос 102 сотрудников правоохранительных органов (следователей и дознавателей МВД РФ и следователей следственного комитета РФ), проведенный в рамках нашего исследования, подтвердил, что процессуальными средствами извлечения цифровой информации являются осмотр предметов и документов, судебная экспертиза. Приобщение к материалам уголовного дела осуществляется постановлением протокола осмотра предмета (персонального компьютера, ноутбука, планшета, смартфона и т. д.) или протоколом осмотра веб-сайта (страницы в сети Интернет, страницы пользователя в социальной сети). При возможности к делу приобщается носитель (по аналогии с процессуальными средствами извлечения криминалистически значимых сведений с электронных носителей). Проблема заключается в том, что у следователя может не быть доступа к физическому носителю (он может находиться вне юрисдикции РФ). Стоит отметить, что в настоящее время нет единой практики приобщения цифровой информации к материалам уголовного дела.

Важно не только пресечь возможность изменения и удаления информации (что сегодня легко осуществляется через удаленный доступ), но и зафиксировать информацию в том виде, в котором она присутствовала на момент осмотра, с сохранением всех оставленных на ней электронных следов.

Следует подчеркнуть важный момент. Если осмотр осуществляется только следователем, а результаты осмотра фиксируются в виде распечатанных скриншотов (которые позже приобщаются к протоколу осмотра страницы в социальной сети), через какое-то время следователь может понять, что он, например, не проанализировал активность пользователя в определенных группах, не составил его психологический профиль (с целью выбора тактики проведения следственного

действия), однако получение такой дополнительной информации может быть уже невозможным.

Осмотр информации из социальных сетей может быть проведен с любого устройства, которое предназначено для работы в сети Интернет (ПК, ноутбук, планшет, смартфон), так как большей частью информация имеет возможность удаленного доступа. Может использоваться как устройство подозреваемого, так и устройство следователя. С момента осмотра необходимо пресечь возможность изменения данных, что весьма затруднительно, так как недостаточно просто ограничить доступ подозреваемому к указанным ресурсам. Если у другого заинтересованного лица есть пароли и логины от социальных сетей и мессенджеров подозреваемого, облачных хранилищ и т. д., информация может быть удалена им дистанционно из другой точки мира.

Во избежание потери данных, а также облегчения работы следователя необходимо составить процессуальную регламентацию и криминалистические рекомендации по работе с информацией из социальных сетей. Так как информацию, которую необходимо зафиксировать из социальной сети, невозможно зафиксировать только скриншотами, необходима дополнительная информация о точках доступа и история изменения (удаления) информации. Цифровые следы в целом содержат много информации, которую не видно невооруженным взглядом. Цифровые следы в дальнейшем могут быть использованы в качестве цифровых доказательств.

Цифровые доказательства обладают специфическими признаками, которые требуют специфического подхода к работе с ними и фиксации их в качестве доказательств. Часть авторов сегодня склоняется к тому, что при работе с электронными доказательствами необходимо утвердить форму электронных протоколов фиксации информации, содержащейся в таких доказательствах. Электронные протоколы имеют возможность фиксации материалов без искажения и упущения, которое происходит при фиксации в протоколе в письменном виде. В гражданском процессе применяются программы для удостоверения цифровых доказательств, т. е. технические решения существуют, но процессуальной возможности их использования нет.

ОБСУЖДЕНИЕ РЕЗУЛЬТАТОВ

В настоящее время нет единого эффективного уголовно-процессуального механизма использования информации из сети Интернет в доказывании. Некорректная с процессуальной точки зрения фиксация информации из сети Интернет может привести к потере самого доказательства. Требуется регламентация правил собирания, проверки и оценки электронных (цифровых) доказательств (к которым в том числе относится информация из социальных сетей). При этом важно работать не только над процессуальной регламентацией обращения с цифровыми доказательствами, но и над методологическими аспектами их использования. Представляется целесообразным продолжать исследование вопроса использования информации из сети Интернет в процессе доказывания.

Проведенное исследование позволяет сделать вывод о целесообразности включения термина «цифровой документ» в уголовный процесс, введение нового след-

ственного действия по обнаружению цифровых следов и фиксации цифровой информации. Игнорирование необходимости специфического правового регламентирования работы с цифровыми доказательствами в уголовном процессе может приводить к потере доказательств.

Действующий уголовно-процессуальный закон предусматривает фиксацию уголовно-процессуальных доказательств в письменном виде в соответствии с ч. 2 ст. 74 УПК РФ. Данная норма является несовершеннолетней и не позволяет сохранять цифровую доказательственную информацию исключительно в электронном виде и использовать ее в доказывании [15] именно в электронном виде. Сложность перевода цифрового доказательства в письменную форму заключается в том, что трудно перенести в письменный вид весь объем информации, который содержится даже на одной странице веб-сайта.

Признаки и свойства цифровых доказательств:

1) доступность для восприятия человеком только при использовании ЭВМ. Информация на бумажном носителе может быть непосредственно прочитана, однако информация на электронном носителе требует расшифровки, преобразования в форму, пригодную для прочтения человеком;

2) пригодность для передачи по информационно-телекоммуникационным сетям. Согласно п. 4 ст. 2 Федерального закона «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» информационно-телекоммуникационной сетью является «технологическая система, предназначенная для передачи по линиям связи информации, доступ к которой осуществляется с использованием средств вычислительной техники»;

3) пригодность для обработки в информационных системах. В соответствии с п. 3 ст. 2 Федерального закона «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» под информационной системой понимается «совокупность содержащейся в базах данных информации и обеспечивающих ее обработку информационных технологий и технических средств»;

4) труднодоступность первоисточника. Первоисточник хранится на устройствах, которые могут находиться вне юрисдикции РФ. Соответственно, не всегда возможно получение данных из первоисточника;

5) возможность удаления и изменения дистанционно. Информация может быть дистанционно изменена или удалена из любой точки мира в любой момент любым пользователем, имеющим к ней доступ.

Еще одна проблема, возникающая при использовании электронных доказательств в уголовном судопроизводстве, связана с существенной разницей между бумажной и электронной формой доказательств [16], что обусловлено природой цифровых следов. В классической трасологии выделяются материальные и идеальные следы, и для них существуют определенные формы, которые учитывает ст. 74 УПК РФ. Для цифровых следов в настоящее время специфической формы нет, хотя специфические свойства есть: возможность неограниченного копирования без нарушения целостности первоисточника информации; несложная процедура уничтожения как первичной информации, так и ее копий [17].

Работа с цифровыми доказательствами представляется более технически сложным процессом в связи с тем, что это, пожалуй, единственный тип доказательств, в которые могут быть внесены изменения или

которые могут быть удалены дистанционно из любой точки мира. Цифровые доказательства – это всегда производные доказательства, они не могут быть первоначальными, в отличие от вещественных и личных доказательств. В условиях цифровизации общества уголовный процесс также попал под влияние информационно-технического прогресса, что обусловило необходимость процессуального и методологического регулирования использования цифровых доказательств.

ОСНОВНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ

1. Введено понятие нового вида доказательства «цифровой документ» и раскрыто его содержание.

2. Предложена новая классификация доказательств по их слеодообразованию, выделены вещественные, личные и цифровые доказательства с указанием особенностей каждого вида.

3. Рассмотрена возможность использования в уголовном процессе информации из цифровых ресурсов, в частности сбор криминалистически значимой информации, выбор тактики следственных действий в процессе доказывания, использование информации из цифровых ресурсов в качестве доказательств.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Карепанов Н.В. Некоторые вопросы выявления и исследования преступлений // Российское право: образование, практика, наука. 2019. № 3. С. 49–60. DOI: [10.34076/2410-2709-2019-3-49-60](https://doi.org/10.34076/2410-2709-2019-3-49-60).
- Seigfried-Spellar K.C., Leshney S.C. Chapter 4 – The intersection between social media, crime, and digital forensics: Who Dun It? // Digital Forensics Threatscape and Best Practices. Threatscape and Best Practices. 2016. P. 59–67. DOI: [10.1016/B978-0-12-804526-8.00004-6](https://doi.org/10.1016/B978-0-12-804526-8.00004-6).
- Мещеряков В.А. Преступления в сфере компьютерной информации: правовой и криминалистический анализ. Воронеж: ВГУ, 2001. 255 с.
- Жарова А.К. Особенности процесса правовой идентификации человека в Интернете // Информационное право. 2016. № 3. С. 30–35. EDN: [WTONHH](https://www.edn.ru/WTONHH).
- Кольчева А.Н. Некоторые аспекты фиксации доказательственной информации, хранящейся на ресурсах сети Интернет // Вестник Удмуртского университета. Серия экономика и право. 2017. Т. 27. № 2. С. 109–113. EDN: [YLFUDL](https://www.edn.ru/YLFUDL).
- Количенко А.А. Электронные носители информации как источник получения электронных доказательств в уголовном процессе // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2022. Т. 13. № 1. С. 114–121. EDN: [MHOATZ](https://www.edn.ru/MHOATZ).
- Девяткин Г.С., Луценко П.А. Переписка в мессенджерах и социальных сетях как доказательство по уголовному делу // Государственная служба и кадры. 2021. № 2. С. 159–161. EDN: [VYNNKR](https://www.edn.ru/VYNNKR).
- Высокотехнологичный уголовный процесс / под ред. С.В. Зуева, Л.Н. Масленниковой. М.: Юрлитинформ, 2023. 216 с.
- Балашова А.А. К вопросу о понятии «электронное доказательство» // Закон и право. 2018. № 6. С. 120–122. DOI: [10.24411/2073-3313-2018-10031](https://doi.org/10.24411/2073-3313-2018-10031).

- Призенко А.Д., Шевелёва К.В. Интернет-профиль как источник информации личности допрашиваемого // Учёные записки Казанского юридического института МВД России. 2023. Т. 8. № 1. С. 87–91. EDN: [DEUZHC](https://www.edn.ru/DEUZHC).
- Карлов А.Л. Использование в доказывании по уголовным делам сведений, составляющих тайну связи, расположенных в сети Интернет // Вестник Сибирского юридического института ФСКН России. 2015. № 2. С. 142–146. EDN: [TXICJX](https://www.edn.ru/TXICJX).
- Россинская Е.Р., Сааков Т.А. Проблемы собирания цифровых следов преступлений из социальных сетей и мессенджеров // Криминалистика: вчера, сегодня, завтра. 2020. № 3. С. 106–123. EDN: [YKCUUH](https://www.edn.ru/YKCUUH).
- Губарева Е.К., Калентьева Т.А. Особенности фиксации информации содержащейся в сети интернет // Вестник Волжского университета имени В.Н. Татищева. 2019. Т. 1. № 2. С. 161–168. EDN: [ZHCFAD](https://www.edn.ru/ZHCFAD).
- Рамалданов Х.Х. Проблем использования и хранения цифровых доказательств в доказывании в уголовном процессе // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2023. Т. 14. № 2. С. 105–111. EDN: [ZCISQR](https://www.edn.ru/ZCISQR).
- Иванов В.Ю. К вопросу о классификации электронно-цифровых следов // Национальная безопасность/Nota bene. 2020. № 3. С. 64–71. DOI: [10.7256/2454-0668.2020.3.33308](https://doi.org/10.7256/2454-0668.2020.3.33308).
- Зайцев О.А. Особенности использования электронной информации в качестве доказательств по уголовному делу: сравнительно-правовой анализ зарубежного законодательства // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2019. № 4. С. 42–57. DOI: [10.12737/jflcl.2019.4.4](https://doi.org/10.12737/jflcl.2019.4.4).
- Воронин М.И. Особенности оценки электронных (цифровых) доказательств // Актуальные проблемы российского права. 2021. Т. 16. № 8. С. 118–128. DOI: [10.17803/1994-1471.2021.129.8.118-128](https://doi.org/10.17803/1994-1471.2021.129.8.118-128).

REFERENCES

- Karepanov N.V. Some issues of detection and investigation of traces of crimes. *Rossiyskoe pravo: obrazovanie, praktika, nauka*, 2019, no. 3, pp. 49–60. DOI: [10.34076/2410-2709-2019-3-49-60](https://doi.org/10.34076/2410-2709-2019-3-49-60).
- Seigfried-Spellar K.C., Leshney S.C. Chapter 4 – The intersection between social media, crime, and digital forensics: Who Dun It? *Digital Forensics Threatscape and Best Practices. Threatscape and Best Practices*, 2016, pp. 59–67. DOI: [10.1016/B978-0-12-804526-8.00004-6](https://doi.org/10.1016/B978-0-12-804526-8.00004-6).
- Meshcheryakov V.A. *Prestupleniya v sfere kompyuternoy informatsii: pravovoy i kriminalisticheskiy analiz* [Cyber crimes: legal and criminalistics analysis]. Voronezh, VGU Publ., 2001. 255 p.
- Zharova A.K. Special aspects of legal identification of a person in the internet. *Informatsionnoe pravo*, 2016, no. 3, pp. 30–35. EDN: [WTONHH](https://www.edn.ru/WTONHH).
- Kolycheva A.N. Some aspects of fixing of the evidentiary information stored on the resources of the Internet. *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Seriya ekonomika i pravo*, 2017, vol. 27, no. 2, pp. 109–113. EDN: [YLFUDL](https://www.edn.ru/YLFUDL).

6. Kolichenko A.A. Electronic media as a source of obtaining electronic evidence in criminal proceedings. *Vestnik Kazanskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii*, 2022, vol. 13, no. 1, pp. 114–121. EDN: [MHOATZ](#).
7. Devyatkin G.S., Lutsenko P.A. Correspondence in messengers and social networks as evidence in a criminal case. *Gosudarstvennaya sluzhba i kadry*, 2021, no. 2, pp. 159–161. EDN: [VYNNKR](#).
8. Zuev S.C., Maslennikova L.N., eds. *Vysokotekhnologichnyy ugovolnyy protsess* [High-technology criminal procedure]. Moscow, Yurlitinform Publ., 2023. 216 p.
9. Balashova A.A. On the question of concept “electronic evidence”. *Zakon i pravo*, 2018, no. 6, pp. 120–122. DOI: [10.24411/2073-3313-2018-10031](#).
10. Prizenko A.D., Sheveleva K.V. Personal web page as a source of information about an interrogate. *Uchenye zapiski Kazanskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii*, 2023, vol. 8, no. 1, pp. 87–91. EDN: [DEUZHJ](#).
11. Karlov A.L. The usage of the secret communication data located on the internet in proving criminal cases. *Vestnik Sibirskogo yuridicheskogo instituta FSKN Rossii*, 2015, no. 2, pp. 142–146. EDN: [TXICJX](#).
12. Rossinskaya E.R., Saakov T.A. The problems of collecting digital footprints of crimes in social networks and messengers. *Kriminalistika: vchera, segodnya, zavtra*, 2020, no. 3, pp. 106–123. EDN: [YKCUUH](#).
13. Gubareva E.K., Kalenteva T.A. Features of recording information contained on the internet. *Vestnik Volzhskogo universiteta imeni V.N. Tatishcheva*, 2019, vol. 1, no. 2, pp. 161–168. EDN: [ZHCFAD](#).
14. Ramaldanov Kh.Kh. Using and storing digital evidence in proving in criminal proceedings. *Vestnik Kazanskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii*, 2023, vol. 14, no. 2, pp. 105–111. EDN: [ZCISQR](#).
15. Ivanov V.Yu. To the question on classification of digital footprint. *Natsionalnaya bezopasnost/Nota bene*, 2020, no. 3, pp. 64–71. DOI: [10.7256/2454-0668.2020.3.33308](#).
16. Zaytsev O.A. Features of the use of electronic information as criminal evidence: a comparative-legal analysis of foreign legislation. *Zhurnal zarubezhnogo zakonodatelstva i sravnitel'nogo pravovedeniya*, 2019, no. 4, pp. 42–57. DOI: [10.12737/jfcl.2019.4.4](#).
17. Voronin M.I. Characteristics of electronic (digital) evidence assessment. *Aktualnye problemy rossiyskogo prava*, 2021, vol. 16, no. 8, pp. 118–128. DOI: [10.17803/1994-1471.2021.129.8.118-128](#).

Seizure of digital footprints from the Internet and their use in evidence: criminal procedural aspects

© 2023

Evgeniya A. Gambarova, Master of Law, Master of Psychology,
postgraduate student, senior lecturer of Chair “Criminal Law and Procedure”

Togliatti State University, Togliatti (Russia)

E-mail: egambarova@yandex.ruORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9984-2819>

Abstract: Currently, the amount of information that Internet users post on it and exchange with each other is increasing. Under certain conditions, this information, can become forensically significant and can be used as evidence in the future. The issue of seizure and procedural recording of such information is not regulated by current legislation, which makes it difficult to use this information as evidence. The purpose of the study is to identify specific features of digital information, special aspects of the process of proof using digital information and digital footprints within the framework of the current criminal procedure legislation. The author considers the information obtained from social networks in the context of digital footprints and digital evidence in criminal procedure. The signs of digital (electronic) evidence have been systematized. The author carried out an analysis of the provisions of Art. 74 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation, as well as of modern scientific approaches to understanding the system and form of evidence in criminal procedure. Having studied law enforcement practice, the author concluded that the existing legal regulation of the use of digital (electronic) evidence in criminal procedure is not effective enough. The analysis of legislation and law enforcement practice regarding the use of digital footprints in evidence allowed formulating several proposals to improve the norms of criminal procedure legislation of the Russian Federation. In particular, the author proposed to enshrine the definition of digital document in the Criminal Procedure Code of the Russian Federation, expand the list of investigative actions, and specify a separate investigative action aimed at detecting digital footprints and recording digital information.

Keywords: seizure of digital footprints; Article 74 of the RF Criminal Procedure Code; criminal procedure; electronic evidence; digital evidence; social networks; collection of evidence.

For citation: Gambarova E.A. Seizure of digital footprints from the Internet and their use in evidence: criminal procedural aspects. *Vektor nauki Tolyatinskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Yuridicheskie nauki*, 2023, no. 3, pp. 13–19. DOI: [10.18323/2220-7457-2023-3-13-19](#).

Досудебное производство в уголовном процессе России: место, роль, значение и перспективы развития

© 2023

Лазарева Валентина Александровна, доктор юридических наук, профессор
Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, Самара (Россия)

E-mail: v.a.lazareva@mail.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2725-9517>

Аннотация: В статье рассматривается проблема законодательного оформления досудебного производства как самостоятельной части уголовного процесса, направленной на достижение собственных целей и задач. Декларируемое законодателем единство уголовного процесса, проявляющееся в общем назначении всей уголовно-процессуальной деятельности (ст. 6 УПК РФ), и продолжающееся отождествление уголовного процесса с уголовным судопроизводством (ст. 1, п. 56 ст. 5, ст. 6 УПК РФ) противоречат его смешанной природе, создают ложное впечатление о единстве уголовно-процессуальной деятельности следователей, прокуроров и судей, препятствуют реальному развитию состязательности как принципа исключительно судебного производства, отрицательно влияют на качество и эффективность уголовного процесса в целом. Четкое размежевание досудебного и судебного производств должно, по мысли автора, повысить ответственность органов предварительного расследования и прокуратуры за эффективность досудебного производства, а также обеспечить подлинную независимость суда. Рассмотрение досудебного производства как самостоятельного вида деятельности, отделенного от судебного производства, позволяет вынести на суд научной общественности вопрос о необходимости не только закрепления целей и задач, специфичных для каждой части уголовного процесса, но и формулирования отдельных групп принципов, определяющих сущность уголовно-процессуальной деятельности в досудебном, и отдельно – в судебном производстве.

Ключевые слова: досудебное производство; досудебное производство в уголовном процессе; уголовный процесс; уголовное судопроизводство; структура уголовного процесса; цели, задачи и принципы досудебного производства; начало и окончание предварительного расследования; субъект предварительного расследования.

Для цитирования: Лазарева В.А. Досудебное производство в уголовном процессе России: место, роль, значение и перспективы развития // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Серия: Юридические науки. 2023. № 3. С. 20–27. DOI: 10.18323/2220-7457-2023-3-20-27.

ВВЕДЕНИЕ

Эффективность уголовно-процессуальной деятельности как системы, управляемой с помощью права, в значительной мере зависит от качества правового регулирования. Ошибки в правовом регулировании уголовно-процессуальных отношений, порождая проблемы в правоприменительной деятельности, снижают ее качество и эффективность вне зависимости от других причин как объективного, так и субъективного свойства. Грамотное управление деятельностью следственных и судебных органов с помощью норм права рассматривается как залог успеха их функционирования, однако меры, предпринимаемые законодательной властью с целью совершенствования уголовно-процессуального законодательства, не обеспечивают достижения должного эффекта. Восполнение пробелов и устранение противоречий в правовом регулировании зачастую влечет возникновение правовых коллизий, разрешение которых порождает новые проблемы. Даже столь решительное изменение нормативно-правовой основы уголовного процесса, как принятие нового Уголовно-процессуального кодекса РФ (далее – УПК РФ) в 2001 г., не привело к желаемому результату.

Исторически сформированный как процесс смешанного типа, российский уголовный процесс до настоящего времени соединяет в себе два принципиально различных производства – предварительного расследова-

ния и судебной деятельности. Восприятие законодателем российского уголовного процесса как целостной системы, подчиненной единым целям, решающей общие задачи и основанной на общих принципах, привело к тому, что и предварительное расследование, и судебное производство потеряли свою самоидентичность и самостоятельность. Между тем досудебное производство издавна воспринималось как деятельность, осуществляемая «вне суда, до суда и для суда» [1, с. 3], что дает основания рассматривать ее как предшествующую судебному производству (т. е. судопроизводству), обособленную от суда самостоятельную деятельность. В совокупности с судебной деятельностью досудебное производство образует систему вышестоящего уровня, которую принято называть «уголовный процесс» или, в современной интерпретации, «уголовное судопроизводство».

Понимая это, авторы и создатели действующего УПК РФ разделили уголовно-процессуальную деятельность на две составляющие – досудебное и судебное производство (п. 56 ст. 5 УПК РФ) подобно тому, как в свое время авторы Устава уголовного судопроизводства 1864 г. делили ее на производство (исследование) предварительное (розыск и дознание) и производство окончательное (судебное) [2]. Однако ни в первом, ни во втором случае эта мысль не была доведена до логического завершения. Устав уголовного судопроизводства включал в предварительное исследование судебную

деятельность – предание суду и приготовительные к суду распоряжения, а УПК РФ странным образом объединил досудебное производство и судебное производство под общим названием «судопроизводство», фактически расширив границы судебной части уголовного процесса и распространив ее на досудебные стадии. В результате произошло искусственное объединение функционально различных видов деятельности, игнорирующее, по определению Н.С. Мановой, «качественный скачок» при переходе деятельности от одного должностного лица к иному компетентному государственному органу [3].

Неоспоримое сушностное и существенное различие досудебного производства и судебного, которое признается исследователями как необходимое средство обеспечения объективности расследования [4], обуславливает необходимость его изучения и регулирования в качестве самостоятельной и самодостаточной части уголовно-процессуальной деятельности, обособленной от других ее структурных элементов четкими границами, имеющей собственные цели и решающей свои, стоящие только перед ней задачи. Несмотря на явную очевидность сказанного, закон, регулируя уголовно-процессуальные отношения, по-прежнему исходит из того, что перед следствием и судом стоят общие цели и задачи, не утруждая себя при этом их нормативным закреплением. Отсутствие четкого определения целей, задач, принципов, границ и других важных параметров досудебного производства отрицательно влияет на его качество и эффективность, размывая ответственность осуществляющих его государственных органов и их должностных лиц.

Цель исследования – восполнение пробелов и устранение противоречий правового регулирования на основе методов сравнительно-правового, исторического и системно-структурного анализа норм уголовно-процессуального права, обоснование на их основе тезиса о самостоятельности досудебного производства как одной из двух частей уголовного процесса.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Цели и задачи досудебного производства

Любая человеческая деятельность, как известно, имеет смысл лишь тогда, когда она стремится к определенному результату, достижение которого характеризует ее как эффективную. Следовательно, судить об эффективности или неэффективности деятельности можно, лишь зная цель, для достижения которой эта деятельность предназначена. Однако действующий УПК РФ не только не определяет целей досудебного производства, в нем вообще нет правовой нормы, формулирующей целеполагание уголовно-процессуальной деятельности в целом [5]. Вместо этого ст. 6 УПК РФ определяет назначение уголовного судопроизводства, которым является защита прав и интересов физических и юридических лиц вне зависимости от того, в каком отношении с предметом уголовно-процессуальной деятельности они состоят. Защита в равной степени гарантируется как лицам, потерпевшим вред от преступлений, так и возможным причинителям этого вреда, а назначению уголовного судопроизводства соответ-

ствует как справедливое наказание виновных, так и отказ от уголовного преследования невиновных и освобождение их от наказания.

Оставляя в стороне очевидное несовершенство этой законодательной формулировки [6] (назначению уголовного судопроизводства не может соответствовать ни отказ от уголовного преследования невиновных, ни тем более освобождение их от наказания, поскольку в силу ст. 8 УК РФ невиновные не подлежат уголовной ответственности и наказанию, а значит, не подлежат и уголовному преследованию), а также очевидную нетождественность понятий «назначение» и «цель», укажем лишь на то, что при всей привлекательности идеи приоритетной защиты прав и свобод личности (развитию которой автор посвятил несколько своих работ), защита прав и свобод личности не может рассматриваться в качестве непосредственной цели уголовно-процессуальной деятельности, а мысль о том, что уголовный процесс осуществляется для того, чтобы защитить лицо от незаконного обвинения, осуждения и т. д. (п. 2 ч. 1 ст. 6 УПК РФ), сама по себе достаточно странная. Бесспорно, закон должен ограждать участников уголовного процесса от нарушений, а нарушенные права должны быть восстановлены, ибо «результат деятельности может быть принят только в том случае, если при ее выполнении соблюдались права и законные интересы участников деятельности» [7, с. 185]. Однако, исходя из того, что уголовно-процессуальное право призвано (предназначено) в первую очередь обеспечивать функционирование следственных и судебных органов в полном соответствии с конституционными принципами, гарантирующими неприкосновенность и другие права личности, можно утверждать, что ст. 6 УПК РФ обозначает не непосредственные цели уголовно-процессуальной деятельности и/или осуществляющих ее субъектов, а назначение уголовно-процессуального права как важнейшего инструмента государственной политики в рассматриваемой области.

Цель уголовного процесса должна не только характеризовать его сушностный смысл, но и быть при этом четкой, предметной, достижимой (а задача – выполнимой [8]) и функционально определенной [3]. Формулирование в законе общих целей (задач) для предварительного расследования, прокурорского надзора и правосудия признавалось теоретическим парадоксом, затрудняющим оценку эффективности системы даже в условиях отсутствия законодательного признания идеи разделения процессуальных функций [9]. Сегодня, определяя цель уголовно-процессуальной деятельности, следует учитывать функциональное предназначение ответственного за достижение ее результата должностного лица. В уголовном процессе, где разные уполномоченные государством лица и органы выполняют разные процессуальные функции – предварительное расследование, обвинение и правосудие [10], – каждое должностное лицо и каждый орган должны быть ответственны за тот результат, достижение которого соответствует его процессуальной функции.

В уголовном процессе, в котором функция расследования отделена от функции правосудия, перед органами расследования и судом не могут быть поставлены одинаковые задачи. В противном случае один из этих видов деятельности становится ненужным, поскольку

его задачи либо уже решены предыдущим субъектом, либо будут решены следующим. Единство задач дознавателя, прокурора и суда, закрепленное прежде в ст. 2 УПК РСФСР, «подрывало основу разграничения функций суда и органов, осуществляющих уголовное преследование» [11, с. 42]. Соответственно и цели, вытекающие из этих задач или обуславливающие их (вопрос о соотношении целей и задач трактуется в науке по-разному), не совпадают.

Ответ на вопрос о том, какова цель досудебного производства, представляется достаточно очевидным, если исходить из того, для решения каких задач требуется деятельность следственных органов (органов расследования). Смысл их функционирования вытекает из необходимости выполнения государством функции поддержания правопорядка, обеспечения безопасности его граждан. Поэтому в случае совершения правонарушения государство обязано соответствующим образом реагировать – без эффективного механизма принуждения к исполнению закона обеспечить правопорядок невозможно. Следовательно, в каждом случае выявления признаков преступления государство в лице соответствующих органов обязано установить, было ли совершено запрещенное уголовным законом деяние, выявить лицо, его совершившее, и принять меры карательного и профилактического воздействия, чтобы ни лицо, совершившее преступление, ни другие лица не испытывали более желания нарушать уголовно-правовые запреты.

Отсюда понятно, что значительная часть содержания ст. 2 УПК РСФСР была адресована именно органам предварительного расследования, обязанным быстро и полно раскрыть преступление, т. е. найти и изобличить виновных, тем самым обеспечив возможность правильного применения закона судом и справедливого наказания виновного. Само существование досудебного производства, если не иметь в виду дела частного обвинения, обусловлено общественным значением совершенного преступления и сложностью установления его обстоятельств. Установление этих обстоятельств и составляет непосредственную цель досудебного производства. Ее недостижение не только препятствует началу судебного этапа производства по делу о преступлении, но и не позволяет свершиться правосудию. Необходимые для достижения этой цели задачи также специфичны. Это задачи быстрого и полного раскрытия преступления, собирания доказательств, объективно подтверждающих виновность конкретного лица в его совершении, формулирования обвинения, пресечения попыток противодействия расследованию. Эффективное решение указанных задач и достижение обозначенной цели придает досудебному производству свойство социальной полезности, востребованности, способствует укреплению законности и правопорядка, предупреждению преступлений и искоренению преступности, охране интересов общества, прав и свобод личности.

Принципы досудебного производства

Не претендуя на сколько-нибудь четкое, тем более исчерпывающее определение целей и задач досудебного производства или уголовного процесса в целом (этой проблемой занимались многие [5; 6; 12–14], однако единой позиции как на теоретическом, так и законода-

тельном уровне не было выработано), автор лишь подчеркивает необходимость дифференцированного подхода к формулированию целей и задач для разных видов уголовно-процессуальной деятельности.

В свете обозначенной специфики целей и задач, решаемых в досудебном производстве, может быть поставлен на обсуждение и вопрос об обоснованности сохранения единой системы принципов в уголовном процессе. В действующей сегодня системе принципов значительный вес имеют конституционные гарантии неприкосновенности личности, жилища, охраны частной жизни, прав и свобод личности, презумпция невиновности, право на квалифицированную юридическую помощь и на судебную защиту, право на жалобу. Сфера реализации этих принципов не ограничивается рамками уголовного процесса, и в дополнительном закреплении в нормах отраслевого законодательства они не нуждаются. Другие входящие в систему принципов положения касаются исключительно судебной деятельности – осуществление правосудия только судом, независимость судей, разумный срок уголовного судопроизводства, состязательность, свобода оценки доказательств. Их влияние на досудебное производство хотя и присутствует, но в достаточно опосредованной форме.

Укажем, например, на неограниченность срока расследования и отсутствие возможности ходатайствовать о его ускорении, как это предусмотрено ст. 6.1 УПК РФ для дела, находящегося в суде, и на невозможность «придать сквозной характер принципу состязательности, распространив его действие и на досудебное производство» [15, с. 104], которому этот принцип в континентальной модели не свойственен [16]. Справедливо замечено: попытка универсализации принципов уголовного процесса бесперспективна [17]. Уместно вспомнить определение М.С. Строговича: «Принципы советского уголовного процесса – это принципы советского социалистического правосудия» [18, с. 125], из которого естественным образом возникает вопрос: на каких принципах основывается досудебное производство, которое, очевидно, не может считаться сферой осуществления правосудия?

В качестве одного из таких принципов предлагаем рассматривать обязанность всестороннего, полного и объективного исследования обстоятельств совершенного преступления, что предполагает выявление как уличающих, так и оправдывающих обвиняемого, а также смягчающих и отягчающих его ответственность обстоятельств. В отличие от положений ст. 20 УПК РСФСР, возлагающих эту обязанность на суд, прокурора и следователя, данная процедура должна осуществляться исключительно органами предварительного расследования в силу возложенного на них бремени доказывания сформулированного в адрес конкретного лица обвинения, опровержения доводов, приводимых в защиту подозреваемого (обвиняемого), и пр., что конкретизируется ст. 73 УПК РФ.

Еще одним принципом досудебного производства правомерно считать тайну предварительного расследования как антипод гласности судебного разбирательства, которая в этом случае вернет себе статус принципа уголовного судопроизводства. Положения, составляющие содержание предлагаемого принципа, фактически воплощены в ст. 161 УПК РФ в качестве общего

условия предварительного расследования, но, поднятые на уровень принципа досудебного производства, они обоснованно обретают более высокое значение.

К принципам досудебного производства можно отнести также обязанность органов расследования и их должностных лиц обеспечивать соблюдение конституционных прав и законных интересов участников досудебного производства, как нормативно-правовой основы правил об обязательности рассмотрения ходатайств (ст. 159 УПК РФ); о мерах попечения, о детях, иждивенцах и сохранности имущества подозреваемого, обвиняемого (ст. 160 УПК РФ); по обеспечению возмещения причиненного преступлением вреда (ст. 160.1 УПК РФ).

Субъект досудебного производства

Не менее серьезной, учитывая многосубъектный характер досудебного производства, является проблема определения субъекта, решающего его задачи. Представления о следователе как о самостоятельном участнике уголовного процесса, единолично осуществляющем расследование, как следовало из ст. 127 УПК РСФСР [18], уходят в прошлое. Как справедливо заметил Н.В. Азаренко, в настоящее время уголовно-процессуальную деятельность осуществляют четыре органа (органы следствия, дознания, прокуратуры и суд) и их должностные лица (следователь, руководитель следственного органа, дознаватель, начальник подразделения дознания, начальник органа дознания, прокурор и судья)¹. Следователь сегодня не может самостоятельно принять сколько-нибудь значимое решение без одобрения руководителя следственного органа, а во многих случаях и без согласия суда. Дознаватель еще менее самостоятелен. Его процессуальные решения требуют согласования с начальником подразделения, начальником органа дознания, многие – согласия прокурора и разрешения суда. Кто из перечисленных лиц несет ответственность за результаты расследования и отдельные процессуальные действия и решения? Напрашиваются два варианта ответа:

1) ответственным субъектом предварительного расследования является непосредственно должностное лицо, в производстве которого находится дело, т. е. следователь или дознаватель;

2) ответственным субъектом предварительного расследования является соответствующий территориальный орган предварительного расследования, руководитель которого делегирует свои полномочия, т. е. поручает производство тех или иных процессуальных действий следователю или дознавателю; он же их и контролирует.

При любом варианте потребуется соответствующее уточнение закона, однако фактически практика уже идет по второму пути, поскольку и дознаватели, и следователи работают исключительно по указаниям своего начальника по службе, а перечень процессуальных полномочий таких руководителей за время действия УПК РФ существенно возрос. Ответственность за ре-

зультаты расследования, таким образом, перемещается на руководителя органа, осуществляющего предварительное расследование.

Правовая норма, предполагающая вынесение постановления о принятии уголовного дела к своему производству и, соответственно, принятии ответственности за расследование, утрачивает свой смысл – она сменяется поручением о производстве расследования одному или группе должностных лиц, одно из которых тем же поручением назначается руководителем группы. Одновременно следовало бы внести большую ясность в вопрос о распределении полномочий между контролирующими работу следователя (дознателя) субъектами, множественность которых, включая суд, размывает ответственность за качество и эффективность досудебного производства в целом, а также за законность и обоснованность каждого отдельного действия и решения. Достаточно указать на ставшую очевидной неэффективность судебного санкционирования действий и решений органа расследования.

Окончание досудебного производства

Целенаправленность предварительного расследования позволяет назвать субъекта, заинтересованного в его результатах, того, кто этими результатами может воспользоваться. Расследование, как следует из закона, не обязательно должно иметь своим результатом судебное разбирательство. Оно может завершиться прекращением уголовного преследования, а значит и производства по делу, в том числе и по мотиву недоказанности обвинения. Постановление о прекращении уголовного преследования – такой же законный выход из досудебного процесса, как и передача дела в суд, естественно, в том случае, если это постановление в установленном законом порядке не было отменено. Решение о прекращении уголовного дела свидетельствует о том, что задача установления обстоятельств события, по поводу которого производилось расследование, выполнена, лицо, его совершившее, установлено, но основания для направления уголовного дела на рассмотрение суда отсутствуют (не подтвердилось наличие события или состава преступления, выявлены предусмотренные законом основания освобождения от уголовной ответственности и т. д.).

Окончание расследования составлением обвинительного заключения (обвинительного акта) означает не только возможность инициировать судебное разбирательство, но и возникновение обязанности доказывания перед судом тезиса о виновности обвиняемого с целью применения к нему мер уголовной ответственности. Такую обязанность и такую ответственность принимает на себя прокурор в момент утверждения обвинительного заключения или обвинительного акта, означающего передачу дела на рассмотрение суда. Этим и обусловлено существование специального, переходного этапа между следствием, дознанием и судом (гл. 31, ст. 226, ст. 226.8 УПК РФ). Пока прокурором не принято решение о направлении уголовного дела в суд, досудебный этап производства не считается окончательным, прокурор вправе и даже обязан направить дело следователю, дознавателю для устранения обстоятельств, препятствующих возможности осуществления пра-

¹ Азаренко Н.В. Концепция совершенствования российского уголовного процесса в рамках его исторической формы : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 2021. 35 с. С. 27.

восудия, а его (любые) указания органу расследования должны быть обязательными для исполнения.

Отказ органа расследования от исполнения указаний прокурора можно рассматривать как причину, исключаящую направление дела в суд. Очевидно, если прокурор не видит оснований для направления уголовного дела в суд, усматривает такие недостатки расследования, которые не позволят ему в суде реализовать принимаемую на себя ответственность, он вправе и обязан вернуть материалы уголовного дела в орган расследования. В чем тогда можно усмотреть смысл созданной законодателем сложной бюрократической процедуры обращения к вышестоящему прокурору с возражениями против полученных указаний? Только ли в возложении на вышестоящего прокурора обязанности принять на себя ответственность за результаты расследования и обвинительную деятельность в суде? Прокурор не может быть принужден к принятию на себя этой ответственности вопреки его основанной на внутреннем убеждении позиции. Таким образом, именно прокурор несет всю полноту ответственности за принимаемое им решение об окончании досудебного производства, за неблагоприятные последствия, которые могут наступить, если он направит дело в суд, не обеспечив полноту, всесторонность и объективность расследования, и, в конечном итоге, за результат судебного разбирательства.

Одним из таких последствий в идеале должна стать невозможность возвращения уголовного дела прокурору после принятия его судом к производству. Утверждением обвинительного заключения завершается и процесс формирования государственного обвинения как предмета предстоящего судебного разбирательства, и само досудебное производство. Можно согласиться с С.Б. Россинским в том, что обеспечение возможности формулирования государственного обвинения, как предмета будущего судебного спора (уголовно-правовой претензии), и представляет собой цель предварительного расследования [12].

Начало досудебного производства

Учитывая, что время, отведенное прокурору для принятия решения по уголовному делу, расследование по которому закончено, в срок расследования не включено, срок досудебного производства может быть больше, чем срок собственно расследования. Этот факт поднимает вопрос о соотношении расследования с досудебным производством, т. е. не только об окончании досудебного производства, но и о его начале. Сегодня этот активно обсуждаемый в теории вопрос не имеет правильного решения.

Ответственная за этот вопрос гл. 19 УПК РФ неоднократно подвергалась изменениям, причем не всегда последовательным, что может рассматриваться как свидетельство отсутствия у законодателя четкой позиции по вопросу о характере и значении деятельности на этом этапе.

Основной и давно обсуждаемый вопрос – момент начала предварительного расследования и, следовательно, досудебного производства. Вариантов два: а) расследование начинается в момент вынесения постановления о возбуждении уголовного дела; б) расследование начинается в момент поступления/регистрации сообщения о преступлении. Это принципиальный во-

прос, с ним связана сама возможность осуществления процессуальной, т. е. урегулированной УПК РФ деятельности. Здесь уместно вспомнить так называемую протокольную форму досудебной подготовки материалов, известную УПК РСФСР: пока решение о возбуждении уголовного дела не принято, никакие следственные действия, кроме осмотра места происшествия, не допускались; информация о преступлении, полученная не процессуальным путем, фиксировалась в общем протоколе, который служил поводом к принятию дела судом к производству и одновременно к возбуждению судом уголовного дела. Подвергнутая критике именно за последнее обстоятельство, протокольная форма была упразднена².

Проблема, однако, сохраняется, и дело не в формальном решении о возбуждении уголовного дела, а в том, что для начала предварительного расследования закон требует наличия не только законного повода, но и достаточного основания, обуславливающего саму потребность в производстве расследования. Шаг за шагом законодатель наполнял предшествующий принятию решения этап набором операций, которые как бы позволяли эти основания установить. Сегодня эта проверочная деятельность, предшествующая принятию решения о возбуждении уголовного дела, фактически превращена в суррогат расследования. Собранные сведения объявлены доказательствами, а требование соблюдать при их получении «порядок, установленный настоящим Кодексом» для обеспечения их допустимости придает этой деятельности отчетливо выраженный процессуальный характер, хотя она находится за рамками процесса, который может начаться только после появления самого дела.

Сложившаяся реальность уничтожила границу процессуальной деятельности, что еще больше обострило вопрос о моменте начала досудебного этапа уголовного процесса. Ни один из предлагаемых сегодня вариантов решения этой проблемы не является идеальным, каждый имеет свои плюсы и минусы. Однако в любом случае лучше своевременно начать расследование, чем заменять его квазипроцессуальными процедурами, которые предусмотрены ст. 144 УПК РФ. Причина размывания границ между непроцессуальными (розыскными, административными) и процессуальными формами деятельности кроется в излишне осторожном подходе к началу расследования, а точнее – в неправильном истолковании достаточного основания к возбуждению уголовного дела вследствие подмены понятия «признаки преступления» совершенно не идентичным ему понятием «состав преступления».

Справедливости ради следует отметить, что эта проблема возникла не сегодня. В учебнике 1951 г. читаем: «Незаконным является расследование по поводу деяния, не заключающего в себе *состава преступления*»³. Страх необоснованного возбуждения уголовного

² Постановление Конституционного Суда РФ от 28.11.1996 № 19-П «По делу о проверке конституционности положений статьи 418 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР в связи с запросом Каратузского районного суда Красноярского края».

³ Чельцов-Бебутов М.А. Советский уголовный процесс. М.: Госюриздат, 1951. 510 с. С. 221.

дела проистекает и из порочной системы оценки результативности работы правоохранительных органов, когда нормальная практика прекращения уголовных дел при неподтверждении в ходе расследования наличия состава преступления, признаки которого усматривались в информации о его совершении, рассматривается как брак в работе следователя.

Другая причина этого явления – чрезмерность срока, который занимает проверка наличия признаков состава преступления. Вероятно, стоит подумать и о раздельной регистрации сообщений о преступлениях и сообщений неоднозначного содержания, которые нельзя рассматривать как поводы к возбуждению уголовного дела. Обратная сторона этого вопроса – известный риск незаконного укрывательства «безнадежных» с точки зрения раскрываемости преступлений от учета. Но бороться против одного негативного явления с помощью другого, столь же неприемлемого – неэффективно. Раздельный учет поступающих в правоохранительные органы сообщений, снятие административных препон, ограничение срока проверки сообщения о преступлении и строгое соблюдение правила о достаточном основании для принятия решения о начале расследования в комплексе могут снизить остроту рассматриваемой проблемы. Перспективной видится также цифровизация процесса подачи и принятия сообщений о преступлении [19].

Так или иначе, ст. 144 УПК РФ в ее нынешнем виде должна быть упразднена. Так называемая досудебная проверка либо должна быть выведена за рамки уголовного процесса, а формы и методы этой деятельности депроцессуализированы, либо стать частью предварительного расследования со всеми вытекающими из этого решения последствиями. В любом случае момент начала уголовно-процессуальной деятельности должен иметь четкое, однозначное обозначение.

ВЫВОДЫ

Проведенное исследование не претендует на исчерпывающее освещение проблем досудебного производства, но со всей очевидностью демонстрирует назревшую необходимость его реформирования в заданном направлении.

Уголовный процесс и уголовное судопроизводство не являются идентичными понятиями. Уголовный процесс включает в себя уголовное судопроизводство в качестве одной из двух составных частей, отличающейся от досудебного производства сущностными и функциональными характеристиками.

Эффективное управление уголовно-процессуальной деятельностью органов предварительного расследования требует более четкой, чем в настоящее время, локализации досудебного производства путем законодательного формулирования его целей, задач и принципов, указания на ответственного за достижение результата предварительного расследования должностного лица (государственного органа), обозначения моментов его начала и окончания.

Перспективным направлением дальнейших исследований представляется обсуждение вопросов о системе, единстве и дифференциации принципов уголовного процесса, упорядочивании деятельности должностных

лиц, влияющих на работу следователя, дознавателя, унификации полномочий прокурора вне зависимости от формы расследования, об обоснованности дифференциации форм предварительного расследования и его структуре.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Савицкий В.М. Прокурорский надзор за дознанием и предварительным следствием. М.: Госюриздат, 1959. 262 с.
2. Фойницкий И.Я. Курс уголовного судопроизводства. Ч. 2. СПб.: Альфа, 1996. 607 с.
3. Манова Н.С. Досудебное и судебное производство: сущность и проблемы дифференциации процессуальных форм. Саратов: Саратовская государственная академия права, 2003. 224 с.
4. Шадрин В.С. Вступительная статья // Досудебное производство в России: этапы развития следственной, судебной и прокурорской власти. М.: Норма, 2019. С. 5–16.
5. Давлетов А.А., Азаренок Н.В. Программа уголовного судопроизводства. М.: Юрлитинформ, 2009. 203 с.
6. Козьяин А.А. Социальное назначение и функции уголовного судопроизводства. М.: Юрлитинформ, 2010. 266 с.
7. Барабаш А.С. Публичное начало российского уголовного процесса. СПб.: Юридический центр Пресс, 2009. 417 с.
8. Ефимичев С.П., Ефимичев П.С. Задачи предварительного расследования // Журнал российского права. 2006. № 9. С. 81–87. EDN: [OOTURE](#).
9. Петрухин И.Л., Батуров Г.П., Морщакова Т.Г. Теоретические основы эффективности правосудия. М.: Наука, 1979. 392 с.
10. Головкин Л.В. Участие государства в уголовном судопроизводстве: от «равенства оружия» к реалистичным концепциям // Государство и право. 2020. № 6. С. 107–118. DOI: [10.31857/S013207690009942-8](#).
11. Михайловская И.Б. Цели, функции и принципы российского уголовного судопроизводства (уголовно-процессуальная форма). М.: Проспект, 2003. 142 с.
12. Россинский С.Б. Досудебное производство по уголовному делу. М.: Норма, 2022. 232 с.
13. Александров А.С., Александрова И.А., Круглов И.В. Назначение уголовного судопроизводства и наказания. Н. Новгород: Нижегородская правовая академия, 2006. 111 с.
14. Элькин П.С. Цели и средства их достижения в советском уголовно-процессуальном праве. Л.: ЛГУ, 1976. 143 с.
15. Соловьев А.С. Благоприятствование защите (favor defensionis). М.: Норма, 2021. 296 с.
16. Принципы уголовного процесса / под ред. Г.С. Русман, С.М. Даровских. М.: Проспект, 2022. 336 с.
17. Шарипова А.Р. К вопросу о возможности законодательного разделения досудебного и судебного производства по уголовным делам // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2022. № 1. С. 120–127. DOI: [10.36511/2078-5356-2022-1-120-127](#).

18. Строгович М.С. Курс советского уголовного процесса. Т. 1. М.: Наука, 1968. 470 с.
19. Масленникова Л.Н. Трансформация досудебного производства в начальный этап уголовного судопроизводства, обеспечивающий доступ к правосудию в эру Industry 4.0 // Актуальные проблемы российского права. 2019. № 6. С. 137–146. DOI: [10.17803/1994-1471.2019.103.6.137-146](https://doi.org/10.17803/1994-1471.2019.103.6.137-146).
10. Golovko L.V. State participation in the criminal procedure: from “equality of arms” to realistic theories. *Gosudarstvo i pravo*, 2020, no. 6, pp. 107–118. DOI: [10.31857/S013207690009942-8](https://doi.org/10.31857/S013207690009942-8).
11. Mikhaylovskaya I.B. *Tseli, funktsii i printsipy rossiyskogo ugolovnogo sudoproizvodstva (ugolovno-protsessualnaya forma)* [Goals, functions and principles of Russian criminal justice (criminal procedural form)]. Moscow, Prospekt Publ., 2003. 142 p.
12. Rossinskiy S.B. *Dosudebnoe proizvodstvo po ugolovnomu delu* [Pre-trial proceedings in a criminal case]. Moscow, Norma Publ., 2022. 232 p.
13. Aleksandrov A.S., Aleksandrova I.A., Kruglov I.V. *Naznachenie ugolovnogo sudoproizvodstva i nakazaniya* [The Purpose of Criminal Court Procedure and Punishment]. Nizhniy Novgorod, Nizhegorodskaya pravovaya akademiya Publ., 2006. 111 p.
14. Elkind P.S. *Tseli i sredstva ikh dostizheniya v sovetskom ugolovno-protsessualnom prave* [Purposes and Means of Achieving Them in Soviet Criminal Procedure Law]. Leningrad, LGU Publ., 1976. 143 p.
15. Solovev A.S. *Blagopriyatstvovanie zashchite (favor defensionis)* [Favor protection (favor defensionis)]. Moscow, Norma Publ., 2021. 296 p.
16. Rusman G.S., Darovskikh S.M., eds. *Printsipy ugolovnogo protsessa* [Principles of the criminal process]. Moscow, Prospekt Publ., 2022. 33 p.
17. Sharipova A.R. On the issue of the possibility of legislative separation of pre-trial. *Yuridicheskaya nauka i praktika: Vestnik Nizhegorodskoy akademii MVD Rossii*, 2022, no. 1, pp. 120–127. DOI: [10.36511/2078-5356-2022-1-120-127](https://doi.org/10.36511/2078-5356-2022-1-120-127).
18. Strogovich M.S. *Kurs sovetskogo ugolovnogo protsessa* [The course of the Soviet criminal process]. Moscow, Nauka Publ., 1968. Vol. 1, 470 p.
19. Maslennikova L.N. Transformation of pre-trial proceedings in the initial stage of criminal proceedings, ensuring access to justice in the Industry 4.0 era. *Aktualnye problemy rossiyskogo prava*, 2019, no. 6, pp. 137–146. DOI: [10.17803/1994-1471.2019.103.6.137-146](https://doi.org/10.17803/1994-1471.2019.103.6.137-146).

REFERENCES

Pre-trial proceedings in the criminal procedure of Russia: place, role, significance, and development prospects

© 2023

Valentina A. Lazareva, Doctor of Sciences (Law), Professor
Academician S.P. Korolev Samara National Research University, Samara (Russia)

E-mail: v.a.lazareva@mail.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2725-9517>

Abstract: The paper considers the problem of legislative registration of pre-trial proceedings as an independent part of the criminal procedure aimed at achieving its goals and objectives. The criminal procedure unity declared by the legislator, which is manifested in the general purpose of all criminal procedural activities (Article 6 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation), and the continued identification of the criminal procedure with criminal proceedings (Article 1, paragraph 56 of Article 5, Article 6 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation) contradict its mixed nature, create a false impression of the unity of the criminal procedure activities of investigators, prosecutors, and judges, hinder the actual development of adversariality as a principle of exclusively judicial proceedings, negatively affect the quality and efficiency of the criminal procedure as a whole. According to the author, a clear division of pre-trial and judicial proceedings should increase the responsibility of the preliminary investigation bodies and the prosecution office for the effectiveness of pre-trial proceedings, as well as ensure the true independence of the court. Consideration of pre-trial proceedings

as an independent type of activity separated from judicial proceedings allows deferring to the judgment of the scientific community the question of the necessity to fix both the goals and objectives specific to each part of the criminal procedure and the formulation of separate groups of principles determining the essence of criminal procedural activity in pre-trial and, separately, in judicial proceedings.

Keywords: pre-trial proceedings; pre-trial proceedings in criminal procedure; criminal procedure; criminal proceedings; criminal procedure structure; goals, objectives, and principles of pre-trial proceedings; beginning and conclusion of pre-trial investigation; pre-trial investigation subject.

For citation: Lazareva V.A. Pre-trial proceedings in the criminal procedure of Russia: place, role, significance, and development prospects. *Vektor nauki Tolyattinskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Yuridicheskie nauki*, 2023, no. 3, pp. 20–27. DOI: 10.18323/2220-7457-2023-3-20-27.

Отказ от осуществления прав по договору на основании положений Гражданского кодекса Российской Федерации

© 2023

Маштаков Игорь Владимирович, кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры «Гражданское право и процесс»

Тольяттинский государственный университет, Тольятти (Россия)

E-mail: i.mashtakov@ttsu.ru,
zavet4@rambler.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3797-9158>

Аннотация: В настоящем исследовании нас интересовал законодательный подход к условиям и способам реализации положений Гражданского кодекса Российской Федерации, предусматривающих в качестве исключения из общего правила возможность отказаться от осуществления права по договору, когда такой отказ в последующем повлечет недопустимость повторного осуществления данного права по тем же основаниям. Проанализированы отдельные нормы ГК РФ, когда положения об отказе от осуществления права по договору находили свое применение в конкретных ситуациях. Такие нормы ГК РФ подтвердили главную цель законодателя при введении в оборот исследуемых положений. Она заключается в том, чтобы субъекты предпринимательской деятельности использовали в полной мере свободу договора, осуществляли свои права в договоре по своему усмотрению, пользовались правом на отказ от их осуществления, но при этом не стремились злоупотреблять предоставленной им свободой. В рамках анализа норм ГК РФ выявлены условия и способы реализации положений об отказе от осуществления прав по договору, последствия такого отказа, а также отличительные особенности, позволяющие разграничивать исследуемые положения от положений ГК РФ об отказе от договора (его исполнения) в целом. Сделаны выводы, позволяющие понимать правовую обоснованность и практическую необходимость применения исследуемых положений ГК РФ в гражданском обороте.

Ключевые слова: осуществление права; отказ от осуществления права; отказ от договора; отказ от осуществления прав по договору; гражданский оборот; субъекты предпринимательской деятельности.

Для цитирования: Маштаков И.В. Отказ от осуществления прав по договору на основании положений Гражданского кодекса Российской Федерации // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Серия: Юридические науки. 2023. № 3. С. 28–34. DOI: 10.18323/2220-7457-2023-3-28-34.

ВВЕДЕНИЕ

Отказ от осуществления права в общем виде урегулирован в п. 2 ст. 9 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ). Позиция законодателя в этом вопросе всегда была устойчивой, и поскольку отказываться непосредственно от субъективного права недопустимо, закон уточняет такой отказ добавлением слова «осуществления». Таким образом, по замыслу законодателя речь идет не об отказе от права вообще, а об отказе от возможности его осуществления в данный момент, в данный период времени, с сохранением такой возможности на будущее. Например, добровольные действия сторон, направленные на распоряжение гражданскими правами в случае заключения эксклюзивного договора, не свидетельствуют об отказе от осуществления принадлежащих им прав по смыслу п. 2 ст. 9 ГК РФ, так как ограничения являются временными – пока стороны связаны обязательством [1].

ГК РФ устанавливает в качестве общего последствия при отказе от осуществления своего субъективного права тот факт, что такой отказ не влечет прекращение отказного права в принципе. Случаи, когда отказ все-таки повлечет прекращение субъективного права, должны быть предусмотрены законом. В качестве одного из таких исключений предусмотрены правила, установленные в п. 6 и 7 ст. 450.1 ГК РФ. Эти правила применяются при наличии нескольких условий и опре-

деленными способами, о которых пойдет речь в данном исследовании.

Допускаемая законодателем возможность отказаться от осуществления права по договору опирается на нормативную основу регулирования гражданского оборота в целом. Поскольку его участники свободны в установлении своих прав и обязанностей на основе договора (абз. 1 п. 2 ст. 1 ГК РФ), они по своему усмотрению осуществляют принадлежащие им гражданские права (п. 1 ст. 9 ГК РФ). Таким образом, если законодатель отдает возможность осуществления своего субъективного права на усмотрение самих участников гражданских правоотношений, в том числе сторон гражданско-правового договора, то осуществление и отказ от осуществления своих прав по договору является делом добровольным [2].

Правила ГК РФ, допускающие в качестве исключения отказ от осуществления прав по договору, появились не так давно. Они были введены в действие с 1 июня 2015 г. Федеральным законом от 08.03.2015 № 42-ФЗ «О внесении изменений в часть первую Гражданского кодекса Российской Федерации». За все время действия данных правил успела сформироваться определенная судебная практика по этому вопросу, в том числе достаточно противоречивая [3], что может являться предметом отдельного самостоятельного исследования.

При применении обсуждаемых в этом исследовании правил ГК РФ об отказе от осуществления прав по

договору необходимо учитывать их отличия от общей правовой конструкции отказа от договора (его исполнения) в целом, тем более что речь идет о разрешении законодателя отказываться только от осуществления прав по договору, но не от исполнения обязанностей по нему [4]. Необходимость учитывать такие отличия в настоящем исследовании продиктована в первую очередь тем обстоятельством, что сопоставляемые (сравниваемые) правила законодатель сосредоточил в одной и той же статье ГК РФ – 450.1. Сама формулировка названия данной статьи с использованием союза «или» свидетельствует об отношении законодателя к данным правовым конструкциям как взаимосвязанным, но с разными правовыми целями и разными правовыми последствиями. Поэтому обсуждаемое сравнение напрашивается само по себе и вполне логично в рамках настоящего исследования, но только в той его части, которая необходима для правильного понимания сущности отказа от осуществления прав по договору. Подробный анализ положений ГК РФ о самом отказе от договора в целом (его исполнении) не является целью нашего исследования.

Цель исследования – анализ положений п. 6 и 7 ст. 450.1 ГК РФ в совокупности с другими нормами ГК РФ, выявление условий, способов и последствий применения данных положений.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ И ИХ ОБСУЖДЕНИЕ

Цель установления и назначение исследуемых положений ГК РФ

Положения ГК РФ, которые предоставляют возможность отказаться от осуществления прав по договору, на наш взгляд, преследуют цель предостеречь участников предпринимательской деятельности от злоупотребления своими правами в договорном обязательстве. Ситуация, когда сторона в договоре пытается самостоятельно заблокировать себе возможность воспользоваться в полной мере всем спектром договорной свободы, не может являться естественным положением дел, несвойственна для нормального, разумного и эффективного гражданского оборота [5].

Значит, законодатель, предвидя возможные ухищрения сторон при исполнении договора, решил установить для субъектов предпринимательства специальные правила поведения, когда, отказавшись от осуществления своего права однажды, теряешь возможность вернуться к такому осуществлению по тем же основаниям. Представляется, что данное правило связано также с устранением возможности противоречивого поведения стороны в договоре. Запрет на противоречивое поведение по договору установлен главным образом в п. 3 ст. 432 ГК РФ, а также в п. 5 ст. 450.1 ГК РФ. В юридической науке конструкция такого поведения получила название «эстоппель», когда лицо, действуя противоречиво и непоследовательно, лишается права ссылаться на определенные обстоятельства, например на недействительность или незаключенность договора [6]. Применительно к правилу ГК РФ об отказе от осуществления своего права по договору, эстоппель может иметь место, если сторона начинает ссылаться на обстоятель-

ства, наступившие в прошлом и отпавшие в настоящем, но служившие основанием для осуществления права по договору, когда таким правом на тот момент сторона не воспользовалась.

Необходимость прибегать к отказу от осуществления права по договору (п. 6 ст. 451 ГК РФ), по всей видимости, продиктована условиями гражданского оборота, в котором пребывают стороны договора, и характером договорного обязательства, которое подлежит надлежащему исполнению. Казалось бы, зачем отказываться от осуществления прав, которые предоставлены стороне договора условиями соглашения или самим законом? Но динамика взаимоотношений между сторонами в договоре такова, что кому-то из них выгоднее будет не осуществить право, как бы придержать его осуществление до лучших времен [7]. Гражданское законодательство учитывает возможное манипулирование таким правом стороной договора и указывает, что, однажды отказавшись от его осуществления, в дальнейшем осуществить его уже не получится, если только обстоятельства, послужившие основанием его возникновения, не наступят снова.

Почему законодатель предусмотрел такое правило только для субъектов предпринимательской деятельности, остается догадываться. Видимо, это правило тесным образом связано с экономической составляющей содержания самого обязательства, исполнение которого продиктовано осуществлением сторонами договора деятельности, направленной именно на извлечение прибыли [8]. А деятельность, которая связана с получением прибыли, носит рискованный характер, поэтому возможность манипулирования осуществлением своего права по договору весьма высока именно в отношениях с участием субъектов предпринимательской деятельности.

Немаловажным аспектом таких отношений, как известно, является и тот факт, что в обязательствах, связанных с осуществлением сторонами предпринимательской деятельности, имеет место так называемая безвиновная ответственность (п. 3 ст. 401 ГК РФ). Высокий предпринимательский риск, наступление ответственности стороны в предпринимательском договоре независимо от вины побуждают законодателя ограничивать стороны такого договора в пользовании отказом от осуществления своего права (и последующим его осуществлением после отказа) постоянно и неограниченное число раз [9].

Таким образом, ГК РФ рекомендует предпринимателю воспользоваться своим правом по договору здесь и сейчас, пока наступили и имеют место обстоятельства, оправдывающие осуществление такого права. Потом может быть поздно, и ссылаться на утратившие актуальность ранее наступившие обстоятельства уже не получится. Отсутствие возможности вернуться к осуществлению своего права по договору может сыграть злую шутку с предпринимателем, когда к ответственности по договору может быть привлечен он сам. Например, отказавшись однажды от взыскания неустойки, он не сможет уже зачесть ее сумму в зачет предъявляемого к нему требования о возмещении убытков со стороны контрагента. В этом также заключается его риск отказа от осуществления права по договору.

Отличия от отказа от договора

Отказ от осуществления своего права по договору необходимо отличать от ситуации с полным или частичным односторонним отказом от договора в случаях, прямо предусмотренных законом или договором (п. 1–5 ст. 450.1 ГК РФ). Например, ГК РФ предусматривает возможность заемщика отказаться от осуществления права на получение займа полностью или частично, когда речь идет о консенсуальном договоре, и займодавец обязался предоставить заем (абз. 2 п. 3 ст. 807 ГК РФ). Связь этой ситуации с п. 6 ст. 450.1 ГК РФ прослеживается в том, что заемщиком по такому договору займа выступает лицо, осуществляющее предпринимательскую деятельность и заявляющее об отказе от осуществления своего права заемщика на получение суммы займа через уведомление об этом займодавца. Но отличие этих норм одной и той же статьи ГК РФ заключается в том, что отказ от договора или его исполнения приводит к его расторжению или изменению (п. 2 ст. 450.1 ГК РФ), а отказ от осуществления права по договору такие юридические последствия, как правило, не преследует. Цель п. 6 ст. 450.1 ГК РФ заключается в первую очередь в сохранении договора, но с условием лишения возможности осуществлять отказное право по тем же основаниям [10].

Если мы говорим о том, что осуществление права по договору связано с наступлением определенных обстоятельств, указанных в законе или договоре, а отказ от осуществления такого права по договору является бесповоротным по тем же основаниям, то отказ от договора или его исполнения может быть не привязан к наступлению конкретных обстоятельств, он может быть вообще немотивированным. Право на немотивированный отказ от договора предусмотрен, например, в возмездном оказании услуг (ст. 782 ГК РФ).

В отличие от отказа от договора (как мотивированного, так и немотивированного), когда такой отказ предусмотрен законом или договором, отказ от осуществления права по договору не является абсолютно бесповоротным [11]. Право, от осуществления которого сторона по договору отказалась, подлежит юридической реанимации, поскольку обстоятельства, послужившие основанием для осуществления права по договору, однажды наступившие и со временем отпавшие, могут наступить вновь. Например, если наступили предусмотренные в законе или договоре обстоятельства, послужившие основанием для удержания кредитором вещи должника (ст. 359 ГК РФ), а кредитор решил отказаться от осуществления своего права в данный момент, то это не значит, что подобные обстоятельства больше не повторятся и кредитором данное право на удержание полностью утрачено [12].

Условия отказа от осуществления прав по договору

Субъективные права и субъективные обязанности сторон в гражданско-правовом договоре, как, впрочем, и в любом гражданском правоотношении, предусмотрены для того, чтобы их осуществлять и исполнять. Этими обстоятельствами обусловлен практически весь гражданский оборот. Поэтому, если закон допускает отказ от осуществления права и указывает на исключения, когда такой отказ может вызывать временное или постоянное прекращение субъективного права, то вы-

зывают интерес связанные с осуществлением такого отказа условия, способы и последствия.

Следует обратить внимание, что положения, предусмотренные п. 6 и 7 ст. 450.1 ГК РФ, носят исключительный характер. Они применимы только для договорных отношений и только с участием предпринимателей, поэтому общее правило гражданского оборота о недопустимости ограничения право- и дееспособности его участников, а также о недопустимости заключения гражданско-правовых сделок, направленных на такое ограничение (ст. 22 ГК РФ), встречает исключения, когда допустимо отказаться от осуществления права по договору, если основание для такого осуществления возникло вследствие наступления определенных обстоятельств. Право, которое можно осуществлять по договору и, соответственно, отказаться от такого осуществления, должно с юридической точки зрения созреть. Заранее отказываться от осуществления еще не созревшего права недопустимо. Например, дольщикам недопустимо отказываться от требований к застройщику, выразив свой отказ в актах приема-передачи квартир [13].

Таким образом, реализация положений ГК РФ, касающихся непосредственно отказа стороны от осуществления своих прав по договору, имеет ряд условий, соблюдение которых необходимо для устранения ошибочного применения данных положений на практике. Сторона может отказаться от осуществления прав по договору, только если: иное не предусмотрено ГК РФ, другими законами, иными правовыми актами или договором; она ведет предпринимательскую деятельность; наступили обстоятельства, предусмотренные ГК РФ, другими законами, иными правовыми актами или договором, которые являются основанием для осуществления этого права.

О каких обстоятельствах, которые послужили основанием для осуществления права по договору одной из сторон и отказ от осуществления которого повлечет недопущение его осуществления в дальнейшем по этим же основаниям, идет речь в п. 6 ст. 450.1 ГК РФ? По смыслу указанной статьи ГК РФ, возможность наступления таких обстоятельств должна быть предусмотрена законом или договором, т. е. они не могут носить неочевидный для данных конкретных договорных отношений между сторонами характер. Наступление таких обстоятельств возможно и очевидно, если не сказать естественно, для конкретной модели договора. Именно этим и объясняется указание на предусмотренность таких обстоятельств законом, а также на возможность их предусмотренности по усмотрению самих сторон в договоре [14].

Как мы уже отметили, в любом предпринимательском договоре, как правило, предусмотрена неустойка за нарушение условий договора, например срока его исполнения. Так, если покупатель по договору поставки стал осуществлять свое право на взыскание с поставщика неустойки за просрочку поставки товаров в определенном периоде, то он не может в дальнейшем воспользоваться таким правом за прошедший период поставки. Для осуществления такого права в дальнейшем потребуются наступление новых обстоятельств просрочки или иного нарушения в новом периоде поставки [15].

Рассмотрим другой пример. По договору строительного подряда заказчик имеет право осуществлять

контроль и надзор за ходом и качеством выполняемых работ (ст. 748 ГК РФ). Подрядчик при этом может допустить отступления от условий договора строительного подряда, что может ухудшить качество работ. Заказчик в ходе проверки может обнаружить недостатки в уже выполненном объеме работ. Таким образом, наступили обстоятельства, позволяющие заказчику ссылаться на отступления и недостатки как на ненадлежащее исполнение подрядчиком своих договорных обязательств. На заказчике лежит обязанность немедленно заявить об этом подрядчику. Исполнение такой обязанности реализуется в рамках осуществления права заказчика на предъявление подрядчику требований об устранении недостатков и отступлений от условий договора. Данное право формируется у заказчика при сопоставлении правил п. 2 и 3 ст. 748 ГК РФ, когда подрядчик обязан исполнять полученные в ходе строительства указания заказчика. Получается, что если заказчик, несмотря на нарушения подрядчика, по смыслу п. 6 ст. 450.1 ГК РФ в активной форме заявит об отказе от осуществления своего права по договору (например, нарушения оказались несущественными), то он в дальнейшем не вправе ссылаться на обнаруженные им сейчас недостатки. Конечно, при следующей проверке хода и качества выполнения работ у заказчика возникает новое право предъявить требования к подрядчику в случае обнаружения новых недостатков, новых отступлений от условий договора строительного подряда, влекущих ухудшение качества работ, поскольку наступление аналогичных обстоятельств связано с появлением новых оснований для осуществления своего права по договору – права на устранение недостатков и отступлений от его условий [16].

Способы и последствия отказа от осуществления прав по договору

Отказ от осуществления права по договору возможен также в случаях, когда об этом не заявлено прямо и немедленно, как это было рассмотрено в вышеуказанном примере с договором строительного подряда. Согласно п. 7 ст. 450.1 ГК РФ применение правила п. 6 этой же статьи возможно после истечения срока для осуществления своего права по договору. В юридической литературе указывается на то, что в этой ситуации правильнее говорить не об отказе от осуществления права по договору, а о неосуществлении права по договору в течение установленного срока [17]. Таким образом, если п. 6 ст. 450.1 ГК РФ предполагает отказ от осуществления права по договору в форме активного действия (заявления), то п. 7 ст. 450.1 ГК РФ говорит о пассивном поведении стороны, которое свидетельствует о ее намерении не осуществлять предоставленное по договору право, которое прекращается с истечением предусмотренного законом или договором срока. Такое пассивное поведение, по сути, является выражением волеизъявления в форме молчания по правилам п. 3 ст. 158 ГК РФ [18].

На примере договора поставки предусмотрено право покупателя давать поставщику указания об отгрузке (передаче) товаров получателям (отгрузочные разрядки). Содержание отгрузочной разрядки и срок ее направления покупателем поставщику определяются договором. Если срок направления отгрузочной раз-

рядки договором не предусмотрен, она должна быть направлена поставщику не позднее чем за тридцать дней до наступления периода поставки (п. 2 ст. 509 ГК РФ). Получается, что отказ покупателя от осуществления своего права на указание получателей в отгрузочных разрядках с соблюдением установленного в договоре или законе срока направления таких документов позволяет применять п. 6 и 7 ст. 450.1 ГК РФ. В этой ситуации, если поставщику предоставлено право потребовать оплаты товара от покупателя, то последующие возражения последнего о ненадлежащем адресе доставки не будут иметь под собой юридических оснований, поскольку покупатель сам не воспользовался своим правом на указание места доставки товара в течение установленного срока, и поставщик вынужден был отправить товар непосредственно покупателю (ст. 509 ГК РФ).

В указанном примере обстоятельствами, которые по смыслу п. 6 ст. 450.1 ГК РФ должны наступить для осуществления права по договору, является появление у покупателя помимо поставщика своих контрагентов (получателей) и наступление очередного периода поставки. Если в этом периоде поставки покупатель не воспользовался своим правом на отгрузочные разрядки, то теперь это право может быть осуществлено им только в следующем периоде при наступлении новых обстоятельств [19].

Другой пример пассивного отказа от осуществления права по договору можно показать в отношениях между арендодателем и субарендатором на основании ст. 618 ГК РФ, когда у субарендатора возникает право на заключение договора аренды напрямую с арендодателем в пределах оставшегося срока субаренды, но на условиях прекращения договора аренды. В литературе отмечается, что если субарендатор игнорирует предложение арендодателя в течение указанного в предложении срока для принятия решения, то он утрачивает право требовать заключения договора аренды по основанию его прекращения с предыдущим арендатором [20]. Преимущественное право субарендатора на заключение договора аренды хоть и предусмотрено в самом законе (п. 1 ст. 618 ГК РФ), ничто не мешает предусмотреть такое право и в самом договоре аренды или субаренды (п. 2 ст. 615 ГК РФ). Кроме того, осуществление права по договору, когда такое право предусмотрено самим законом, не умаляет юридическую состоятельность формулировки «отказ от осуществления права по договору», поскольку права по договору возникают и формируются в соответствии с законом и не могут ему противоречить.

Таким образом, положения ГК РФ, отраженные в п. 6 и 7 ст. 450.1 ГК РФ, предусматривают как активный способ отказа от осуществления прав по договору – заявление об отказе, так и пассивный способ – неосуществление права по договору в течение установленного законом или договором срока. Тем не менее следует признать, что пассивный вариант отказа от осуществления своего права по договору, а точнее неосуществление своего права в установленный срок по смыслу п. 7 ст. 450.1 ГК РФ, вызывает большие сомнения в отношении его сходства с правовыми последствиями активного варианта отказа от осуществления права по смыслу п. 6 ст. 450.1 ГК РФ. Но такие сомнения могут быть предметом уже отдельного исследования.

Последствие отказа от осуществления прав по договору, которое уже было отмечено нами ранее, не преследует цели поставить субъекта предпринимательской деятельности в невыгодное по сравнению с его контрагентом положение. Наоборот, таким образом закон уравнивает субъективные возможности сторон по договору, призывает их осуществлять только те права, которые действуют здесь и сейчас, запрещает ссылаться на те обстоятельства, которые служили основанием для осуществления права по договору в предыдущем периоде существования обязательственного правоотношения. Неслучайно в п. 6 ст. 450.1 ГК РФ используется термин «в последующем» для обозначения следующего периода, когда возможно наступление аналогичных обстоятельств, служащих новым основанием для осуществления определенного права по договору.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В заключение можно сделать следующие выводы.

Во-первых, ГК РФ устанавливает исключительные правила о возможности отказа от осуществления прав по договору, в отличие от общего правила гражданского оборота о недопустимости отказа от субъективного права. Такая исключительность рассмотренных нами правил ГК РФ предусмотрена только для стороны договора, осуществляющей предпринимательскую деятельность. Вторая сторона в таком договоре, которая может не осуществлять предпринимательскую деятельность, воспользоваться данными положениями ГК РФ не может, что, в принципе, никак не отражается на свободе осуществления субъективного права по усмотрению сторон.

Во-вторых, дополнительным условием, позволяющим воспользоваться отказом от осуществления прав по договору, является наступление обстоятельств, послуживших основанием для осуществления права по договору. Возникновение такого основания не всегда приветствуется управомоченной стороной в договоре, что может побудить эту сторону отказаться от осуществления права по договору. Отказ от осуществления права по договору предполагает конкретный способ выражения волеизъявления отказывающейся стороны. Такие способы выражения волеизъявления могут быть представлены как в активной форме – заявление об отказе, так и в пассивной форме – неосуществление субъективного права по договору в течение установленного в законе и самом договоре срока. Отказ от осуществления права по договору влечет вполне логичные для отказавшегося последствия – нельзя осуществить отказное право по отпавшим основаниям, необходимо, чтобы такие основания (аналогичные обстоятельства) наступили вновь.

В-третьих, как с теоретической, так и с практической точки зрения необходимо правильно разграничивать ситуации, когда речь идет не об отказе от осуществления права по договору, а об отказе от договора (его исполнения) в целом. Эти правовые конструкции преследуют разные цели и правовые последствия. Отказ от договора (его исполнения) преследует цель его расторжения или изменения условий, он может не зависеть от наступления необходимых обстоятельств, поскольку может быть вообще немотивированным. А от-

каз от осуществления права по договору не преследует цели его расторжения или изменения, он целиком зависит от предусмотренных в п. 6 и 7 ст. 450.1 ГК РФ условий своей реализации, включая условие предварительного наступления обстоятельств для возникновения права по договору, от осуществления которого можно отказаться.

В-четвертых, по нашему мнению, введение в гражданский оборот правил об отказе от осуществления прав по договору, предусмотренных п. 6 и 7 ст. 450.1 ГК РФ, продиктовано следующим: предостережением законодателя в отношении стороны-предпринимателя по договору от злоупотребления своим субъективным правом; недопущением его противоречивого и непоследовательного поведения; призывом осуществлять свои субъективные гражданские права по договору исключительно добросовестно, без намерения извлекать преимущество, вызванное таким отказом и ставящее контрагента по договору в менее выгодное для него положение.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Батрова Т.А. Навязывание контрагенту невыгодных условий договора торговыми сетями // Конкурентное право. 2022. № 4. С. 16–19. EDN: [KBLQJA](#).
2. Чеговадзе Л.А. Договор как нормоустановительный источник частного права // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2023. № 2. С. 330–348. EDN: [IUTXRI](#).
3. Чеговадзе Л.А. Недопустимый отказ от обязательства и допустимый отказ от договора // Гражданское право. 2021. № 3. С. 12–16. EDN: [DEYIZS](#).
4. Ноздрачева А.Ю. Обзор судебной практики долга со смежными правовыми конструкциями // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2019. № 7. С. 202–223. EDN: [VLOYGY](#).
5. Долинская В.В. Интересы в гражданском обороте, их оформление и обеспечение их баланса // Законы России: опыт, анализ, практика. 2021. № 2. С. 9–22. EDN: [SOOPET](#).
6. Коваленко А.А. Доктрина «эстоппель» в контексте принципа добросовестности в судебной практике РФ // Юрист. 2023. № 3. С. 55–60. DOI: [10.18572/1812-3929-2023-3-55-60](#).
7. Беляева К.К. Институт отказа от права в сравнительно-правовом контексте // Вестник гражданского права. 2017. Т. 17. № 3. С. 7–51. EDN: [YSROIN](#).
8. Власова Е.Д. Институт отказа от права: применение в российском праве и в зарубежных правовых порядках // Ленинградский юридический журнал. 2018. № 1. С. 85–98. EDN: [YWRIWO](#).
9. Нам К.В. Принцип добросовестности. Система и бессистемность // Вестник гражданского права. 2019. Т. 19. № 1. С. 28–74. EDN: [YZXZMD](#).
10. Саркисян А.В., Новосельнов Д.А. Об отказе от права и его последствиях // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2017. № 4. С. 93–131. EDN: [YMDGPJ](#).
11. Соменков С.А. Институт одностороннего отказа от исполнения договора в условиях реформы гражданского законодательства // Законы России: опыт, анализ, практика. 2014. № 11. С. 85–91. EDN: [SYLAAL](#).

12. Кадулин А.В. Отдельные вопросы применения норм об удержании вещи в практике Арбитражного суда Северо-Западного округа // Арбитражные споры. 2023. № 1. С. 3–26. EDN: [JKRXGD](#).
13. Быканов Д.Д. Ответственность директора за сделки с конфликтом интересов: значение согласия участников и проблема двойного взыскания // Имущественные отношения в Российской Федерации. 2021. № 5. С. 76–84. EDN: [JFUGRR](#).
14. Демкина А.В. Порядок и пределы реализации права на отказ от договора или от осуществления прав по договору: новые правила ГК РФ // Имущественные отношения в Российской Федерации. 2015. № 11. С. 57–65. EDN: [UXLRFN](#).
15. Кархалев Д.Н. Механизм гражданско-правового регулирования охранительных отношений. М.: Инфотропик Медиа, 2022. 892 с.
16. Егоров А.В. Односторонний отказ заказчика от договора подряда: сосредоточение проблем практики // Вестник гражданского права. 2018. Т. 18. № 3. С. 53–102. EDN: [XUZEMX](#).
17. Кархалев Д.Н. Отказ от договора (исполнения договора) или от осуществления прав по договору // Современное право. 2018. № 4. С. 47–51. EDN: [UPKZNG](#).
18. Мальцев Д.А., Луговской И.К. Молчание как сделочное волеизъявление // Вестник гражданского права. 2023. Т. 23. № 2. С. 81–111. EDN: [LIRDZY](#).
19. Томсинов А.В. Убытки при нарушениях в цепи договоров поставки // Закон. 2019. № 3. С. 56–66. EDN: [ZAWBIL](#).
20. Громов А.А. Последствия досрочного прекращения аренды при наличии субаренды (Часть 2) // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2021. № 8. С. 82–129. EDN: [RNPNCI](#).
21. Kadulin A.V. Selected issues of application of norms of retention in the practice of the Arbitration court for the North-Western Region. *Arbitrazhnye spory*, 2023, no. 1, pp. 3–26. EDN: [JKRXGD](#).
22. Belyaeva K.K. Waiver from a comparative perspective. *Vestnik grazhdanskogo prava*, 2017, vol. 17, no. 3, pp. 7–51. EDN: [YSROIN](#).
23. Vlasova E.D. The institute of waiver of law: application in Russia and in foreign law systems. *Leningradskiy yuridicheskiy zhurnal*, 2018, no. 1, pp. 85–98. EDN: [YWRIWO](#).
24. Nam K.V. The principle of good faith. System and non-system. *Vestnik grazhdanskogo prava*, 2019, vol. 19, no. 1, pp. 28–74. EDN: [YZXZMD](#).
25. Sarkisyan A.V., Novosel'nov D.A. On the waiver and its consequences. *Vestnik ekonomicheskogo pravosudiya Rossiyskoy Federatsii*, 2017, no. 4, pp. 93–131. EDN: [YMDGPI](#).
26. Somenkov S.A. Concept of unilateral refusal to execute a contract in the framework of civil legislation reform. *Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika*, 2014, no. 11, pp. 85–91. EDN: [SYLAAL](#).
27. Kadulin A.V. Selected issues of application of norms of retention in the practice of the Arbitration court for the North-Western Region. *Arbitrazhnye spory*, 2023, no. 1, pp. 3–26. EDN: [JKRXGD](#).
28. Bykanov D.D. Director's liability for transactions with conflict of interests: the meaning of shareholders' consent and the problem of double recovery. *Imushchestvennyye otnosheniya v Rossiyskoy Federatsii*, 2021, no. 5, pp. 76–84. EDN: [JFUGRR](#).
29. Demkina A.V. Concept of unilateral refusal to execute a contract or rights under the contract: new rules of the Civil Code. *Imushchestvennyye otnosheniya v Rossiyskoy Federatsii*, 2015, no. 11, pp. 57–65. EDN: [UXLRFN](#).
30. Karkhalev D.N. *Mekhanizm grazhdansko-pravovogo regulirovaniya okhranitelnykh otnosheniy* [Mechanism of civil legal regulation of protective relations]. Moscow, Infotropik Media Publ., 2022. 892 p.
31. Egorov A.V. Unilateral employer's refusal of a contract of work and labour: key practice issues. *Vestnik grazhdanskogo prava*, 2018, vol. 18, no. 3, pp. 53–102. EDN: [XUZEMX](#).
32. Karkhalev D.N. Refusal of a contract (performance under the contract) or from the exercise of contractual rights. *Sovremennoe pravo*, 2018, no. 4, pp. 47–51. EDN: [UPKZNG](#).
33. Maltsev D.A., Lugovskoy I.K. Silence as a contractual expression of will. *Vestnik grazhdanskogo prava*, 2023, vol. 23, no. 2, pp. 81–111. EDN: [LIRDZY](#).
34. Tomsinov A.V. Damages for breach of supply contracts. *Zakon*, 2019, no. 3, pp. 56–66. EDN: [ZAWBIL](#).
35. Gromov A.A. Consequences of premature termination of a lease if there is a sublet (Part 2). *Vestnik ekonomicheskogo pravosudiya Rossiyskoy Federatsii*, 2021, no. 8, pp. 82–129. EDN: [RNPNCI](#).

REFERENCES

1. Batrova T.A. Foisting of unfavorable contractual terms on a counterparty by trade networks. *Konkurentnoe pravo*, 2022, no. 4, pp. 16–19. EDN: [KBLQJA](#).
2. Chegovadze L.A. A contract as a normative source of private law. *Vestnik Permskogo universiteta. Yuridicheskie nauki*, 2023, no. 2, pp. 330–348. EDN: [IUTXRI](#).
3. Chegovadze L.A. Inadmissible repudiation of an obligation and admissible repudiation of an agreement. *Grazhdanskoe pravo*, 2021, no. 3, pp. 12–16. EDN: [DEYIZS](#).
4. Nozdracheva A.Yu. Review of judicial practice on the correlation of the institution of debt forgiveness with related statutory concepts. *Vestnik ekonomicheskogo pravosudiya Rossiyskoy Federatsii*, 2019, no. 7, pp. 202–223. EDN: [VLOYGY](#).
5. Dolinskaya V.V. Interests in civil turnover, their registration and ensuring their balance. *Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika*, 2021, no. 2, pp. 9–22. EDN: [SOOPET](#).
6. Kovalenko A.A. The estoppel doctrine within the framework of the principle of good faith in the judicial practice of the Russian Federation. *Yurist*, 2023, no. 3, pp. 55–60. DOI: [10.18572/1812-3929-2023-3-55-60](#).

A refusal to exercise rights under the contract on the basis of the provisions of the Civil Code of the Russian Federation

© 2023

Igor V. Mashtakov, PhD (Law), Associate Professor, assistant professor of Chair “Civil Law and Procedure”
Togliatti State University, Togliatti (Russia)

E-mail: i.mashtakov@tltu.ru,
zavet4@rambler.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3797-9158>

Abstract: In this study, the author was interested in the legislative approach to the conditions and methods of implementing the provisions of the Civil Code of the Russian Federation (RF Civil Code), which consider the possibility of a refusal to exercise rights under the contract as an exception to the general rule, when such refusal in the future will entail the inadmissibility of repeated exercise of this right for the same reasons. The author analyzed certain norms of the RF Civil Code, when provisions on a refusal to exercise rights under the contract found their application in specific situations. Such norms of the RF Civil Code confirmed the main goal of the legislator when introducing the provisions under study. It consists in ensuring that business entities fully use the freedom of a contract, exercise their rights in the contract at their own discretion, exercise the right of a refusal, but do not seek to abuse the freedom granted to them. As a part of the analysis of the RF Civil Code norms, the author identified the conditions and methods for implementing the provisions on a refusal to exercise rights, the consequences of such a refusal, as well as distinctive features allowing distinguishing the provisions under study from the RF Civil Code provisions on the repudiation of a contract (its execution) as a whole. Conclusions are drawn that allow understanding the legal sufficiency and practical necessity of applying the studied provisions of the RF Civil Code in civil circulation.

Keywords: exercise of a right; refusal to exercise a right; repudiation of a contract; refusal to exercise rights under the contract; civil circulation; business entities.

For citation: Mashtakov I.V. A refusal to exercise rights under the contract on the basis of the provisions of the Civil Code of the Russian Federation. *Vektor nauki Tolyattinskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Yuridicheskie nauki*, 2023, no. 3, pp. 28–34. DOI: 10.18323/2220-7457-2023-3-28-34.

Обвинительное заключение: процессуальное предназначение

© 2023

Россинский Сергей Борисович, доктор юридических наук, доцент,
главный научный сотрудник Сектора уголовного права, уголовного процесса и криминологии
Институт государства и права Российской академии наук, Москва (Россия)

E-mail: s.rossinskiy@gmail.com

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3862-3188>

Аннотация: В статье анализируются проблемы процессуального предназначения обвинительного заключения как правоприменительного акта, завершающего предварительное следствие по уголовному делу. Актуальность проведенного исследования обусловлена вытекающим из системы процессуального законодательства и сложившейся следственной практики дублированием роли обвинительного заключения и постановления о привлечении в качестве обвиняемого в части установления объема, содержания, границ, иными словами – определения предмета предстоящего разбирательства уголовного дела в суде первой инстанции. Исходя из традиционной для национальной уголовной юстиции концепции сохранения института привлечения в качестве обвиняемого, обосновывается тезис об ошибочности понимания обвинительного заключения как документа, определяющего содержание и параметры выдвигаемой в отношении обвиняемого уголовно-правовой претензии. Уточняется, что в ходе предварительного следствия такая роль может принадлежать лишь постановлению о привлечении в качестве обвиняемого. Анализируются причины, которые повлияли на возникновение выявленного доктринально-правового диссонанса и которые связываются с не вполне разумной правотворческой политикой, присущей развитию советской и постсоветской уголовной юстиции. Процессуальное значение обвинительного заключения предлагается сводить не к формулированию предмета предстоящего разбирательства уголовного дела в суде первой инстанции, а лишь к подведению итогов предварительного следствия и окончательному признанию его результатов пригодными для судебного рассмотрения по существу, а также к определению момента формального завершения досудебного производства и прекращению всех правоотношений, свойственных данному этапу уголовно-процессуальной деятельности. Обвинительное заключение предлагается считать поводом (юридическим фактом) для начала судебного производства. Кроме того, упоминаются и другие предназначения обвинительного заключения – правообеспечительное и организационно-техническое.

Ключевые слова: обвинение; обвинительное заключение; окончание предварительного следствия; предварительное следствие; предмет судебного разбирательства; привлечение в качестве обвиняемого; уголовно-правовая претензия.

Для цитирования: Россинский С.Б. Обвинительное заключение: процессуальное предназначение // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Серия: Юридические науки. 2023. № 3. С. 35–41. DOI: 10.18323/2220-7457-2023-3-35-41.

ВВЕДЕНИЕ

Одно из самых важных направлений развития уголовно-процессуальной доктрины, законодательства и правоприменительной практики – это исследование и совершенствование правоприменительных актов органов предварительного расследования, прокуратуры и суда, являющихся конкретными формами реализации государственно-властных полномочий и обуславливающих возникновение, изменение и прекращение свойственных различным стадиям уголовного судопроизводства правоотношений либо юридических состояний. К такому относится и обвинительное заключение, под которым обычно понимают финальный уголовно-процессуальный акт органа предварительного следствия, в котором проводится оценка достаточности собранных доказательств, формулируется предварительный вывод об изобличении обвиняемого (нескольких обвиняемых) в совершении инкриминируемого преступления (нескольких преступлений) и содержится решение о направлении уголовного дела в суд для дальнейшего рассмотрения по существу.

Подобный смысл четко вытекает из ст. 220 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации

(далее – УПК РФ) и находящихсся с ней в системном единстве других положений Кодекса. Неудивительно, что указанные либо близкие позиции можно встретить в целом ряде научных работ, посвященных данной проблематике; они же присущи подавляющему большинству рассчитанных на самый разнообразный контингент читателей учебников, учебных пособий уголовно-процессуальной направленности¹, доктринальных комментариев к уголовно-процессуальному законодательству и т. д.

Ученые традиционно обращали и продолжают обращать внимание на два самостоятельных значения обвинительного заключения: а) правовое (процессуальное), выражаемое в завершении предварительного следствия и признании его результатов пригодными для направления в суд; б) организационно-техническое (справочно-техническое), состоящее в представлении суду и сторонам возможности ориентироваться в материалах уголовного дела [1]. Некоторым

¹ См.: Уголовный процесс / под ред. В.П. Божьева. М.: Спарк, 2002. 704 с.

Калиновский К.В., Смирнов А.В. Уголовный процесс. М.: Кнорус, 2017. 704 с.

публикациям свойственна вариативная точка зрения, предполагающая еще одно, воспитательное значение обвинительного заключения, сводящееся к использованию его для уведомления присутствующей в судебном заседании публики о государственном порицании обвиняемого (подсудимого), о противоправности и наказуемости совершенного деяния, о способствующих его совершению обстоятельствах².

Для адресованной студентам, курсантам, слушателям учебной литературы такие доктринальные позиции вполне приемлемы и справедливы – они четко согласуются с уголовно-процессуальным законодательством и полностью соответствуют существующим практическим подходам к окончанию предварительного следствия в преддверии направления уголовного дела в суд для рассмотрения по существу [2; 3]. Однако при более тщательном осмыслении процессуально-правовое предназначение обвинительного заключения, равно как и соответствующие ему положения закона, начинают казаться далеко не такими разумными и неоспоримыми, какими видятся на первый взгляд. Понимание обвинительного заключения как правоприменительного акта, выражающего убежденность в дальнейшей судебной перспективе уголовного дела, представляется не вполне однозначным, вызывает множество вопросов и приводит к существенным затруднениям в правоприменительной практике. Стремление досконально разобраться в указанных вопросах и попытаться устранить существующие проблемы побудило автора к проведению некоторых научных изысканий, по результатам которых и была подготовлена настоящая статья.

Цель исследования – определение правового (процессуального) значения обвинительного заключения и его роли в уголовном судопроизводстве.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ И ИХ ОБСУЖДЕНИЕ

Предназначение стадии предварительного расследования

Начать хотелось бы с констатации аксиоматичного, должно быть очевидным для всякого учено-процессуалиста исходного тезиса: подлинное понимание сущности и роли любой уголовно-процессуальной процедуры, любой формы реализации государственно-властных полномочий или использования диспозитивных правомочий, любого правоприменительного акта либо другого процессуального документа невозможно без надлежащего осознания базовых задач соответствующей стадии уголовного судопроизводства, так сказать общей «среды их обитания». Обвинительное заключение не является исключением: его сущность и процессуальную роль возможно понять лишь в контексте общего предназначения стадии предварительного расследования.

Как известно, основное предназначение предварительного расследования сводится к обеспечению возможности формирования позиции государственного обвинения – уголовно-правовой претензии (своеобраз-

ного «уголовного иска»), впоследствии подлежащей рассмотрению и разрешению посредством правосудия, т. е. выступающей в качестве предмета судебного разбирательства по данному уголовному делу. Именно такой базовой целью и должны предопределяться любые действия и решения органов дознания и предварительного следствия; именно с ней надлежит связывать сущность и процессуальную роль обвинительного заключения как правоприменительного акта, завершающего одну из форм предварительного расследования. Еще советские авторы неоднократно писали об обвинительном заключении как об уголовно-процессуальном документе, определяющем объем, содержание и границы предстоящего разбирательства уголовного дела в первой инстанции [4; 5]. Эти же идеи поддерживаются и многими современными учеными [6–8]. Например, авторы [9] связывают сущность обвинительного заключения с основанным на совокупности имеющихся доказательств выводом о наличии материально-правовых и процессуальных оснований для привлечения человека к уголовной ответственности.

С одной стороны, подобные позиции следует признать совершенно справедливыми, полностью отвечающими смыслу и назначению предварительного расследования. С другой – они невольно вступают в доктринально-правовой диссонанс с присущим предварительному следствию институтом привлечения в качестве обвиняемого как самостоятельной юрисдикционной процедуры, и формально, и темпорально отграниченной от составления обвинительного заключения, тем более от его утверждения прокурором.

Ведь, исходя из смысла ст. 171 УПК РФ, привлечение в качестве обвиняемого надлежит расценивать как процессуальную реакцию следователя на убежденность в достаточности собранных доказательств для избличения человека в совершении некоего преступления (нескольких преступлений). Именно в постановлении о привлечении в качестве обвиняемого находит первоначальное отражение та самая «формула», формулировка обвинения, представляющая собой описание и предварительную квалификацию инкриминируемого лицу деяния, а иногда и наступивших общественно опасных последствий. Она и является готовой к разрешению посредством правосудия уголовно-правовой претензией, «уголовным иском», предметом предстоящего судебного разбирательства уголовного дела по существу, в частности подлежит устному изложению государственным обвинителем в начале судебного следствия (ч. 1 ст. 273 УПК РФ).

Поэтому представляется недопустимой распространенная в настоящее время практика формулирования и предъявления обусловленных противоречивостью уголовно-процессуального законодательства так называемых пилотных обвинений, не подкрепленных уверенностью следователя в доказанности события преступления, виновности лица и т. д., а сводящихся к натянутым, сомнительным позициям, т. е. не более чем к следственным версиям, выражаясь процессуальным языком – к подозрению определенного человека в причастности к преступной деятельности. Привлечение в качестве обвиняемого надлежит признавать следственной процедурой, завершающей собственно «расследовательскую» фазу предварительного следствия,

² Уголовный процесс / под ред. В.А. Лазаревой. М.: Юстиция, 2015. 656 с. С. 367.

являющейся логическим итогом всех проведенных по уголовному делу процессуально-познавательных, в первую очередь следственных, действий, и потому подлежащей осуществлению непосредственно в преддверии этапа составления обвинительного заключения, предусмотренного гл. 30–31 УПК РФ и выполняющего правообеспечительную и проверочную роли завершающей части досудебного производства.

Соотношение постановления о привлечении в качестве обвиняемого и обвинительного заключения

В какой момент производства предварительного следствия определяются объем, содержание и границы, т. е. формулируется предмет предстоящего разбирательства уголовного дела в первой инстанции: при вынесении постановления о привлечении в качестве обвиняемого или во время составления обвинительного заключения? Ведь, исходя из рассмотренных выше доктринальных подходов, подобный смысл придается обоим правоприменительным актам.

Для автора настоящей статьи ответ на данный вопрос представляется очевидным: предмет предстоящего судебного разбирательства уголовного дела, сводящийся к подлежащей разрешению посредством правосудия уголовно-правовой претензии («уголовному иску»), формулируется именно посредством вынесения постановления о привлечении в качестве обвиняемого – в противном случае как само постановление, так и вся предусмотренная гл. 23 УПК РФ процедура просто лишались бы всякого смысла и превращались в бессмысленные формальности, лишь обременяющие следственную практику, увеличивающие и без того чрезмерный объем процессуальных документов. Однако само существование подобной неясности явно не предрасполагает к надлежащему пониманию смысла соответствующих положений закона, что, в свою очередь, не может не сказываться на продуктивности и качестве предварительного следствия, на степени правовой защищенности подвергаемых уголовному преследованию лиц.

В настоящее время многие ученые-процессуалисты активно выступают за ликвидацию института привлечения в качестве обвиняемого как автономной следственной процедуры. В связи с этим предлагаются различные варианты реформирования предварительного следствия: от банального упрощения порядка выдвижения в отношении лица официального обвинения, т. е. до уподобления этого порядка алгоритму окончания дознания с обвинительным актом, до введения в систему досудебного производства еще одной стадии, сводящейся к деятельности прокурора по формированию и направлению в адрес обвиняемого собственной уголовно-правовой претензии. При этом существующие позиции обосновываются совершенно разными аргументами. В частности, прозападно настроенные авторы, апологеты европейских правовых ценностей, мотивируют подобные идеи одним лишь положительным опытом Германии и других стран, использующих немецкую модель предварительного расследования, в частности ряда известных постсоветских государств [10]. Другие специалисты аргументируют свои точки зрения более прагматичными доводами, например бессмысленностью дальнейшего сохранения процедуры привлечения в качестве обвиняемого ввиду появления бо-

лее надежных гарантий реализации права на защиту (в первую очередь возможности обеспечения защитника подозреваемому) [11; 12], целесообразностью передачи всех связанных с реализацией функции обвинения государственно-властных полномочий в ведение прокурора³ и т. д.

Вместе с тем данные позиции далеко не однозначны и требуют самого серьезного осмысления, в первую очередь на предмет возможности гармонизации со сложившейся за долгие годы национальной моделью предварительного расследования. Подобные оценки обусловлены не только общим стремлением к консерватизму уголовно-процессуальной формы, к сохранению устоявшихся, во многом отвечающих ментальности российского социума традиций уголовной юстиции и одновременно негативным отношением к преклонению перед зарубежными правилами предварительного расследования, тем более к их бездумному «импортированию» для использования в российской правоприменительной практике. Автор настоящей статьи вовсе не исключает вероятности дальнейшей ликвидации процедуры привлечения в качестве обвиняемого, однако считает такие преобразования явно преждевременными, не имеющими пока должной доктринальной основы, а высказываемые в их поддержку доводы – несостоятельными и высказываемыми без учета подлинных причин дифференциации следственного и дознавательского порядка выдвижения в отношении лица уголовно-правовой претензии. Ведь, несмотря на вызванное рядом факторов постепенное сближение и переплетение форм предварительного расследования, на инкрементальную административизацию предварительного следствия и как бы встречную процессуализацию дознания, они по-прежнему остаются обусловленными разной правовой природой и различным функциональным предназначением соответствующих органов и должностных лиц. В частности, дознание пока еще сохраняет свою исконную полицейскую природу – что по смыслу закона предполагает оперативную реакцию правоохранительных органов на сигнал о преступлении, спешное установление обстоятельств случившегося, быстрое выдвижение обвинения и направление дела в суд. Неудивительно, что подобному порядку свойственен сугубо полицейский механизм привлечения в качестве обвиняемого посредством вынесения обвинительного акта либо обвинительного постановления, т. е. документов, одновременно включающих и выдвигаемую в отношении лица уголовно-правовую претензию, и решение о направлении уголовного дела в суд.

Другое дело – это предварительное следствие, которому, невзирая на отнесение к компетенции внесудебных органов власти, на множество «изобретений» советской правовой доктрины, в том числе явно напоминающих административные формы и методы, все еще остается присуща свойственная классической французской («наполеоновской») модели досудебного производства

³ Баранов А.М., Наумов К.А. Проявление обвинения – исключительная функция прокурора // 20 лет действия уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: уроки и перспективы: тезисы докладов и сообщений международной научно-практической конференции. Омск: Омская академия МВД России, 2022. С. 11–14. EDN: [PTMLRI](https://doi.org/10.26907/2542-0402.2022.11-14).

судебно-следственная природа. В отличие от полицейского дознания, такая форма расследования традиционно предполагала и, несмотря ни на что, продолжает предполагать большую полноту, всесторонность и объективность познания, более полное и обстоятельное погружение субъекта-познавателя (следователя) во все обстоятельства и детали случившегося, во все нюансы, способные оказать влияние на предстоящее судебное решение. Именно поэтому обвиняемый наделяется комплексом не характерных для дознания правовых возможностей: а) предвзвешенно (еще до завершения досудебного производства и направления уголовного дела в суд) ознакомиться с содержанием выдвинутой в отношении него уголовно-правовой претензии; б) согласиться либо не согласиться с данной претензией; в) дать соответствующие объяснения (показания); г) заявить ходатайства о проведении новых процессуальных действий, направленных на опровержение или уточнение официальной позиции обвинения. Следователю же по смыслу закона предписывается проявлять особое внимание к подобным формам волеизъявления стороны защиты, а при необходимости – производить «дорасследование» имеющих значение для уголовного дела обстоятельств, могущее привести к осознанию слабых мест обвинительной позиции [13] и потребности ее корректировки в соответствии со ст. 175 УПК РФ.

Таким образом, предусмотренная законодательством РФ система уголовно-процессуального регулирования фактически предполагает двухэтапный механизм выдвижения в отношении лица уголовно-правовой претензии («уголовного иска»), т. е. определения предмета предстоящего судебного разбирательства данного уголовного дела по существу. Данный механизм заключается в формулировании обвинительного тезиса в постановлении о привлечении в качестве обвиняемого и последующем подтверждении, «засилении» этого тезиса в обвинительном заключении. А потребность реализации указанного механизма в повседневной правоприменительной практике детерминирует преимущественное использование органами предварительного следствия хорошо известной прикладной технологии, предполагающей дословное воспроизведение описательно-мотивировочной части постановления о привлечении в качестве обвиняемого (той самой «формулы» обвинения) в соответствующем разделе обвинительного заключения. Более того, периодически возникающие расхождения в содержании указанных документов, в том числе вызываемые невольно допускаемыми техническими погрешностями, зачастую обуславливают признание обвинительных заключений недоброкачественными и приводят к возвращению уголовного дела прокурором в орган предварительного следствия на основании п. 2 ч. 1 ст. 221 УПК РФ, а судом – прокурору на основании п. 1 и п. 6 ч. 1 ст. 237 УПК РФ. Данную практику поддерживает и Пленум Верховного Суда РФ – в известном постановлении от 5 марта 2004 г. № 1 «О применении судами норм Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» несоответствие «формулы», изложенных в обвинительном заключении и постановлении о привлечении в качестве обвиняемого, прямо рекомендуется считать нарушением закона,падающим под смысл ст. 237 УПК РФ.

Конечно, такая прикладная технология вовсе не является исключительной. В современной правоприменительной практике встречаются случаи, когда в обвинительное заключение невозможно дословно переписать «формулу» ранее предъявленного обвинения. В первую очередь к ним относятся случаи, связанные с частичным прекращением уголовного преследования с вынесением после предъявления обвинения так называемых «отсекающих» постановлений. В подобных ситуациях следователю не требуется выносить новое постановление о привлечении в качестве обвиняемого (ч. 2 ст. 175 УПК РФ), в связи с чем окончательная (уточненная) уголовно-правовая претензия (предмет будущего судебного разбирательства) формулируется, по крайней мере должна формулироваться, лишь один раз – в обвинительном заключении.

Вместе с тем указанные особенности никоим образом не опровергают общий вывод об обвинительном заключении как о правоприменительном акте, дублирующем ранее сформулированный «уголовный иск». Ведь, невзирая на растянутость процедуры выдвижения окончательного обвинения, которая предполагает внесение «отсекающих» коррективов в базовое постановление, именно совокупность этих процессуальных актов и выражает убежденность следователя в доказанности ряда обстоятельств, требующих уголовно-правовой оценки и последующей уголовной репрессии. В связи с этим позиции ученых, полагающих, что такая убежденность возникает лишь непосредственно перед составлением обвинительного заключения, видятся не вполне справедливыми [14; 15]. Представляется, что соответствующий раздел обвинительного заключения позволяет лишь сложить разбросанные по двум или нескольким документам фрагменты окончательной позиции обвинения в единое целое, т. е. привести их в надлежащий вид, перевести в удобную для должного уяснения прокурором, судом, обвиняемым, защитником и другими заинтересованными лицами словесную форму.

Правовое значение обвинительного заключения

Таким образом, ответ на поставленный выше вопрос о моменте формирования предмета предстоящего судебного разбирательства, о правоприменительном акте, устанавливающем объем, содержание и границы производства в суде первой инстанции, становится еще более очевидным. Эти задачи решаются посредством вынесения постановления о привлечении в качестве обвиняемого, тогда как обвинительное заключение лишь дублирует, повторяет, «засиливает» сформулированную ранее следственную позицию. Правовое значение данного процессуального документа начинает видеться несколько в ином – не столько в определении предмета предстоящего судебного разбирательства уголовного дела по существу, сколько в оформлении итогов предварительного следствия, в завершении всех правоотношений, складывающихся в ходе предварительного следствия, и одновременно в возникновении принципиально новых правоотношений, характерных для окончания досудебного производства.

Само существование выявленного в настоящей статье доктринально-правового диссонанса и обусловленных им практических трудностей представляется след-

ствием не вполне разумной правотворческой политики, присущей развитию советской и постсоветской уголовной юстиции. Ведь предусмотренный действовавшим до революции Уставом уголовного судопроизводства Российской империи (УУС) порядок предварительного следствия не предполагал ни вынесения постановления о привлечении в качестве обвиняемого, ни обязанности составления и утверждения прокурором обвинительного заключения. Ввиду более жесткого разграничения процессуальных функций выполнение задачи по письменному оформлению позиции государственного обвинения возлагалось на прокурора, осуществляющего проверку материалов оконченного производством предварительного следствия. Так, в случае положительной оценки результатов работы судебного следователя и уверенности в необходимости передачи уголовного дела в суд, прокурору предписывалось составить собственное заключение в форме обвинительного акта, указав в нем сведения о событии, содержащем признаки преступления, установленные сведения о его времени и месте, данные об обвиняемом, обвинительные доказательства и улики, а также уголовно-правовую оценку (квалификацию) содеянного (ст. 520 УУС).

Советский законодатель сразу же возложил эти полномочия на следственный аппарат, одновременно затеяв формализацию механизмов их реализации. Подобные положения можно найти даже в самом первом Уголовно-процессуальном кодексе РСФСР (УПК РСФСР) 1922 г. Так, при наличии достаточных данных, дающих основание для предъявления обвинения в совершении преступления, следователю надлежало выносить мотивированное постановление, указывая в этом акте данные об обвиняемом, установленные обстоятельства преступления и основания для привлечения к уголовной ответственности (ч. 1 ст. 131, ст. 132 УПК РСФСР 1922 г.). Ему же (следователю) по завершении предварительного следствия поручалось составление обвинительного заключения, включая изложение установленных обстоятельств произошедшего, доказательств, подтверждающих позицию обвинения, и уголовно-правовую квалификацию инкриминируемого лицу преступления (ст. 214 УПК РСФСР 1922 г.).

Проведенная на рубеже 1950–1960-х гг. реформа советского уголовно-процессуального законодательства стала очередным шагом, направленным на усиление формализации данных механизмов. Именно Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР 1960 г. предопределил возникновение используемого по сегодняшний день рассмотренного выше прикладного подхода, состоящего в дословном воспроизведении описательно-мотивировочной части постановления о привлечении в качестве обвиняемого в соответствующем разделе обвинительного заключения. Например, автору настоящей статьи, успевшему поработать в органах предварительного следствия в период действия УПК РСФСР 1960 г., вспоминаются постоянные упреки начальства и прокуратуры по поводу технических «несостыковок» в данных документах, преимущественно вызванных необходимостью их изготовления в «ручном» режиме – посредством пишущей машинки.

В настоящее время достаточно сложно сказать, чем конкретно руководствовался раннесоветский законодатель, когда изымал полномочия по письменному изло-

жению выдвинутой в отношении обвиняемого уголовно-правовой претензии и составлению обвинительного заключения из компетенции прокурора и передавал их следователю. Проект первого советского Уголовно-процессуального кодекса был подготовлен в очень сжатые сроки, а созданная в этих целях комиссия не оставила после себя практически никаких следов [16]. Намного проще объяснить стремление советского законодателя к усилению формализации механизмов осуществления подобных полномочий – оно стало следствием возникших после революции и существующих до сих пор общих правотворческих тенденций, направленных на постепенное превращение процессуального закона в чиновничью инструкцию, в административный регламент [17], в «памятку» для безграмотных правоприменителей. Однако в контексте предмета настоящей статьи все эти обстоятельства не так уж и важны. Гораздо важнее другое – давно назревшая потребность изменения отношения к обвинительному заключению как к следственному акту, устанавливающему объем, содержание и границы производства в суде первой инстанции.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Правовое (процессуальное) значение обвинительного заключения надлежит сводить не к определению объема, содержания и границ, т. е. к формулированию предмета предстоящего разбирательства уголовного дела в суде первой инстанции, а лишь к подведению итогов предварительного следствия и окончательному признанию его результатов пригодными для судебного рассмотрения по существу, а также к определению момента формального завершения предварительного следствия и прекращению всех правоотношений, свойственных данному этапу уголовно-процессуальной деятельности.

Одновременно обвинительное заключение следует считать своеобразным поводом для возбуждения судебного производства, а его представление вместе с уголовным делом в суд – юридическим фактом для возникновения принципиально новых правоотношений, составляющих содержание подготовки к судебному заседанию. Попутно обвинительное заключение надлежит признавать правоприменительным актом, играющим важную правообеспечительную роль, позволяющим невластным участникам уголовного судопроизводства распознать позицию обвинения и оценить ее состоятельность в качестве предмета предстоящего судебного спора, на основании чего спланировать свое дальнейшее поведение, постараться спрогнозировать результаты заявления тех или иных ходатайств и т. д., т. е. способствующим обеспечению обвиняемому (его защитнику и законному представителю) права на защиту, а прочим заинтересованным участникам – права на доступ к правосудию.

В заключение следует обратить внимание, что сделанные автором выводы невольно заставляют задуматься о целесообразности существующей формы обвинительного заключения, о необходимости сохранения всех присущих ему атрибутов. Эти проблемы предполагается рассмотреть в последующих публикациях.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Курс уголовного процесса / под ред. Л.В. Головки. М.: Статут, 2016. 1276 с.
2. Миньковский Г.М. Окончание предварительного расследования и право обвиняемого на защиту. М.: Госюриздат, 1957. 211 с.
3. Якубович Н.А. Окончание предварительного следствия. М.: Юридическая литература, 1962. 147 с.
4. Жогин Н.В., Фаткуллин Ф.Н. Предварительное следствие в советском уголовном процессе. М.: Юридическая литература, 1965. 367 с.
5. Строгович М.С. Курс советского уголовного процесса. Т. 2. М.: Наука, 1970. 516 с.
6. Статкус В.Ф. Следователь по особо важным делам. М.: Интеркрим-пресс, 2007. 446 с.
7. Гаврилов Б.Я., Ильюхов А.А., Новиков А.М., Османова Н.В. Досудебное производство в уголовном процессе. М.: ЮНИТИ, 2015. 224 с.
8. Андриенко Ю.А. Значение и пути оптимизации института составления обвинительного заключения // Вестник Барнаульского юридического института МВД России. 2019. № 1. С. 108–111. EDN: [HBVSRH](#).
9. Артамонов А.Н., Сидельников П.В. Окончание предварительного расследования. Омск: Омская академия МВД России, 2016. 140 с.
10. Ковтун Н.Н. Формирование государственного обвинения как самостоятельная стадия уголовного судопроизводства России // Журнал российского права. 2019. № 9. С. 123–137. DOI: [10.12737/jrl.2019.9.10](#).
11. Гаврилов Б.Я. Современные проблемы досудебного производства и меры по их разрешению // Российский следователь. 2013. № 21. С. 5–11. EDN: [RFLUWJ](#).
12. Гаврилов Б.Я. XX лет российскому уголовно-процессуальному закону: соответствует ли он научным воззрениям и требованиям правоприменителя // Законы России: опыт, анализ, практика. 2021. № 6. С. 7–14. EDN: [XUIBWU](#).
13. Стельмах В.Ю. Некоторые проблемы нормативной регламентации дознания // Российская юстиция. 2019. № 4. С. 58–60. EDN: [VXFBOK](#).
14. Попова И.П. Процессуальное значение обвинительного заключения // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2020. № 1. С. 137–149. EDN: [NAHBGU](#).
15. Бобров В.К. Обеспечение прав участников уголовного судопроизводства при окончании предварительного следствия с обвинительным заключением // Вестник Московского университета МВД России. 2023. № 3. С. 32–39. DOI: [10.24412/2073-0454-2023-3-32-39](#).
16. УПК РСФСР 1922 года – первый советский процессуальный Кодекс (к 100-летию со дня принятия) / под ред. А.И. Чучаева. М.: Институт государства и права РАН, 2023. 216 с.
17. Победкин А.В. Уголовно-процессуальный кодекс: форма живого права или «бездушная» инструкция // Библиотека криминалиста. Научный журнал. 2017. № 3. С. 101–111. EDN: [YQEQPJ](#).

REFERENCES

1. Golovko L.V., ed. *Kurs ugolovnogo protsessa* [Course of criminal procedure]. Moscow, Statut Publ., 2016. 1276 p.
2. Minkovskiy G.M. *Okonchanie predvaritelnogo rassledovaniya i pravo obvinyaemogo na zashchitu* [Pre-trial investigation completion and the benefit of counsel]. Moscow, Gosyurizdat Publ., 1957. 211 p.
3. Yakubovich N.A. *Okonchanie predvaritelnogo sledstviya* [Pre-trial investigation completion]. Moscow, Yuridicheskaya literatura Publ., 1962. 147 p.
4. Zhogin N.V., Fatkullin F.N. *Predvaritelnoe sledstvie v sovetskom ugolovnom protsesse* [Preliminary investigation in the Soviet criminal trial]. Moscow, Yuridicheskaya literatura Publ., 1965. 367 p.
5. Strogovich M.S. *Kurs sovetskogo ugolovnogo protsessa* [Course of Soviet criminal procedure]. Moscow, Nauka Publ., 1970. Vol. 2, 516 p.
6. Statkus V.F. *Sledovatel po osobo vazhnym delam* [Major case investigator]. Moscow, Interkrim-press Publ., 2007. 446 p.
7. Gavrilov B.Ya., Ilyukhov A.A., Novikov A.M., Osmanova N.V. *Dosudebnoe proizvodstvo v ugolovnom protsesse* [Pre-Trial Proceedings in a Criminal Procedure]. Moscow, YuNITI Publ., 2015. 224 p.
8. Andrienko Yu.A. The Significance and ways to optimize the Institute of drawing up an indictment. *Vestnik Barnaulskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii*, 2019, no. 1, pp. 108–111. EDN: [HBVSRH](#).
9. Artamonov A.N., Sidelnikov P.V. *Okonchanie predvaritelnogo rassledovaniya* [Preliminary investigation completion]. Omsk, Omskaya akademiya MVD Rossii Publ., 2016. 140 p.
10. Kovtun N.N. Formation of public prosecution as an independent stage of criminal proceedings in Russia. *Zhurnal rossiyskogo prava*, 2019, no. 9, pp. 123–137. DOI: [10.12737/jrl.2019.9.10](#).
11. Gavrilov B.Ya. Modern problems of pre-judicial production and measure for their permission. *Rossiyskiy sledovatel*, 2013, no. 21, pp. 5–11. EDN: [RFLUWJ](#).
12. Gavrilov B.Ya. XX years of the Russian criminal procedure law: whether it meets the scientific views and requirements of the law enforcement officer. *Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika*, 2021, no. 6, pp. 7–14. EDN: [XUIBWU](#).
13. Stelmakh V.Yu. Some problems of normative regulation of inquiry. *Rossiyskaya yustitsiya*, 2019, no. 4, pp. 58–60. EDN: [VXFBOK](#).
14. Popova I.P. Procedural significance of the indictment. *Vestnik Vostochno-Sibirskogo instituta MVD Rossii*, 2020, no. 1, pp. 137–149. EDN: [NAHBGU](#).
15. Bobrov V.K. Ensuring the rights of participants in criminal proceedings at the end of the preliminary investigation with an indictment. *Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii*, 2023, no. 3, pp. 32–39. DOI: [10.24412/2073-0454-2023-3-32-39](#).
16. Chuchayeva A.I., ed. *UPK RSFSR 1922 goda – pervyy sovetskiy protsessualnyy Kodeks (k 100-letiyu so dnya prinyatiya)* [RSFSR Criminal Procedure Code of 1922 is the first Soviet procedural Code (on the 100th anniversary of adoption)]. Moscow, Institut gosudarstva i prava RAN Publ., 2023. 216 p.
17. Pobedkin A.V. Criminal procedural code: a form of live law or a “soul-less” instruction. *Biblioteka kriminalista. Nauchnyy zhurnal*, 2017, no. 3, pp. 101–111. EDN: [YQEQPJ](#).

Indictment: procedural purpose

© 2023

Sergey B. Rossinskiy, Doctor of Sciences (Law), Associate Professor,
Chief Researcher of the Criminal Law, Criminal Procedure, and Criminology Sector
Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Moscow (Russia)

E-mail: s.rossinskiy@gmail.com

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3862-3188>

Abstract: The paper analyzes the problems of the procedural purpose of the indictment as a law enforcement act that completes the pre-trial investigation of a criminal case. The relevance of the study is caused by the duplication of the role of the indictment and the decision on indictment as a defendant, which arises from the system of procedural legislation and the common investigative practice, in terms of establishing the scope, content, and boundaries, in other words, determining the subject of the upcoming criminal trial at first instance. Based on the traditional for national criminal justice concept of retaining the institute of indictment as a defendant, the author substantiates the thesis about the misunderstanding of the indictment as a document determining the content and parameters of a criminal complaint made against an accused. The paper clarifies that during the pre-trial investigation, such a role can only belong to the decision on indictment as a defendant. The author analyzes the reasons influenced the emergence of the identified doctrinal-legal dissonance that are associated with the not quite reasonable law-making policy typical for the development of Soviet and post-Soviet criminal justice. The author proposes to reduce the procedural significance of the indictment not to the formulation of the subject of the upcoming criminal trial at first instance, but only to summarizing the results of the pre-trial investigation and the final recognition of its results appropriate for legal proceedings on merits, as well as to determining the moment of formal completion of pre-trial proceedings and the termination of all legal relations inherent in this criminal procedure stage. It is proposed to consider the indictment a reason (legal fact) for the commencement of judicial proceedings. Moreover, the author mentions other purposes of the indictment – law enforcement and organizational and technical.

Keywords: accusation; indictment; completion of pre-trial investigation; pre-trial investigation; subject of criminal trial; indictment as a defendant; criminal complaint.

For citation: Rossinskiy S.B. Indictment: procedural purpose. *Vektor nauki Tolyattinskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Yuridicheskie nauki*, 2023, no. 3, pp. 35–41. DOI: 10.18323/2220-7457-2023-3-35-41.

Занятие высшего положения в преступной иерархии: типовые тактические операции в расследовании

© 2023

Юношев Станислав Викторович^{1,3}, кандидат юридических наук, доцент,
заведующий кафедрой «Уголовное право и процесс»

Моисеев Александр Михайлович^{1,2,4}, доктор юридических наук, профессор,
профессор кафедры «Уголовное право и процесс», заведующий кафедрой криминалистики

Кондратюк Сергей Викторович^{*1,5}, кандидат юридических наук,
доцент кафедры «Уголовное право и процесс»

¹Тольяттинский государственный университет, Тольятти (Россия)

²Донбасский государственный университет юстиции, Донецк (Россия)

*E-mail: kondratyuk.serzh@mail.ru

³ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3537-7460>

⁴ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2840-6083>

⁵ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7272-5359>

Аннотация: Рассмотрено применение типовых тактических операций в расследовании занятия высшего положения в преступной иерархии. Они представлены как элемент криминалистической методики расследования указанных преступлений. Позитивный эффект от их применения в расследовании обусловлен информационно-познавательным подходом к моделированию криминалистической методики. Проведено разграничение типовых тактических операций и процедур по собиранию и оценке доказательств. Типовые тактические операции адаптируются к складывающимся следственным ситуациям и объединяют наиболее подходящие следственные действия и оперативно-розыскные мероприятия, рекомендованные наукой об оперативно-розыскной деятельности. Необходимость разработки типовых тактических операций подтверждена примерами из следственной практики. В практическом аспекте затронуты вопросы оптимизации расследования по информационному критерию достоверности и полноты получаемых доказательств. Применительно к расследованию занятия высшего положения в преступной иерархии предложены типовые тактические операции по задержанию подозреваемого и других причастных к преступлению лиц, по преодолению противодействия расследованию, по осуществлению следственной профилактики и другим направлениям расследования. Разработаны типовые тактические операции, направленные на обнаружение и фиксацию источников доказательственной информации. Учтены такие негативные факторы, как отказ свидетелей от ранее представленных показаний, задействие подозреваемым своих связей, сокрытие и уничтожение признаков занятия подозреваемым высшего положения в преступной иерархии и др. Показана эффективность назначаемых при этом судебных экспертиз, таких как судебная криминологическая, судебная психологическая, документоведческая и др. Предложены тактико-криминалистические меры по установлению обстоятельств профилактического характера в ходе расследования занятия высшего положения в преступной иерархии.

Ключевые слова: занятие высшего положения в преступной иерархии; типовые тактические операции; криминалистика; методика расследования преступлений; следственные действия; оперативно-розыскные мероприятия.

Для цитирования: Юношев С.В., Моисеев А.М., Кондратюк С.В. Занятие высшего положения в преступной иерархии: типовые тактические операции в расследовании. Серия: Юридические науки. 2023. № 3. С. 42–51. DOI: 10.18323/2220-7457-2023-3-42-51.

ВВЕДЕНИЕ

Типовые тактические операции наряду с типичными следственными и процессуальными действиями входят в структуру частной криминалистической методики расследования занятия высшего положения в преступной иерархии. Общей задачей расследования преступлений данного вида авторы называют установление структуры и содержания преступной иерархии, сложившейся в преступном сообществе (организации), в руководящий состав которого входит подозреваемый. Выделен примерный перечень локальных (тактических) задач, объединенных общей стратегической целью. Типичные следственные действия направлены на решение стратегической задачи расследования, а типовые тактические операции – на решение локальных (тактических) задач. Каждая тактическая операция включает рекомендуемый оптимальный набор процессуальных дей-

ствий и оперативно-розыскных мероприятий, обеспечивающих эффективное достижение локальных (тактических) целей расследования. Современные представления о криминалистической методике как информационно-познавательной модели предполагают наличие типовых элементов, к которым относятся типичные следственные ситуации и типовые следственные версии. Указанные элементы криминалистической методики определяют результативность расследования преступлений различных видов.

Содержательное рассмотрение понятий «тактическая операция» и смежных с ним в последние годы стало предметом пристального внимания ученых-криминалистов. Прежде всего подвергались осмыслению теоретические вопросы, связанные с изучением содержания данного понятия и отграничения его от смежных понятий [1–3]. В развитие разработанных теоретических положений в литературе исследовался

предмет отдельных тактических операций и их отдельных элементов, таких как тактическая операция «поиск» [4], тактическая операция «проверка детализации телефонных переговоров» [5], задержание [6], допрос [7]. Однако в указанных исследованиях конкретные тактические операции рассмотрены без привязки к расследованию тех или иных конкретных составов преступлений. В последние годы появились работы, рассматривающие специфику осуществления и оценку эффективности тех или иных тактических операций применительно к отдельным видам преступлений [8–10]. Вместе с тем в научной литературе на сегодняшний день полностью отсутствует разработка типовых тактических операций, применимых в расследовании такого сложного в доказывании состава преступления, как занятие высшего положения в преступной иерархии (ст. 210.1 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ)), несмотря на то что органы расследования и суды все чаще применяют данную норму [11]. Тактико-криминалистические вопросы применительно к этому составу преступления остаются остро дискуссионными в науке криминалистике и следственной практике [12]. Таким образом, отмечается назревшая необходимость рассмотрения данного вопроса и разработки научно обоснованных комплексов типовых тактических операций для данного вида преступления.

Цель исследования – разработка типовых тактических операций, применимых в расследовании занятия высшего положения в преступной иерархии.

МЕТОДИКА ПРОВЕДЕНИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ

Исследование проводилось в следующем порядке: было определено понятие типовой тактической операции и уточнено его содержание; установлено соотношение общей и локальных (тактических) задач расследования занятия высшего положения в преступной иерархии; исследована взаимосвязь между типичными следственными ситуациями и типовыми тактическими операциями; обоснован выбор наиболее подходящих следственных и процессуальных действий, тактических приемов, оперативно-розыскных мероприятий применительно к типичным ситуациям расследования преступлений указанного вида.

Применялись как общие, так и специальные юридические методы исследования. Так, общенаучный (диалектический) метод позволил исследовать типовые тактические операции во взаимосвязях – пространственных и временных, – образуемых совершением указанного преступления. Логическими методами исследованы составляющие типовых тактических операций в структуре частной криминалистической методики. Анализу подвергнуты общетеоретические положения о тактических операциях, а также научные определения их понятия. Определены логические связи между типовыми следственными ситуациями и типичными следственными и процессуальными действиями. Системно-структурный метод и метод ситуационного моделирования применялись при разработке системы типовых тактических операций в расследовании занятия высшего положения в преступной иерархии. Изучение нормативных правовых требований осуществлялось с использованием формально-юридического метода. При исследовании

примеров из следственной практики применялся казуально-прагматический метод (кейс-метод). Для разработки практических рекомендаций применялся метод аналогии.

Эмпирическую базу проведенного исследования составили материалы следственной и судебной практики по уголовным делам, связанным с занятием высшего положения в преступной иерархии: восемь приговоров судов за 2021–2022 гг., а также материалы четырех уголовных дел, представленных авторам для производства ими судебно-криминологической экспертизы.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Понятие следственной ситуации

Статусные лидеры преступной иерархии захватывают влияние в криминализованном социуме, выполняя при этом идеологическую, организационную, распорядительную, судебную и карательную функции [13]. Становится очевидным, что преступная иерархия представляет угрозу национальной безопасности Российской Федерации. Проблематика расследования занятия высшего положения в преступной иерархии охватывает вопросы криминалистической техники, тактики и методики.

Следовая картина данного преступления представлена в основном идеальными следами. Механизм следообразования характеризуется действием ряда негативных факторов. К наиболее существенным из них можно отнести те, которые связаны с социально-психологическим воздействием преступного иерарха на участников преступного сообщества и иных лиц, попавших под его влияние. Действительно, социальная роль статусного преступного лидера сводится к продвижению криминальной субкультуры в массы [14]. Одним своим существованием статусный лидер оказывает искажающее воздействие на мировоззренческие и психологические характеристики окружающих. Воздействие преступной иерархии на психологическое состояние общества отображается в информационных следах. Поэтому при установлении степени социальной опасности занятия высшего положения в преступной иерархии следует учитывать моральный вред психическому здоровью лиц, вовлеченных в сферу влияния преступного иерарха. Как нам представляется, при разработке эффективных тактических средств, применяемых при расследовании преступлений указанного вида, необходимо принимать во внимание морально-психологические характеристики складывающейся следовой картины преступления. Причиненный окружающим моральный вред подлежит нейтрализации путем психологической помощи лицам, претерпевшим влияние со стороны преступного иерарха.

В криминалистической науке при построении частной методики расследования считается обязательным учитывать типичные следственные ситуации. Они могут различаться в зависимости от полноты следовой картины и объема доказательственной информации. Так, если комплекс информативных следов составляют достоверные и полные показания лица, явившегося с повинной, то сложившуюся ситуацию можно считать в целом благоприятной для следствия. Следственные

и процессуальные действия, а также оперативно-розыскные мероприятия могут приобретать проверочный характер. Например, к таковым можно отнести установление наблюдения за определенными лицами и объектами, истребование видеозаписей, полученных средствами наружного наблюдения, отобрание объяснений и т. п. Тактические операции подобного содержания можно проводить и при поступлении сообщений, заявлений и писем граждан и должностных лиц.

В иных условиях полноты следовой картины и объема доказательственной информации следственная ситуация может характеризоваться отсутствием достаточного объема данных о факте и условиях занятия лицом высшего положения в преступной иерархии. Не раскрыты текущие действия преступного иерарха по выполнению им статусных функций. Очевидно, что к типовым тактическим операциям в подобных случаях можно отнести розыск и задержание подозреваемого, установление приобретенного им преступного статуса.

Во всех случаях расследование необходимо направлять на установление структуры и содержания преступной иерархии, сложившейся в преступном сообществе (организации), в руководящий состав которого входит подозреваемый. Эту задачу можно считать общей, т. е. стратегической для всего расследования. Таким образом, процесс расследования можно представить как последовательность решения локальных (тактических) задач, объединенных общей стратегической целью.

Типовые тактические операции

Разработчики типовых тактических операций выделяют различные признаки этой криминалистической категории. Отдельные авторы акцентируют внимание на признаках системы следственных, оперативно-розыскных, ревизионных и иных действий [10]. По их мнению, тактическая операция представляет собой комплекс действий, выполняемых по единому плану для решения общей задачи расследования. Другие ученые представляют тактическую операцию как комплекс следственных, оперативно-розыскных, организационно-подготовительных и иных действий. Многие криминалисты справедливо подчеркивают системность таких комплексов, их регламентацию уголовно-процессуальным законом [15]. В процессе решения локальных (тактических) задач расследования акцентируется взаимозависимость следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий, входящих в состав тактической операции. Общеизвестным положением можно назвать и то, что тактические операции применимы в конкретных следственных ситуациях, запланированы и выполняются под руководством следователя.

Нами изучены материалы уголовных дел, которые в настоящее время расследуются и касаются лиц, подозреваемых в занятии ими высшего положения в преступной иерархии (ст. 210.1 УК РФ). Как показывает следственная практика, возникающие при расследовании преступлений указанного вида следственные ситуации характеризуются высокой степенью вариативности. Поэтому трудности построения методики расследования указанного преступления связаны с разработкой именно типовых тактических операций. При этом следственные действия, тактические приемы и опера-

тивно-розыскные мероприятия, входящие в типовые тактические операции, должны соответствовать складывающимся следственным ситуациям и отвечать критерию эффективности.

Следует отметить, что следователь во многих типичных ситуациях расследования оперирует в основном косвенными доказательствами, что также свидетельствует о необходимости разработки системы типовых тактических операций [16].

По нашему мнению, в структуре криминалистической методики должны сочетаться системы следственных действий и типовых тактических операций. Каждая из указанных криминалистических категорий приобретает собственное функциональное назначение. Так, если система следственных действий направлена на решение общих стратегических задач расследования, то тактические операции предназначены для решения задач локального (тактического) уровня.

Анализ применения тактических операций

Выделяя в структуре криминалистической методики два элемента – систему следственных действий и набор типовых тактических операций, – мы исходим из того, что предварительное расследование предполагает необходимость решения задач различных уровней обобщения. Так, по объему решаемые задачи в криминалистике распределяются на общие (стратегические) и локальные (тактические). Стратегические задачи вытекают из предмета доказывания отдельного вида преступлений. Решение общих (стратегических) задач ориентировано на достижение правовой цели, поэтому они в меньшей степени подвержены воздействию ситуационных факторов. При этом локальные (тактические) задачи характеризуются ситуационной обусловленностью.

Приведенное распределение задач расследования поддержано многими отечественными криминалистами. Так, к общим (стратегическим) задачам относят: установление личности подозреваемого; выявление круга лиц, среди которых следует искать неизвестного преступника; розыск и задержание подозреваемого; сбор и использование необходимых фактических данных; установление связей подозреваемого с другими участниками преступного сообщества; обнаружение скрытого имущества и ценностей, необходимых для возмещения причиненного преступлением ущерба; выполнение профилактических мероприятий в ходе расследования [17].

По мнению современных авторов, применение тактических операций для решения локальных (тактических) задач позволяет оптимизировать расследование по критерию минимизации затрат временных и материальных ресурсов [18]. Соответственно, построение типовых тактических операций в расследовании преступления указанного вида может опираться на характерные признаки способа его совершения. Исходя из этого, сущность типовой тактической операции необходимо рассматривать в единстве с локальными (тактическими) задачами расследования занятия высшего положения в преступной иерархии.

Обратимся к содержанию локальных (тактических) задач расследования. В криминалистической литературе предлагались различные их определения [3]. Одни авторы рассматривают такие задачи как отдельное

задание на пути решения общей (стратегической) задачи расследования [19]. По их мнению, локальные (тактические) задачи связаны с применением соответствующих криминалистических средств и приемов. Другие авторы под локальными (тактическими) задачами понимают определенную проблему, которая требует своего решения в процессе расследования [20]. Такая задача имеет обособленный характер, предусматривает использование различных следственных действий, оперативно-розыскных мероприятий, тактических комбинаций и других приемов. Локальную (тактическую) задачу современные криминалисты определяют как элемент методики расследования [2]. Такая формулировка отображает соотношение между задачами расследования и конкретными его целями. В этом случае элементом локальной (тактической) задачи расследования становится конкретная цель расследования. Конкретизация задачи и ее целей осуществляется в рамках сложившейся следственной ситуации. Тогда в структуре локальной (тактической) задачи кроме конкретной цели указываются и пути ее достижения, что в конечном итоге служит стратегической задаче установления виновного лица. Конкретной цели расследования подчинен ряд локальных (тактических) задач. Средствами решения указанных задач могут служить типовые тактические операции. Мы поддерживаем такую системную трактовку понятия типовой тактической операции.

Изложенное понимание типовых тактических операций было применено нами к расследованию занятия высшего положения в преступной иерархии. Признаки способа совершения данного преступления были распределены на группы: 1) функциональные признаки – выполнение лицом организационно-распорядительной, нормативной, судебной, карательной функций; 2) статусные признаки – присвоение лицу, в соответствии с традициями и правилами криминальной субкультуры, статуса вора в законе, положенца, смотрящего и др.; 3) атрибутивные признаки – наличие клички, татуировок, аксессуаров и т. п. В ходе расследования все эти признаки подлежат установлению и процессуальной фиксации. Соответственно, типовые тактические операции будут направлены на установление указанных признаков или их групп.

Можно заметить, что в расследовании занятия высшего положения в преступной иерархии следствие сталкивается с существенным противодействием. Как показывает следственная практика, в данном случае оно производится в информационной среде путем искажения информации, имеющей доказательственное значение [21]. Так, доказательственная информация, получаемая в результате производства отдельных следственных действий, оказывается неполной и противоречивой, а ее источники недостоверными. В расследовании преступлений указанного вида основными источниками доказательственной информации становятся показания свидетелей, поэтому типичной можно назвать ситуацию изменения свидетельских показаний.

Например, как следует из материалов уголовного дела, возбужденного по подозрению в занятии высшего положения в преступной иерархии гражданином Х., были получены первоначальные показания от лиц, отбывающих заключение вместе с подозреваемым. Первоначальные свидетельские показания содержали до-

статочно полную информацию о преступном статусе гражданина Х., о присвоении ему статуса смотрящего от имени вора в законе, о других фактах, подтверждающих статусное положение указанного лица в преступной иерархии. Однако в последующем большинство свидетелей отказались от ранее данных ими показаний.

В расследовании другого уголовного дела источниками доказательственной информации были указания и распоряжения, которые статусный лидер, положенец, давал своим помощникам по выполнению карательной функции. Однако в переговорах с участием подозреваемого его распоряжения и приказания были облечены им в форму просьб и рекомендаций. Из стенограммы переговоров, зафиксированных в ходе проведения оперативно-розыскных мероприятий, невозможно было интерпретировать имеющиеся в них фразы побудительного содержания как распоряжения и приказания. В этом случае была проведена судебная лингвистическая экспертиза по материалам процессуально оформленных вербальных доказательств. Согласно ее выводам, имеющиеся в стенограммах фразы однозначно интерпретируются как указания, обязательные к исполнению. Между тем в дальнейшем данный информационный носитель подвергся исследованию другими специалистами в области лингвистики, которые представили заключение специалиста с противоположным выводом. Заметим, что в судебном заседании, если не удастся устранить противоречия между такими выводами, суд принимает решение в пользу подсудимого.

Еще в одном уголовном деле, расследуемом в отношении лица, подозреваемого в занятии им высшего положения в преступной иерархии, следствию пока не удалось установить, какой конкретно преступный статус был присвоен подозреваемому. Он же в своих показаниях утверждал о шутовском и игровом характере обращений к нему как к статусному лидеру преступного сообщества.

Обобщая приведенные примеры, стоит сказать о проблемах расследования занятия высшего положения в преступной иерархии, сводящихся к недостоверности получаемой доказательственной информации. Поэтому важно разработать типовые тактические операции, направленные на получение достоверных, полных и точных сведений о способе совершения данного преступления и сопутствующих ему обстоятельствах.

Производство расследования занятия высшего положения в преступной иерархии встречается с трудностями, связанными с групповым характером данного преступления. Такой его характер проявляется в том, что статусные лидеры преступного сообщества, причастные к занятию подозреваемым лицом высшего положения в преступной иерархии, находят коррумпированную поддержку в среде чиновников, работников правоохранительных и судебных органов. Учитывая значительное влияние преступной иерархии на современное общество, можно говорить о внедрении ее в сферу государственного управления.

Материальной основой таких связей служат фонды общака (воровской казны), которыми распоряжаются статусные лидеры преступного сообщества. В таких условиях рекомендуем следователю выявлять все эпизоды занятия высшего положения в преступной иерархии, соучастников данного преступления, а также обеспечить арест материальных средств воровского общака.

Для разработки типовых тактических операций применительно к расследованию занятия высшего положения в преступной иерархии применялся метод аналогии. Акцентировалось внимание на недостаточную разработанность типовых тактических операций в расследовании преступлений данного вида. Между тем в литературе уже разработаны типовые тактические операции, доказавшие свою эффективность в расследовании отдельных видов преступлений, совершаемых организованными преступными сообществами [22]. Полагаем, что указанные тактические операции могут применяться в расследовании занятия высшего положения в преступной иерархии.

Так, отдельные авторы, рассматривая криминалистическую методику расследования легализации (отмывания) доходов, полученных преступным путем, формируют такие тактические операции, как «разоблачение преступника», «сбор доказательственной информации» [23]. Другие авторы в аналогичных ситуациях рассматривают тактическую операцию «собрание, исследование и оценка косвенных доказательств причастности лица к преступлению» [24]. По нашему мнению, приведенные примеры организационных форм расследования нельзя отнести к разряду типовых тактических операций. Нам представляется, что в данных примерах наблюдается преувеличение значимости данной тактико-криминалистической категории. В приведенных примерах авторы закрепляют за ней несвойственные функции, в то время как она только описывает порядок решения локальной (тактической) задачи расследования, а ожидаемый результат достигается правильной организацией всего расследования. В связи с этим такая задача, как разоблачение преступника, а тем более задача сбора доказательственной информации не может быть отнесена к разряду локальных (тактических). Их следует считать задачами стратегическими. Соответственно, собрание и оценку доказательств нельзя относить к тактическим операциям.

ОБСУЖДЕНИЕ РЕЗУЛЬТАТОВ

В криминалистической методике расследования преступлений организованного характера предлагается проводить такие типовые тактические операции, как «задержание», «изъятие документов», «обнаружение группы», «поиск». Применительно к расследованию преступлений рассматриваемого вида предлагаем дополнить этот перечень следующими тактическими операциями: «установление статуса субъекта преступления», «установление условий совершения преступления», «нейтрализация ненасильственного давления на свидетелей». Рассмотрим некоторые из указанных типовых тактических операций.

По делам рассматриваемой категории значение для успешного расследования приобретают локальные (тактические) задачи, связанные с задержанием подозреваемого. Поэтому типовая тактическая операция «задержание» может иметь несколько разновидностей: задержание преступного иерарха, задержание кандидата в статусные преступные лидеры, задержание участников воровской сходки, задержание преступного иерарха через некоторое время после приобретения им высшего преступного статуса.

В типовую тактическую операцию «задержание преступного иерарха на месте проведения воровской сходки в условиях контролируемого оперативного наблюдения за процессом присвоения преступного статуса» предлагаем включить следующие действия:

- подготовительные мероприятия, направленные на фиксацию обстоятельств подготовки и проведения воровской сходки, индивидуализацию статусных участников воровской сходки и лиц обеспечивающего персонала. По результатам скрытого наблюдения производится определение состава следственно-оперативной группы и инструктаж сотрудников, производящих задержание;
- задержание преступного иерарха на месте проведения воровской сходки или неподалеку от него;
- осмотр места проведения воровской сходки;
- личный обыск преступного иерарха и его освидетельствование;
- допрос задержанного;
- допрос свидетелей.

Типовая тактическая операция «задержание кандидата на присвоение ему высшего преступного статуса в преступной иерархии». Данное задержание рекомендуем проводить после тщательной подготовки и отработки вопросов взаимодействия следователя с сотрудниками оперативно-розыскных подразделений. В такую операцию предлагаем включить:

- оперативно-розыскные мероприятия по установлению и фиксации техническими средствами обстоятельств подготовки к проведению воровской сходки и оповещения статусных лидеров – участников воровской сходки;
- определение состава следственно-оперативной группы и инструктаж сотрудников, производящих задержание;
- захват участников воровской сходки на месте ее проведения;
- осмотр места проведения воровской сходки;
- личный обыск статусных преступных лидеров и кандидата на присвоение ему статусного положения в преступной иерархии;
- обыск помещения;
- допрос свидетелей;
- допрос подозреваемых.

Типовая тактическая операция «задержание преступного иерарха через некоторый промежуток времени после момента присвоения ему статусного положения в преступной иерархии» может содержать следующие действия:

- оперативно-розыскные мероприятия по установлению местонахождения преступного иерарха;
- непосредственное задержание преступного иерарха;
- личный обыск задержанного;
- обыск места проживания задержанного, других помещений и принадлежащих ему транспортных средств;
- допрос задержанного;
- допрос свидетелей.

В ходе подготовки и проведения тактической операции «задержание» во всех его видах следует помнить о возможном противодействии со стороны подозреваемого и других заинтересованных лиц [25]. Среди типичных способов такого противодействия можно назвать отказ подозреваемого от приобретенного

преступного статуса, попытки уничтожить документальные следы преступной деятельности в статусе преступного иерарха, попытки найти и уничтожить технические средства наблюдения, попытки уничтожить документы, отображающие выполнение подозреваемым функций статусного преступного лидера, попытки скрыться.

Типовая тактическая операция «поиск» проводится в том случае, когда подозреваемому удалось избежать задержания и скрыться. В рамках данной операции могут проводиться следующие действия:

- преследование подозреваемого по горячим следам;
- оперативно-розыскные мероприятия с целью установить свидетелей, возможные места пребывания подозреваемого, его соучастников;
- допросы свидетелей;
- истребование или выемка документов о праве собственности на недвижимое имущество и транспортные средства, принадлежащие подозреваемому;
- выемка документов с фотографиями подозреваемого, составление и направление информации о нем территориальным подразделениям ОВД, пограничной службе;
- использование данных криминалистических учетов, помощи международных организаций и правоохранительных органов в установленном законом порядке;
- обыск по месту жительства и другим местам возможного пребывания подозреваемого лица, его задержание в случае обнаружения.

Актуальным для расследования занятия высшего положения в преступной иерархии является локальная (тактическая) задача по исследованию переговоров, которые проходили с участием подозреваемого и других участников преступного сообщества. Для выявления и фиксации признаков рассматриваемого преступления может проводиться типовая тактическая операция «переговоры», которая включает:

- изучение носителей коммуникативных сообщений на предмет обнаружения исходящих от подозреваемого и поступавших в его адрес сообщений, следственный осмотр изъятых носителей аудио- и видеoinформации, протокольная фиксация их содержания;
- обыск помещений и изъятие записей с камер наружного наблюдения, расположенных в месте проведения воровской сходки, а также в местах пребывания подозреваемого;
- осмотр одежды и освидетельствование лица, подозреваемого в занятии им высшего положения в преступной иерархии, на предмет наличия атрибутов статусного преступного лидера;
- выемка банковских и иных документов, связанных с оборотом денежных средств, составляющих общак (воровскую казну);
- назначение экспертиз (судебной криминологической, лингвистической, психологической, а также экономической, технико-криминалистической экспертизы документов);
- допросы свидетелей, соучастников, подозреваемого.

Для успешного расследования занятия высшего положения в преступной иерархии результативной также является типовая тактическая операция «обнаружение коррумпированных связей». Выяснение связей подозреваемого с коррумпированными чиновниками, работниками правоохранительных и судебных органов дает

возможность выявить и собрать доказательства их причастности к деятельности преступного сообщества, статусное положение в котором занимает подозреваемый. Указанная тактическая операция может включать в себя:

- допрос подозреваемого и его соучастников;
- допрос свидетелей, которым известно о действиях преступного иерарха, связанных с государственными органами и с предпринимательскими структурами;
- выемка и изучение документов, отображающих движение денежных средств и распоряжение ими подозреваемым;
- назначение при необходимости ревизий и судебных экспертиз.

В условиях расследования занятия высшего положения в преступной иерархии значение приобретает проведение типовой тактической операции «установление статуса субъекта преступления». Это связано с тем, что преступные иерархи, скрывая свое истинное положение в преступном сообществе, нередко пытаются уничтожить или сфальсифицировать источники информации о собственной преступной деятельности. С этой целью преступные иерархи воздействуют на других участников преступного сообщества, понуждая их давать согласованные ложные показания. Поэтому незамедлительный сбор данных о преступном статусе подозреваемого на начальном этапе расследования считается целесообразным. Данная типовая тактическая операция включает:

- обыск жилища и иного места постоянного пребывания подозреваемого, личный обыск подозреваемого с целью обнаружения атрибутов статусного лидера преступной иерархии;
- освидетельствование подозреваемого;
- обнаружение и выемка воровских распорядительных документов (прогнозов, маяев);
- выемка и осмотр служебной документации, отображающей пребывание подозреваемого в местах отбывания наказания;
- допрос руководителей и работников учреждений исполнения наказания, а также лиц, отбывавших наказание совместно с подозреваемым;
- допрос подозреваемого;
- назначение судебных экспертиз;
- оперативно-розыскные мероприятия, направленные на установление контактов подозреваемого с другими участниками преступного сообщества, а также с должностными лицами государственного управления, предпринимательских структур и общественных организаций.

Задачей типовой тактической операции «доказывание условий занятия высшего положения в преступной иерархии» можно считать установление места, времени и обстановки присвоения подозреваемому лицу статусного положения в преступной иерархии. Такая тактическая операция может содержать следующие действия:

- допросы подозреваемого и его соучастников с детализацией показаний относительно процедуры занятия подозреваемым высшего положения в преступной иерархии;
- осмотр места проведения воровской сходки;
- допросы свидетелей;
- выемка и осмотр технических средств и аудио- и видеозаписей, фиксировавших процедуру присвоения лицу высшего положения в преступной иерархии;

– наложение ареста на почтово-телеграфную корреспонденцию, снятие информации с каналов связи.

При расследовании занятия высшего положения в преступной иерархии нередки случаи вмешательства в процесс расследования посторонних (обычно должностных) лиц. С целью нейтрализации такого влияния предлагается проводить типовую тактическую операцию «защита от воздействия на следствие». Она может включать в себя:

– беседы с лицами, которые пытаются вмешаться в процесс расследования, разъяснение им негативных для них последствий такого вмешательства – привлечение к административной или уголовной ответственности;

– обращение к руководителю субъекта противодействия с информацией о фактах такого вмешательства и требованием принять при наличии достаточных оснований меры дисциплинарного воздействия;

– информирование руководства следственного подразделения о противодействии;

– допрос субъектов противодействия в качестве свидетелей с целью выяснения обстоятельств, имеющих значение для дела;

– проведение оперативно-розыскных мероприятий с целью проверки причастности субъекта противодействия к присвоению подозреваемому высшего статуса в преступной иерархии;

– принятие соответствующих мер в случае установления в действиях субъекта противодействия признаков правонарушения.

Негативному воздействию со стороны подозреваемого и иных заинтересованных лиц могут подвергаться и свидетели. В таких случаях можно рекомендовать проведение типовой тактической операции «нейтрализация ненасильственного давления на свидетелей и потерпевшего». Она включает следующие действия:

– проведение беседы с субъектом давления и информирование его о негативных последствиях таких действий, в частности о привлечении его к ответственности;

– оперативно-розыскные мероприятия с целью выявления новых свидетелей;

– оперативно-розыскные мероприятия, направленные на проверку причастности субъектов давления к занятию подозреваемым лицом высшего положения в преступной иерархии;

– оперативно-розыскные мероприятия, направленные на документирование фактов давления на свидетелей;

– допрос свидетелей с целью процессуального закрепления фактов совершения на них давления, а также измененных показаний.

К обстоятельствам, которые подлежат выяснению в ходе расследования преступления, относится выявление причин и условий, способствовавших занятию высшего положения в преступной иерархии. В связи с этим предлагаем проведение типовой тактической операции «установление причин и условий, способствовавших занятию высшего положения в преступной иерархии». Она может включать в себя:

– оперативно-розыскные мероприятия, направленные на выявление и установление местонахождения преступного иерарха и имущества подозреваемого, на которое можно наложить арест;

– запросы в соответствующие учреждения с целью получения информации о наличии зарегистрированного имущества у подозреваемого;

– допросы подозреваемого и свидетелей (в том числе родственников подозреваемого);

– обыски и выемки, наложение ареста на имущество;

– назначение товароведческой, экономической и других судебных экспертиз.

ОСНОВНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ И ВЫВОДЫ

Разработаны типовые тактические операции в расследовании занятия высшего положения в преступной иерархии. Каждая тактическая операция включает рекомендуемый оптимальный набор процессуальных действий и оперативно-розыскных мероприятий, направленных на эффективное достижение локальных (тактических) целей расследования.

Выделены разновидности типовой тактической операции «задержание». Она включает результативные меры по фиксации разнообразной доказательственной информации в зависимости от сложившейся следственной ситуации. Учтены существенные факторы, связанные с противодействием расследованию со стороны подозреваемого и иных заинтересованных лиц.

Предложены другие типовые тактические операции, направленные на обнаружение и фиксацию источников доказательственной информации. При этом учтены негативные факторы, такие как отказ свидетелей от ранее представленных ими правдивых показаний, задействование подозреваемым своих коррумпированных связей, сокрытие и уничтожение признаков занятия подозреваемым высшего положения в преступной иерархии и др. Разработаны типовые тактические операции, направленные на преодоление противодействия расследованию. Показана эффективность назначаемых при этом судебных экспертиз.

Предложены тактико-криминалистические меры по установлению обстоятельств профилактического характера в ходе расследования занятия высшего положения в преступной иерархии.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Меретуков Г.М. Классификация и природа науки криминалистики // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2018. № 2. С. 124–128. EDN: [ХТТРVJ](#).
2. Головин А.Ю., Головина Е.В. Криминалистическая категория «Тактический прием» // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. 2021. № 4. С. 12–16. DOI: [10.24412/2071-6184-2021-4-12-16](#).
3. Низамов В.Ю., Егерев И.М. Тенденции применения тактических приемов в предварительном расследовании // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. 2022. Т. 13. № 1. С. 70–82. DOI: [10.21638/spbu14.2022.104](#).
4. Лакомская М.Ю. Тактические операции группы «поиск» (операции обеспечения розыска отсутствующих элементов криминалистической структуры вида преступления) // Вестник Краснодарского

- университета МВД России. 2018. № 3. С. 71–75. EDN: [YMZSVN](#).
5. Завьялов В.А. Тактическая операция «проверка детализации телефонных переговоров» // Юридический вестник Кубанского государственного университета. 2019. № 3. С. 45–48. EDN: [TYQOLS](#).
  6. Баев М.О., Баев О.Я. Современный правовой механизм задержания подозреваемого в совершении преступления и проблемы его совершенствования // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. 2016. № 2. С. 229–238. EDN: [VZRXYWV](#).
  7. Швеиц С.В., Головин М.В. Организационно-подготовительные действия следователя при проведении допросов // Общество: политика, экономика, право. 2021. № 1. С. 76–80. DOI: [10.24158/pep.2021.1.14](#).
  8. Гармаев Ю.П. Особенности проведения тактических операций по делам о преступлениях, связанных с организованными и организованно-коррупцированными типами мошенничества при получении выплат // Вестник Дальневосточного юридического института МВД России. 2020. № 2. С. 107–113. EDN: [YVJIGD](#).
  9. Драпкин Л.Я., Долинин В.Н., Шуклин А.Е. Тактическая операция «Задержание с поличным» – эффективная форма расследования получения взятки в системе органов государственной власти и местного самоуправления // Расследование преступлений: проблемы и пути их решения. 2017. № 2. С. 155–160. EDN: [ZGVCWX](#).
  10. Гайворонская А.А., Хлопова Е.Н. Особенности тактических приемов допроса по преступлениям экстремистской направленности, совершенным в сети интернет // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2021. № 2. С. 60–68. DOI: [10.17803/2311-5998.2021.78.2.060-068](#).
  11. Моисеев А.М., Кондратюк С.В. Основы криминалистической методики расследования занятия высшего положения в преступной иерархии // Правда и Закон. 2022. № 3. С. 69–81. EDN: [UQOZAO](#).
  12. Алехин Е.В. Установление факта занятия лицом высшего положения в преступной иерархии // Вестник Академии Следственного комитета Российской Федерации. 2021. № 2. С. 92–96. EDN: [OKXQZS](#).
  13. Бажутов С.А., Кунашев А.А. Особенности уголовной ответственности лиц, занимающих высшее положение в преступной иерархии (ст. 210.1 УК) // Законность. 2022. № 11. С. 25–33. EDN: [XQFVVY](#).
  14. Иванцова Н.В., Иванцова Т.М. «Положенец» и его место в преступной иерархии (по материалам судебного процесса) // Законность. 2022. № 9. С. 48–51. EDN: [PYZGZN](#).
  15. Меретуков Г.М., Найденов А.С. Организация планирования расследования убийств // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2018. № 5. С. 175–178. DOI: [10.23672/SAE.2018.5.14126](#).
  16. Солдатов Н.Ф., Мельникова А.С., Фасхутдинова А.В. О некоторых вопросах классификации тактических приемов психологического воздействия в деятельности следователя в ходе расследования преступлений // Закон и право. 2020. № 10. С. 184–186. DOI: [10.24411/2073-3313-2020-10505](#).
  17. Иванова Ю.А., Радченко Т.В., Шевелева К.В., Саудаханов М.В. К вопросу о терроризме: актуальные аспекты // Криминологический журнал. 2021. № 3. С. 29–34. DOI: [10.24412/2687-0185-2021-3-29-34](#).
  18. Моисеев А.М., Панько Н.А. Негативные факторы производства судебных экспертиз // Ex Jure. 2021. № 1. С. 181–193. DOI: [10.17072/2619-0648-2021-1-181-193](#).
  19. Комаров И.М., Парубов А.И. Особенности отдельных следственных действий и взаимодействия следователя и органа дознания по выявлению матери обнаруженного трупа новорожденного ребенка (часть 1) // Юристы-Правоведь. 2021. № 2. С. 131–135. EDN: [NVWJOL](#).
  20. Моисеев А.М., Кондратюк С.В. Проблемы установления функциональных и статусных признаков лица, занявшего высшее положение в преступной иерархии // Правда и Закон. 2022. № 4. С. 54–64. EDN: [AHJYMZ](#).
  21. Ситдикова Г.З. «Криминальная карьера» – основной признак в криминологической, уголовно-правовой и криминалистической характеристиках субъекта преступления «занятие высшего положения в преступной иерархии» // Правовое государство: теория и практика. 2022. № 4. С. 163–168. DOI: [10.33184/pravgos-2022.4.22](#).
  22. Назаркин Е.В., Сулейманов Т.А., Захарова С.С., Масленикова Е.А. Общие положения тактики обыска в ходе расследования дезорганизации деятельности учреждений, обеспечивающих изоляцию от общества // Евразийский юридический журнал. 2022. № 3. С. 326–327. EDN: [EHKYLW](#).
  23. Шахматов А.В., Пальцев А.А. Виды тактической операции по задержанию с поличным лиц, совершающих коррупционные преступления // Журнал правовых и экономических исследований. 2021. № 1. С. 90–96. DOI: [10.26163/GIEF.2021.66.22.016](#).
  24. Свиначев С.В., Киданова Н.Л. Некоторые вопросы тактики проведения допроса и очной ставки // Закон и право. 2023. № 5. С. 255–257. DOI: [10.56539/20733313_2023_5_255](#).
  25. Колмыков С.Н., Цветов С.В. Особенности тактических действий сотрудников полиции при задержании вооруженных преступников в общественном месте // Вестник Белгородского юридического института МВД России имени И.Д. Путилина. 2018. № 1. С. 30–35. EDN: [YUTZHN](#).

REFERENCES

1. Meretukov G.M. Classification and nature of forensic science. *Vestnik Vostochno-Sibirskogo instituta MVD Rossii*, 2018, no. 2, pp. 124–128. EDN: [XTPVJ](#).
2. Golovin A.Yu., Golovina E.V. Forensic category “tactical technique”. *Izvestiya Tul'skogo gosudarstvennogo universiteta. Ekonomicheskie i yuridicheskie nauki*, 2021, no. 4, pp. 12–16. DOI: [10.24412/2071-6184-2021-4-12-16](#).
3. Nizamov V.Yu., Egerev I.M. Trends in the use of tactical techniques in the preliminary investigation. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Pravo*, 2022, vol. 13, no. 1, pp. 70–82. DOI: [10.21638/spbu14.2022.104](#).
4. Lakomskaya M.Yu. Tactical operations of group “search” (operations of ensuring search of the absent

- elements of criminalistics structure of type of crime). *Vestnik Krasnodarskogo universiteta MVD Rossii*, 2018, no. 3, pp. 71–75. EDN: [YMZSVN](#).
5. Zavyalov V.A. Tactical operation “verification of detail of telephone conversations”. *Yuridicheskiy vestnik Kubanskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2019, no. 3, pp. 45–48. EDN: [TYOOLS](#).
  6. Baev M.O., Baev O.Ya. On problems of modern legal detention procedure of suspect of committing a crime and its improvement. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Pravo*, 2016, no. 2, pp. 229–238. EDN: [VZRXYW](#).
  7. Shvets S.V., Golovin M.V. Organizational and preparatory actions of the investigator for interrogations. *Obshchestvo: politika, ekonomika, pravo*, 2021, no. 1, pp. 76–80. DOI: [10.24158/pep.2021.1.14](#).
  8. Garmaev Yu.P. Features of conducting tactical operations in cases of crimes related to organized and orderly-corrupt types of fraud in obtaining benefits. *Vestnik Dalnevostochnogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii*, 2020, no. 2, pp. 107–113. EDN: [YVJIGD](#).
  9. Drapkin L.Ya., Dolinin V.N., Shuklin A.E. Tactical operation “Detention in the act” – an effective form of taking bribes investigation in the system of the government and local government. *Rassledovanie prestupleniy: problemy i puti ikh resheniya*, 2017, no. 2, pp. 155–160. EDN: [ZGVCWX](#).
  10. Gayvoronskaya A.A., Khlopova E.N. Tactical interrogation techniques for extremist crimes committed on the internet. *Vestnik Universiteta imeni O.E. Kutafina (MGYA)*, 2021, no. 2, pp. 60–68. DOI: [10.17803/2311-5998.2021.78.2.060-068](#).
  11. Moiseev A.M., Kondratyuk S.V. Basics of criminal investigation techniques of dominant position occupation in the criminal hierarchy. *Pravda i Zakon*, 2022, no. 3, pp. 69–81. EDN: [UQOZAO](#).
  12. Alekhin E.V. Establishing the fact of a person of the highest position in the criminal hierarchy. *Vestnik Akademii Sledstvennogo komiteta Rossiyskoy Federatsii*, 2021, no. 2, pp. 92–96. EDN: [QKXQZS](#).
  13. Bazhutov S.A., Kunashev A.A. Specifics of criminal liability of the persons, holding top positions in the criminal hierarchy (Art. 2101 of the Criminal Code). *Zakonnost*, 2022, no. 11, pp. 25–33. EDN: [XQFVVY](#).
  14. Ivantsova N.V., Ivantsova T.M. “Caretaker thief-by-law” and his place in the criminal hierarchy (on the materials of court hearings). *Zakonnost*, 2022, no. 9, pp. 48–51. EDN: [PYZGZN](#).
  15. Meretukov G.M., Naydenov A.S. Arrangement of planning for murder investigation. *Gumanitarnye, sotsialno-ekonomicheskie i obshchestvennye nauki*, 2018, no. 5, pp. 175–178. DOI: [10.23672/SAE.2018.5.14126](#).
  16. Soldatov N.F., Melnikova A.S., Faskhutdinova A.V. About some questions of classification of tactical techniques of psychological influence in the activity of the investigator during the investigation of crimes. *Zakon i pravo*, 2020, no. 10, pp. 184–186. DOI: [10.24411/2073-3313-2020-10505](#).
  17. Ivanova Yu.A., Radchenko T.V., Sheveleva K.V., Saudakhanov M.V. On the issue of terrorism: current aspects. *Kriminologicheskii zhurnal*, 2021, no. 3, pp. 29–34. DOI: [10.24412/2687-0185-2021-3-29-34](#).
  18. Moiseev A.M., Panko N.A. Negative factors of production of forensic examinations. *Ex Jure*, 2021, no. 1, pp. 181–193. DOI: [10.17072/2619-0648-2021-1-181-193](#).
  19. Komarov I.M., Parubov A.I. Peculiarities of investigative actions and interactions of the investigator and the inquiring body for detecting the mother of the detected corpse of a newborn child (Part 1). *Yurist-Pravoved*, 2021, no. 2, pp. 131–135. EDN: [NVWJOL](#).
  20. Moiseev A.M., Kondratyuk S.V. Problems of establishing the functional and status signs of a person who has taken the highest position in the criminal hierarchy. *Pravda i Zakon*, 2022, no. 4, pp. 54–64. EDN: [AHJYMZ](#).
  21. Sitdikova G.Z. “Criminal career” as the main feature in the criminological, criminal law and criminalistic characteristics of the perpetrator of the crime “taking the highest position in the criminal hierarchy”. *Pravovoe gosudarstvo: teoriya i praktika*, 2022, no. 4, pp. 163–168. DOI: [10.33184/pravgos-2022.4.22](#).
  22. Nazarkin E.V., Suleymanov T.A., Zakharova S.S., Maslennikova E.A. General provisions of search tactics during the investigation of the disorganization of the activities of institutions providing isolation from society. *Evrasiyskiy yuridicheskiy zhurnal*, 2022, no. 3, pp. 326–327. EDN: [EHKYLW](#).
  23. Shakhmatov A.V., Paltsev A.A. Types of tactical operations for flagrante delicto of corruption offences. *Zhurnal pravovykh i ekonomicheskikh issledovaniy*, 2021, no. 1, pp. 90–96. DOI: [10.26163/GIEF.2021.66.22.016](#).
  24. Svinarev S.V., Kidanova N.L. Some questions of interrogation tactics and confrontation. *Zakon i pravo*, 2023, no. 5, pp. 255–257. DOI: [10.56539/20733313_2023_5_255](#).
  25. Kolmykov S.N., Tsvetov S.V. Features of tactical actions of police officers when detaining armed criminals in a public place. *Vestnik Belgorodskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii imeni I.D. Putilina*, 2018, no. 1, pp. 30–35. EDN: [YUTZHN](#).

Occupation of the highest position in the criminal hierarchy: standard tactical operations in the investigation

© 2023

Stanislav V. Yunoshev^{1,3}, PhD (Law), Associate Professor,
Head of Chair “Criminal Law and Procedure”

Aleksandr M. Moiseev^{1,2,4}, Doctor of Sciences (Law), Professor,
professor of Chair “Criminal Law and Procedure”, Head of Chair of Criminalistics

Sergey V. Kondratyuk^{*1,5}, PhD (Law), assistant professor of Chair “Criminal Law and Procedure”

¹Togliatti State University, Togliatti (Russia)²Donbass State University of Justice, Donetsk (Russia)

*E-mail: kondratyuk.serzh@mail.ru

³ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3537-7460>

⁴ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2840-6083>

⁵ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7272-5359>

Abstract: The authors considered the application of standard tactical operations in the investigation of the occupation of the highest position in the criminal hierarchy. These operations are presented as an element of the forensic methodology for investigating these crimes. The positive effect of their application in the investigation is caused by the information-cognitive approach to modeling a forensic technique. The study distinguished between standard tactical operations and procedures for collecting and evaluating evidence. Standard tactical operations are adapted to emerging investigative situations and combine the most appropriate investigative activities and intelligence surveillance actions recommended by the intelligence surveillance science. The need to develop standard tactical operations is confirmed by examples from investigative practice. On the practical side, the authors touched upon the issues of optimizing the investigation according to the information criterion of reliability and completeness of the evidence obtained. With regard to the investigation of the occupation of the highest position in the criminal hierarchy, the authors proposed standard tactical operations to detain a suspect and other persons involved in a crime, to overcome opposition to the investigation, to carry out investigative prevention and other areas of investigation. Standard tactical operations aimed at detecting and fixing sources of evidentiary information are developed. Such negative factors as the refusal of witnesses from previously presented testimony, the use of connections by a suspect, the concealment and destruction of signs of the occupation of the highest position in the criminal hierarchy by a suspect, etc. are considered. The efficiency of expert examinations assigned at that time, such as forensic criminological, forensic psychological, document management, etc. is shown. The authors proposed tactical and forensic measures to identify the preventive circumstances in the investigation of the occupation of the highest position in the criminal hierarchy.

Keywords: occupation of the highest position in the criminal hierarchy; typical tactical operations; criminalistics; crime investigation technique; investigative activities; intelligence surveillance.

For citation: Yunoshev S.V., Moiseev A.M., Kondratyuk S.V. Occupation of the highest position in the criminal hierarchy: standard tactical operations in the investigation. *Vektor nauki Tolyattinskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Yuridicheskie nauki*, 2023, no. 3, pp. 42–51. DOI: 10.18323/2220-7457-2023-3-42-51.

НАШИ АВТОРЫ

Боброва Наталья Алексеевна, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры «Конституционное и административное право», заслуженный юрист РФ.
Адрес: Тольяттинский государственный университет, 445020, Россия, г. Тольятти, ул. Белорусская, 14.
E-mail: BobrovaNA@samgd.ru

Гамбарова Евгения Александровна, магистр юриспруденции, магистр психологии, аспирант, старший преподаватель кафедры «Уголовное право и процесс».
Адрес: Тольяттинский государственный университет, 445020, Россия, г. Тольятти, ул. Белорусская, 14.
E-mail: egambarova@yandex.ru

Кондратюк Сергей Викторович, кандидат юридических наук, доцент кафедры «Уголовное право и процесс».
Адрес: Тольяттинский государственный университет, 445020, Россия, г. Тольятти, ул. Белорусская, 14.
E-mail: kondratyuk.serzh@mail.ru

Лазарева Валентина Александровна, доктор юридических наук, профессор.
Адрес: Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, 443086, Россия, г. Самара, Московское шоссе, 34.
E-mail: v.a.lazareva@mail.ru

Маштаков Игорь Владимирович, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры «Гражданское право и процесс».
Адрес: Тольяттинский государственный университет, 445020, Россия, г. Тольятти, ул. Белорусская, 14.
E-mail: i.mashtakov@tltsu.ru

Моисеев Александр Михайлович, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры «Уголовное право и процесс», заведующий кафедрой криминалистики.
Адрес 1: Тольяттинский государственный университет, 445020, Россия, г. Тольятти, ул. Белорусская, 14.
Адрес 2: Донбасский государственный университет юстиции, 283049, Россия, г. Донецк, ул. Лебединского, 9.
E-mail: moiseev.prof@gmail.com

Россинский Сергей Борисович, доктор юридических наук, доцент, главный научный сотрудник Сектора уголовного права, уголовного процесса и криминологии.
Адрес: Институт государства и права Российской академии наук, 119019, Россия, г. Москва, ул. Знаменка, 10.
E-mail: s.rossinskiy@gmail.com

Юношев Станислав Викторович, кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой «Уголовное право и процесс».
Адрес: Тольяттинский государственный университет, 445020, Россия, г. Тольятти, ул. Белорусская, 14.
E-mail: svyunoshev@gmail.com

OUR AUTHORS

Bobrova Natalya Alekseevna, Doctor of Sciences (Law), Professor, professor of Chair “Constitutional and Administrative Law”, Honored Lawyer of the Russian Federation.
Address: Togliatti State University,
445020, Russia, Togliatti, Belorusskaya Street, 14.
E-mail: BobrovaNA@samgd.ru

Gambarova Evgeniya Aleksandrovna, Master of Law, Master of Psychology, postgraduate student, senior lecturer of Chair “Criminal Law and Procedure”.
Address: Togliatti State University,
445020, Russia, Togliatti, Belorusskaya Street, 14.
E-mail: egambarova@yandex.ru

Kondratyuk Sergey Viktorovich, PhD (Law), assistant professor of Chair “Criminal Law and Procedure”.
Address: Togliatti State University,
445020, Russia, Togliatti, Belorusskaya Street, 14.
E-mail: kondratyuk.serzh@mail.ru

Lazareva Valentina Aleksandrovna, Doctor of Sciences (Law), Professor.
Address: Academician S.P. Korolev Samara National Research University,
443086, Russia, Samara, Moskovskoye Shosse, 34.
E-mail: v.a.lazareva@mail.ru

Mashtakov Igor Vladimirovich, PhD (Law), Associate Professor, assistant professor of Chair “Civil Law and Procedure”.
Address: Togliatti State University,
445020, Russia, Togliatti, Belorusskaya Street, 14.
E-mail: i.mashtakov@tltsu.ru

Moiseev Aleksandr Mikhailovich, Doctor of Sciences (Law), Professor, professor of Chair “Criminal Law and Procedure”, Head of Chair of Criminalistics.
Address 1: Togliatti State University,
445020, Russia, Togliatti, Belorusskaya Street, 14.
Address 2: Donbass State University of Justice,
283049, Russia, Donetsk, Lebedinsky Street, 9.
E-mail: moiseev.prof@gmail.com

Rossinskiy Sergey Borisovich, Doctor of Sciences (Law), Associate Professor, Chief Researcher of the Criminal Law, Criminal Procedure, and Criminology Sector.
Address: Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences,
119019, Russia, Moscow, Znamenka Street, 10.
E-mail: s.rossinskiy@gmail.com

Yunoshev Stanislav Viktorovich, PhD (Law), Associate Professor, Head of Chair “Criminal Law and Procedure”.
Address: Togliatti State University,
445020, Russia, Togliatti, Belorusskaya Street, 14.
E-mail: svyunoshev@gmail.com